

УДК 316
ББК 60.5
DOI: 10.26907/2079-5912

Информационный научно-аналитический журнал
КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#4 2021 (4)

Учредитель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Издательство: Издательство Казанского университета

ISSN 2079-5912

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке (участвует в программе по формированию РИНЦ).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № 11899.

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

Редакционная коллегия

Р.Г. Минзарипов (главный редактор) – д-р социол. наук, профессор

В.А. Беляев – д-р полит. наук, профессор

А.Г. Большаков – д-р полит. наук, профессор

А.Н. Ершов – д-р социол. наук, профессор

М.Ю. Ефлова – д-р социол. наук, профессор

Г.В. Морозова – д-р экон. наук, профессор

Ж.В. Савельева – д-р социол. наук, доцент

А.Р. Тузиков – д-р социол. наук, профессор

Ю.Р. Хайруллина – д-р социол. наук, профессор

Т.М. Шатунова – д-р филос. наук, профессор

М.Д. Щелкунов – д-р филос. наук, профессор

Howard Davis – PhD in Sociology, Professor at the Bangor University (United Kingdom)

Matsuzato Kimitaka – Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Japan)

Andrei P. Tsygankov – PhD in Political Science, Professor at San Francisco State University (USA)

СОДЕРЖАНИЕ

Габдрахманова Г.Ф., Лаукарт-Горбачева О.В. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС	4
Галиева С.И. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕТЕРМИНАНТ ПРЕСТУПНОСТИ КАК РЕСУРСНАЯ ОСНОВА ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ	9
Ибляминова А.А., Коптева П.А., Файзуллина Л.Р. ИННОПОЛИС КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОМ	17
Иванова Л.А. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ К СВОЕМУ ПОЛОЖЕНИЮ И СУЩЕСТВУЮЩИМ ПРОБЛЕМАМ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)	21
Липатова А.В. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕДИАОБРАЗА РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА	27
Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	33
Мерзляков М.О. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СТРАТЕГИИ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ.....	38
Нестеренко А.В. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ	44
Нурутдинова А.Н. О ПРЕПОДАВАНИИ РОДНОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ В РЕСПУБЛИКАХ МАРИЙ ЭЛ И МОРДОВИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ)	51
Садретдинова Э.В., Коровкина Н.В. ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ.....	56
Уваров И.А. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ И ПЕНИТЕНЦИАРНЫМ СООБЩЕСТВОМ В ВОСПРИЯТИИ ОСУЖДЕННЫХ.....	61
Уваров Н.А. ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ВУЗОВ КАК РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ИХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА	69
Хизбуллина Р.Р. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОМ ОРГАНИЗАЦИИ КАК РАБОТОДАТЕЛЯ	74

Gabdrakhmanova G.F., Laukarf-Gorbacheva O.V. STRATEGIC INSTRUCTIONS OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN: OFFICIAL DISCOURSE.....	4
Galieva S.I. THEORETICAL INTERPRETATION OF CRIME DETERMINANTS AS A RESOURCE BASE FOR PREVENTION OF DELINQUENT BEHAVIOUR	9
Iblyaminova A.A., Kopteva P.A., Fayzullina L.R. INNOPOLIS AS AN INNOVATIVE COMMUNICATION PLATFORM FOR CITY MANAGEMENT	17
Ivanova L.A. SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE REGIONAL ELITE ATTITUDE TO ITS POSITION AND EXISTING PROBLEMS (ON THE EXAMPLE OF THE ASTRAKHAN REGION)	21
Lipatova A.V. SOCIOLOGICAL METHODS OF RESEARCHING THE CONSTRUCTION OF THE MEDIA IMAGE OF A REGIONAL LEADER.....	27
Maximova O.A., Nagmatullina L.K. MODEL OF CIVIL COMPETENCE OF MODERN YOUTH: REGIONAL ASPECT	33
Merzlyakov M.O. PROFESSIONAL ORIENTATIONS AND EMPLOYMENT STRATEGIES OF UNIVERSITY GRADUATES.....	38
Nesterenko A.V. PROFESSIONAL PERSPECTIVES AND SOCIAL SECURITY ASSESSMENT BY YOUNG POLICE OFFICERS.....	44
Nurutdinova A.N. ABOUT TEACHING NATIVE LANGUAGE AT SCHOOL IN THE REPUBLICS OF MARI EL AND MORDOVIA (BASED ON INTERVIEW MATERIALS).....	51
Sadretdinova E.V., Korovkina N.V. THE SEARCH FOR A NATIONAL IDEA IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING RUSSIAN IDENTITY: THE EXPERIENCE OF THE REGIONAL DIMENSION OF THE PROBLEM	56
Uvarov I.A. THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ADMINISTRATION OF THE CORRECTIONAL INSTITUTION AND THE PENITENTIARY COMMUNITY IN THE PERCEPTION OF CONVICTS	61
Uvarov N.A. SKILLS DEVELOPMENT OF UNIVERSITY EMPLOYEES AS A DEVELOPMENT OF THE MAIN COMPONENTS OF THEIR HUMAN CAPITAL	69
Khizbullina R.R. SOCIO-ECONOMIC CONTENT OF THE PROCESS OF MANAGING THE IMAGE OF THE ORGANIZATION AS AN EMPLOYER	74

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.4-8

Аннотация. Важным фактором социально-экономического развития современного общества и его регионов является состояние и возможности накопления человеческого капитала. Стратегические ориентиры и установки его развития обуславливают процветание и конкурентоспособность территорий. На основе анализа текстов документов – Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года и Посланий Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова Государственному совету Республики Татарстан за 2013-2019 гг., авторами статьи выявлены основные темы официального дискурса Татарстана о человеческом капитале: необходимые компетенции, отвечающие потребностям социально-экономического развития республики, улучшение условий, способствующих накоплению и эффективному использованию человеческого капитала, и механизмы наращивания человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, официальный дискурс, социально-экономическое развитие, Республика Татарстан.

Благодарности: Статья подготовлена по проекту «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках национальных республик Российской Федерации» в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на 2020-2022 гг.

В современных экономических условиях конкурентоспособность государства обусловлена наличием высокоразвитого человеческого капитала. Значимость инвестирования и изменение объемов инноваций в совокупный капитал развитых стран свидетельствует не только о возрастании его роли как долгосрочного фактора развития экономики и общества в целом, но и о его выходе на лидирующие позиции по сравнению с реальным, финансовым и природно-ресурсным капиталами [1, с. 211; 2]. Для России данный вопрос приобретает особую актуальность в связи с ее федеративным устройством и разнообразием социально-экономического развития субъектов страны. Российские регионы значительно отличаются по индексу человеческого развития. По последним данным Аналитического центра при Правительстве РФ самые высокие показатели имеют Москва (0,959), Санкт-Петербург (0,951), Тюменская область (0,924), Татарстан (0,921), а самые низкие – Республика Тыва (0,808) и Чечня (0,811) [3].

Экономическое процветание конкретной территории связывается с появлением регионалистского дискурса [4]. Он участвует в наполнении смыслов феноменов общественной жизни, легитимизирует, конструирует и продвигает те или иные образы реальности, «пытается навязать в качестве легитимного новое определение границ и заставить людей знать и признавать регион» [5, с. 53]. Для изучения приписывания значений человеческому капиталу в официальном дискурсе Республики Татарстан привлеклись тексты Посланий Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова Государственному Совету Республики Татарстан с 2013 по 2019 гг. и Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года, утвержденная 17 июня 2015 г. врио Президента Республики Татарстан Р.Н. Миннихановым.

Цель статьи – выявить приоритетные темы официального дискурса о человеческом капитале в Татарстане и их согласованность в публичных выступлениях президента республики (Посланиях) и в письменном документе (Страте-

гии). Для ее достижения использовался качественный анализ указанных документов как метод изучения содержания текстовых массивов, предполагающий их латентное кодирование – скрытый, семантический анализ, ориентированный на поиск имплицитных значений [6, с. 68]. Он позволяет «вписать» содержание текстов в социальный контекст, осмыслить их как проявление реакции региональных властей на актуальные социальные вызовы, а также как властный инструмент управления социальными процессами. Применение данного метода предоставляет возможность для смыслового описания изучаемого концепта, его понимания и интерпретацию в рамках регионального официального дискурса.

В Стратегии концепт «человеческий капитал» используется в качестве осевой категории при формулировке главной цели развития Республики Татарстан. Он определяется как «накопленный уровень знаний, уровень образования и опыт работы (навыки, квалификация, профессиональный опыт), воплощенные в индивидах и использующиеся в течение определенного периода в целях производства товаров и услуг» [7]. Тем самым официальный дискурс в Татарстане задает понимание человеческого капитала как суммы компетенций, обеспечивающих поступательное развитие экономики республики. Это подтверждается и тем, что накопление человеческого капитала в Стратегии объявляется одним из трех приоритетных направлений социально-э-

кономической политики Татарстана, наряду с созданием пространства комфортного для развития человеческого капитала и развитием общественных и экономических институтов и отношений, способствующих успешному функционированию человеческого капитала.

Другими темами письменной части официального дискурса (Стратегии) являются ориентиры для формирования и накопления человеческого капитала. Первое рассматривается в аспекте института образования, включающего все его уровни (дошкольное, школьное, профессиональное среднее и высшее), а также демографической и миграционной политик. Накопление человеческого капитала подразумевает активизацию рынка труда, политики занятости, социальной защиты, развитие здравоохранения и сферы культуры (рис. 1). И все это в документе подается как условия обеспечения конкурентоспособности республики. Таким образом, Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года, предусматривая два взаимоувязываемых процесса – стимулирование накопления человеческого капитала и улучшение условий для его накопления и использования, рассматривает его как преимущество территории.

Связанными с накоплением человеческого капитала в Стратегии выступают конкретные механизмы его наращивания. Эта тема в документе развивается с помощью таких идей, как «Татарстан – центр притяжения населения в При-

Рис.1. Целевая структура человеческого капитала в письменной части официального дискурса Республики Татарстан [7]

волжье», «Обучающийся регион: новой экономике – новые профессии и навыки», «Партнерство для повышения конкурентоспособности высшей школы», «Креативные индустрии Татарстана», «Социальная поддержка инноваторов», «Активное долголетие». Их воплощение видится в увеличении доли иностранных студентов и высококвалифицированных специалистов; в развитии системы непрерывного образования, включая лиц предпенсионного и пенсионного возраста, а также образовательной инфраструктуры, обеспечивающей кадровые потребности региона, и системы инклюзивного образования; в сегментировании сектора высшего образования, усилении его привлекательности на федеральном и международном уровнях; в создании условий для развития творческих индустрий; в сохранении высококвалифицированных специалистов и в привлечении молодых специалистов высокой квалификации; в повышении доступности, качества социального обслуживания людей пожилого возраста и содействие развитию среднего и малого бизнеса в этой сфере. Тем самым Стратегия фокусирует внимание на приоритетных для накопления человеческого капитала в Татарстане целевых группах – специалистах внутри и из-за пределов республики, и институтах, среди которых ведущая роль отдается образованию, конкурентоспособному и отвечающему запросам региона.

В устной части официального дискурса (в Посланиях) категория «человеческий капитал» не используется Президентом Республики Татарстан Р.Н. Минниханов. Однако, руководитель региона ежегодно касается проблем, связанных с ним. Приоритетная для Стратегии тема необходимых для современной экономики компетенций и образования как условия формирования человеческого капитала получает свое освещение в каждом Послании. Лидер Татарстана поднимает вопросы качества подготовки кадров, акцентирует внимание на необходимости передачи знаний и навыков школьникам и студентам, обучающимся в учреждениях среднего и высшего профессионального образования. Президент Татарстана подчеркивает, что «главной составляющей образовательного процесса является личность педагога, обладающего необходимыми

навыками и компетенциями» (2013 г.), «его стремление соответствовать современным требованиям в области знаний и методик, а также умение выявлять, поддерживать таланты и способности учащихся (2017 г.)». Он неоднократно подчеркивает факт повышения заработной платы преподавателей на конкурентоспособный уровень, что подразумевает под собой ожидаемое повышение качества образования в целом (2015 г.). Публичные выступления Р.Н. Минниханова конкретизируют стратегию Татарстана в части накопления человеческого капитала. Лидер республики обозначает наиболее актуальные проблемы в этом вопросе.

Итак, приоритетными темами официального дискурса о человеческом капитале в Республике Татарстан являются:

1) необходимые компетенции для решения актуальных задач региона. Все они в письменной части официального дискурса (в Стратегии) Татарстана увязываются с социально-экономическим развитием республики, производством товаров и услуг;

2) накопление и использование человеческого капитала, улучшение условий для этого. Главная роль в накоплении отводится образованию. Рынок труда, политика занятости и социальной защиты, развитие здравоохранения и сферы культуры рассматриваются в письменной части официального дискурса как фундамент для накопления и использования человеческого капитала. Все это подчинено цели обеспечения конкурентоспособности Татарстана;

3) механизмы наращивания человеческого капитала. В этом качестве выступают конкретные субъекты (специалисты внутри и из-за пределов республики) и специфическая модель высшего образования, характеризующаяся привлекательностью на международном и федеральном образовательных рынках.

Согласованность публичных выступлений Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова и «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» проявляется в рассмотрении образования как ключевого фактора накопления человеческого капитала и обеспечения конкурентоспособности региона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Владыкина Л.Б. Человеческий капитал предприятия / Л.Б. Владыкина // Экономические науки. – 2009. – № 12(61). – С. 210–213.
2. Нестеров Л. Национальное богатство и человеческий капитал / Л. Нестерова, Г. Аширова // Вопросы экономики. – 2003. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-2-103-110> (дата обращения: 15 ноября 2021).
3. Карта субъектов Российской Федерации по индексу человеческого развития. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации (2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/karta_HDI_2018.pdf (дата обращения: 15 ноября 2021).
4. Fitjar R.D. Building Regions on Economic Success: Prosperity and Regionalism in Rogaland / R.D. Fitjar // Scandinavian Political Studies. – 2006. – № 29 (4). – P. 333-355. DOI: 10.1111/j.1467-9477.2006.00155.x.
5. Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» / П. Бурдые // Ab Imperio. – 2005. – № 3. – С. 45–61.
6. Семенова А.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / А.В. Семенова, М.В. Корсунская / Под редакцией В.А. Мансурова. – М.: Институт социологии РАН, 2010. – 324 с.
7. Закон РТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» (№ 40-ЗРТ от 17 июня 2015 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/428570021> (дата обращения: 15 ноября 2021).

Информация об авторах

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, отдел этнологических исследований.

E-mail: medi54375@mail.ru

Лаукарт-Горбачева Ольга Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, отдел этнологических исследований.

E-mail: olga241202@yandex.ru

Gabdrakhmanova G.F., Laukart-Gorbacheva O.V.

STRATEGIC INSTRUCTIONS OF THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN: OFFICIAL DISCOURSE

Abstract. An important factor in the socio-economic development of modern society and its regions is the state and possibilities of accumulating human capital. Strategic guidelines and guidelines for its development determine the prosperity and competitiveness of the territories. Based on the analysis of the texts of documents - the Strategy of Socio-Economic Development of the Republic of Tatarstan until 2030 and the Messages of the President of the Republic of Tatarstan R.N. Minnikhanov to the State Council of the Republic of Tatarstan for 2013-2019, the authors of the article identified the main topics of the official discourse of Tatarstan on human capital: the necessary competencies that meet the needs of the socio-economic development of the republic, improvement of conditions conducive to the accumulation and effective use of human capital, and mechanisms for increasing human capital.

Keywords: human capital, official discourse, socio-economic development, Republic of Tatarstan.

Literature

1. Vladykina L.B. Human capital of the enterprise / L.B. Vladykina // Economic Sciences. – 2009. – No. 12 (61). – S. 210–213.
2. Nesterov L. National wealth and human capital / L. Nesterova, G. Ashirova // Economic Issues. – 2003. – No. 2. [Electronic resource]. – Access mode: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-2-103-110> (date of access: November 15, 2021).
3. Map of the constituent entities of the Russian Federation according to the human development index. Analytical Center for the Government of the Russian Federation (2018). [Electronic resource]. – Access mode: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/karta_HDI_2018.pdf (date accessed: November 15, 2021).

4. Fitjar R.D. Building Regions on Economic Success: Prosperity and Regionalism in Rogaland / R.D. Fitjar // Scandinavian Political Studies. – 2006. – No. 29 (4). – S. 333-355. DOI: 10.1111/j.1467-9477.2006.00155.x.
5. Bourdieu P. Identity and representation: elements of critical reflection of the idea of "region" / P. Bourdieu // Ab Imperio. – 2005. – No. 3. – S. 45–61.
6. Semenova A.V. Media Content Analysis: Problems and Experience of Application / A.V. Semenova, M.V. Korsunskaya / Edited by V.A. Mansurov. – M.: Institute of Sociology RAS, 2010. – 324 p.
7. Law of the Republic of Tatarstan "On approval of the Strategy of socio-economic development of the Republic of Tatarstan until 2030" (No. 40-ZRT dated June 17, 2015). [Electronic resource]. – Access mode: [http://docs.cntd.ru/document / 428570021](http://docs.cntd.ru/document/428570021) (date of access: November 15, 2021).

Authors

Gabdrakhmanova Gulnara Faatovna, Doctor Sc. (Sociology), Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Department of Ethnological Research.

E-mail: medi54375@mail.ru

Laukart-Gorbacheva Olga Victorovna, PhD in sociological science, associate Professor, Senior Researcher, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Department of Ethnological Research.

E-mail: olga241202@yandex

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДЕТЕРМИНАНТ ПРЕСТУПНОСТИ КАК РЕСУРСНАЯ ОСНОВА ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.9-16

Аннотация. Центральное место в предупреждении делинквентности играют представления о совокупности факторов, которые ведут к преступному поведению, и воздействие на эти факторы в рамках деятельности соответствующих государственных институтов. В статье приводится аналитический обзор сформулированных западными исследователями теорий, связанных с детерминантами преступного поведения. Обзорное исследование охватывает основные интерпретации преступного поведения, начиная от классических концепций социальной дезорганизации и аномии, и заканчивая теориями криминальных возможностей и неомарксистскими концепциями преступности. Кроме того, в статье выделяется специфика предупреждения преступности, которая следует из представленных в обзоре теорий.

Ключевые слова: делинквентность, социологические теории преступности, детерминанты преступности, профилактика преступного поведения.

Преступность является одной из значимых социальных проблем современности. В деле ее предупреждения важную роль играет знание о детерминантах преступного поведения, которые рассматривались социологами, девиантологами и криминалистами. Целью данной статьи является обзор основных теорий девиантного поведения, разработанных западными исследователями.

Теория дезорганизации, которая сформировалась в рамках Чикагской школы (У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджесс и др.) является одной из первых эмпирически подтвержденных теорий делинквентного поведения. Термин «социальная дезорганизация» был введен У. Томасом и Ф. Знанецким. Под социальной дезорганизацией они понимали «уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы», подчеркивая, при этом, что «на основе социальной организации или дезорганизации невозможно сделать вывод относительно организации или дезорганизации индивидуальной или наоборот» [1, с.135–136]. Использование данного подхода в исследованиях преступного поведения показало наличие взаимосвязи между социальной дезорганизацией и уровнем преступности: как отмечает А.Л. Салагаев, была установлена зависимость уровня делинквентности от типа

района и его связь другими социальными проблемами: безработицей, низким достатком и низким уровнем образования, самоубийствами, проституцией и т.д. [2, с. 33].

С точки зрения профилактики преступности, теория социальной дезорганизации ориентирует государственные институты на решение основных социально-экономических проблем населения и акцентирует внимание на необходимости особого внимания к маргинальным слоям населения, которые вносят определенный вклад в общий уровень преступности.

Теория дифференциальных связей Э. Сатерленда рассматривает не сколько причины преступности, сколько причины, по которым индивиды становятся преступниками. Основным тезисом предложенной Сатерлендом теории является положение о том, что преступному поведению люди обучаются в процессе коммуникации с другими людьми, имеющими криминальный опыт, причем основная и главная часть «криминального обучения» происходит в небольших группах индивидов, близко связанных друг с другом. При этом, процесс обучения криминальному поведению за счет ассоциирования с криминальными паттернами (техника совершения преступлений, усвоение мотивов и готовности нарушать закон, презрение к леги-

тимному поведению, рационализация делинквентного поведения и пр.) включает в себя все механизмы, которые используются при любом другом виде обучения [3, р. 75–76].

В последующем теория Сатерленда была дополнена концепцией дифференциальной ассоциации, которая связывает вовлечение индивида в преступное поведение не столько с общением с делинквентами, сколько с возникающей самоидентификацией с преступными кругами / группами: «индивид участвует в преступном поведении в той мере, в какой он идентифицирует себя с реальными или воображаемыми людьми, которые считают преступное поведение допустимым» [4, р. 440]. Р. Берджесс и Р. Айкерс дополнили теорию дифференциальных ассоциаций понятием дифференциального усиления. По мнению Айкерса и Берджесса, дифференциальное усиление возникает в тех условиях, когда определенный тип поведения приносит более существенную и более частую награду, чем альтернативные виды поведения. Поэтому в тех условиях, когда преступная деятельность является более «выгодной», чем законопослушное поведение, возрастает вероятность того, что индивиды встанут на преступный путь [5].

Из теории дифференциальных связей и дополнений к ней следует, что профилактика преступности должна быть нацелена на криминальные паттерны поведения, в частности, она должна противодействовать романтизации представителей преступного мира и эстетизации криминального образа жизни, а также делать преступления невыгодными во всех отношениях.

Группа аномических теорий базируется на классической концепции аномии (общее состояние дезорганизации), предложенной Э. Дюркгеймом для объяснения самоубийств [6]. Первым концепцию аномии для объяснения преступного поведения предложил использовать Р. Мертон, который указал на то, что источником преступности является аномия или социальное напряжение, вызванное противоречием между сферой устремлений (цели, намерения и интересы) и невозможности достичь указанных устремлений с помощью приемлемых способов: «отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения» [7, с. 301]. В дальнейшем это состояние было названо Альбертом Козмом «фрустрацией статуса» [8].

Американские исследователи Р. Кловард и Л. Олин, взяв за основу аномическую теорию преступности Мертона, дополнили ее понятием «нелегитимных возможностей». Авторы справедливо указали на то, что не все индивиды, столкнувшись с ситуацией социальной напряженности вследствие невозможности достичь одобряемых социумом целей законными средствами, прибегают к преступ-

ным средствам. По их мнению, вовлечение в противоправное поведение происходит только в тех случаях, когда указанные индивиды имеют нелегитимные возможности для обретения того, что в обществе принято считать мериллом успеха [9].

По мнению Т. Парсонса, несмотря на то, что тезис Мертона о несоответствии декларируемых обществом целей и имеющихся у индивидов возможностей как причине преступного поведения верен, нельзя упускать из виду и такой фактор, как несоответствие ожиданиям. В данном случае, источником социального напряжения является невыполнение ожиданий и последующая отчужденная реакция фрустрированного индивида, направленная на социальные нормы или других людей [10, р. 257, 259].

Завершая обзор аномических теорий, рассмотрим общую теорию напряжения Р. Агню. Агню выделяет три идеальных типа напряжений: 1) неудачи в достижении позитивно оцениваемых целей, 2) потеря позитивно оцениваемого стимула и 3) противостояние негативным стимулам. Указанные напряжения увеличивают вероятность возникновения у индивидов негативных эмоций, которые толкают их к ответным шагам, в т.ч. преступному поведению (например, возникновение злости, сопровождающейся обвинением других, возбуждает у индивидов жажду мести / «желание поквитаться», причем агрессия в подобных случаях воспринимается ее инициаторами как «оправданная»). Таким образом, в рамках указанной теории каждый тип напряжения либо выступает в качестве предрасположенности к преступному поведению, либо функционирует в качестве ситуационного события, которое провоцирует конкретное преступление. При этом, Агню подчеркивает, что напряжение не является автоматической детерминантой преступности, поскольку индивиды могут использовать когнитивные, поведенческие и эмоциональные стратегии адаптации для их преодоления (например, не придавать значения своим неудачам, заниматься самоуспокоением и т.д.) [11]. В своей более поздней работе Агню отмечал, что большая вероятность того, что наличие напряжений станет причиной преступного поведения, имеет место тогда, когда напряжения рассматриваются в качестве несправедливости, воспринимаются как значительные, коррелируют с низким уровнем социального контроля и создают давление для вовлечения в стратегии преступной адаптации [12].

Аномические теории, таким образом, сводят предупреждение преступности к действиям, направленным на ограничение чрезмерных устремлений и завышенных ожиданий, с одной стороны, и предоставлению законных возможностей по достижению своих целей с другой стороны.

Многочисленная группа теорий социального контроля основной причиной вовлечения индивидов в преступное по-

ведение считает слабость социального контроля, который должен обеспечивать соответствие индивидов нормам поведения, в т.ч. установленным законодательно. Теоретики социального контроля высказывали различные предположения о первопричинах человеческих девиаций. В частности, в теориях социального контроля И. Ная и Т. Хирши предполагается, что корень отклоняющегося поведения лежит в самом человеческом естестве, точнее, в том, что можно назвать «животными инстинктами». Например, Най писал, что «нет нужды объяснять поведение, называемое делинквентным или преступным, никакими положительными мотивами» [13, р. 5], а Хирши уточнял, что теории социального контроля хоть и не рассматривают индивида как аморальное существо, но, тем не менее, «предполагают различия в морали: для одних нравственные соображения являются важными, а для других – нет» [14, р.11]. По мнению другого теоретика социального контроля – У. Реклесса, в качестве первопричин преступного поведения выступают индивидуальные и социальные уязвимости (например, фрустрация, тяжелое экономическое положение и т. д.) [15, р. 15–32]. При этом, барьером между вовлечением в преступное поведение и конформизмом является социальный контроль в различных его вариациях.

Исходя из вышесказанного, для снижения уровня преступности авторы указанных теорий предлагают использовать меры по усилению социального контроля. В частности, Най писал о необходимости внутреннего контроля (воспитание и социализация), непосредственного контроля (угроза санкций), опосредованного (косвенного) контроля (самоидентификация с положительными примерами) и легитимного удовлетворения собственных потребностей [13, р. 5–9]. По мнению Хирши, для предотвращения делинквентного поведения необходимо укреплять социальную связь / привязанность индивида к обществу, поскольку слабость последнего отличает делинквентов от законопослушных индивидов [14, р.16–34].

Теория рутинной деятельности Л. Коэна и М. Фельсона рассматривает не столько причины преступности, сколько отвечает на вопрос «При каких условиях совершение преступлений является более вероятным?». Основной тезис теории рутинной деятельности сформулирован ее авторами следующим образом: «структурные изменения в рутинной деятельности могут влиять на уровень преступности посредством схождения в одной точке места и времени трех минимальных элементов преступного посягательства прямого контакта: 1) преступников с мотивом, 2) подходящих целей, и 3) отсутствия дееспособных защитников от правонарушений». Соответственно, авторы данной теории делают вывод, что для снижения уровня преступности критически важную роль играет контроль, поскольку можно с высокой долей вероятности говорить о наличии в обществе стабиль-

ного количества мотивированных преступников и подходящих целей. Снижение уровня контроля, по мнению Коэна и Фельсона, будет означать вероятное увеличение числа преступных посягательств [16, р. 589]. Кроме того, следствием этой теории является то, что цели профилактики преступности будет способствовать ликвидация вышеупомянутого «треугольника преступления»: «преступник» – «жертва» – «возможность» путем воздействия на те или иные его элементы, в частности, ликвидацию «возможностей».

С теорией рутинной деятельности тесно переплетается группа теорий криминальных возможностей, которые являются дальнейшим развитием главного тезиса теории Коэна и Фельсона и рассматривают различные особенности выбора преступниками объекта для своих посягательств. Так, например, теория образа жизни (lifestyle-routine activities theory) утверждает, что социо-демографические факторы, такие, как возраст, пол, брачный статус, принадлежность к тому или иному классу, расовой или этнической группе, оказывает влияние на жизненные стили людей, их повседневные практики связанные с работой, отдыхом и т.д. Различия в жизненных стилях, в свою очередь, обуславливают различные вероятности пересечения с опасными личностями, нахождения в опасных местах и пр., и тем самым влияют на вероятность виктимизации индивидов [17].

Теория преступных паттернов указывает на то, что преступники ищут своих жертв на привычных маршрутах, которыми они пользуются во время своих повседневных передвижений из т.н. «узловых пунктов», к которым относятся места проживания, торговые центры, места учебы, развлекательные заведения и т.д. При этом, преступники чувствуют себя физически, психологически и символически ограниченными рамками привычных для себя мест [18]. В свою очередь, отдельные «узловые пункты» могут быть аттракторами преступлений или и их генераторами. Аттракторы преступлений – это места, куда преступники стекаются для нарушения закона и участия в противоправных деяниях (районы красных фонарей, питейные заведения пр.). Генераторы преступлений – это места, в которых люди собираются не для преступной деятельности (торговые центры, кинотеатры, рестораны и пр.), и преступники не посещают их специально для совершения преступлений, однако при возникновении удобного случая они, не задумываясь, воспользуются им и совершат преступное деяние [19].

Упомянем еще одну теорию из рассматриваемой группы – многоуровневую теорию возможностей, которая частично использует наработки теории социальной дезорганизации. Согласно многоуровневой теории возможностей, преступление является продуктом «пересечения» мотивированного правонарушителя с криминогенным социальным или физическим пространством (в т.ч. дезорганизованными общностями), причем поиск преступником

жертвы происходит на нескольких уровнях (для преступника важны как индивидуальные характеристики потенциальной жертвы, так и имеющиеся характеристики окружающего пространства) [20].

В целом же, теории криминальных возможностей сходятся в том, что для профилактики преступности усилия должны быть направлены на ограничение соответствующих возможностей с особым прицелом на повышении общей безопасности городских пространств, хотя, например, в многоуровневой теории возможностей больший акцент делается на воздействие как на индивидуальном, так и контекстуальном уровнях.

Криминологическая теория рационального выбора была разработана Д. Корнишем и Р. Кларком в качестве рамочного методологического инструмента, ориентированного на практико-ориентированные исследования. Данная теория исходит из того, что преступники желают получить определенную пользу от преступного деяния, поэтому они принимают решения и делают выбор, которые характеризуются рациональностью, хотя и ограниченной нехваткой времени и недостатком релевантной информации. По мнению Корниша и Кларка, несмотря на то, что на первый взгляд нет рациональности в преступлениях, причиной которых стали патологические мотивы или импульсивные порывы, в них все же присутствует определенное рациональное зерно, выявление которого является задачей деятельности по противодействию преступности. Криминологическая теория рационального выбора рассматривает каждый тип преступной деятельности по отдельности, поскольку исходит из того, что ситуационный контекст принятия решения и обработка информации имеют свою специфику, которая различна для каждого типа преступлений [21, р. 1–2].

Еще одним тезисом теории рационального выбора является то, что следует различать вовлечение в преступную деятельность и преступные акты. Вовлечение в преступную деятельность – это процесс, в рамках которого индивид принимает решение принять участие в определенном преступлении с намерением вовлечения в девиантную карьеру. Принятие решения в данном случае определяется множеством различных факторов, которые носят индивидуальный характер в каждом отдельном случае. Подобное решение принимается, как правило, в течение длительного периода времени и при принятии решения учитывается самая разнообразная информация, даже не связанная с преступлениями. Что касается принятия решения о совершении преступного акта, то в данном случае речь идет об оценке специфической, связанной с конкретным преступлением информации (анализ ситуации, условий и т.д.) и зачастую в данном случае решение принимается существенно быстрее [21, р. 2].

Двумя важными следствиями данной теории, которые имеют значение в контексте профилактики преступности, являются значимость 1) ситуационного контекста и 2) побудительных мотивов (награды или наказания) [21, р. 6] – воздействуя на них можно оказывать предупреждающее воздействие на уровень преступности.

Частным случаем ситуационного контекста являются городские пространства. Согласно теории нулевой терпимости, которая зачастую именуется теорией разбитых окон, терпимость к мелким правонарушениям является, в конечном счете, причиной усиления преступности в целом (в т.ч. тяжких преступлений). Авторы данной теории – Джеймс Уилсон и Джордж Келлинг – используют для иллюстрации этого тезиса метафору окна: «если разбитое окно в здании не поменять, то вскоре будут разбиты и оставшиеся окна в здании... окно, разбитое и не отремонтированное, является сигналом того, что всем наплевать и оставшиеся окна можно бить безбоязненно». Развивая свой тезис, авторы пишут о том, что с подобных мелких проступков начинает постепенно рушиться общественный контроль, усиливается равнодушие к более серьезным правонарушениям, растет число преступлений и страх перед преступностью среди населения. Поэтому, делают вывод авторы теории, необходимостью становится проведение политики полной нетерпимости к любым правонарушениям [22, р. 30–31].

Общая теория преступности Роберта Агню, которая является частичной переработкой положений общей теории напряжения, отвечая на вопрос о причинах преступности синтезирует разработки различных концепций делинквентности. В отличие от остальных попыток построения интегративных теорий, Агню начал с выделения ряда переменных, которые имеют достоверную корреляцию с преступным или отклоняющимся поведением. Рассмотрев почти три десятка подобных переменных, он, в итоге, объединил их в пять кластеров жизненных сфер: человеческая самость (факторы социализации, уровня самоконтроля), семья (плохие отношения с родителями, неполные семьи / проблемные браки), друзья (наличие преступников среди сверстников), школа (проблемы в школе, низкий уровень образования) и работа (безработица, неудовлетворенность своей трудовой занятостью) [23, р. 59].

Наряду с кластерами жизненных сфер, ключевую роль в теории Агню играют понятия ограничений и мотивации. Ограничения – это факторы, которые предотвращают преступное поведение индивидов. Среди них Агню выделяет внешний контроль (санкции за совершение преступлений), внутренний контроль (морально-нравственные нормы) и т.н. «долю в соответствии нормам» (инвестиции в свое будущее посредством принятия доминирующих норм, установления связей с соблюдающими нормы

гражданами, вовлеченность в соответствующую деятельность). Мотивация, наоборот, подталкивает индивидов к противоправному поведению. Речь, в данном случае, идет о различных ситуациях напряженности и вынужденности, которые толкают людей на совершение преступлений, поощрениях со стороны авторитетных лиц, иллюзиях дозволенности тех или иных деяний или выгоды отклоняющегося / делинквентного поведения [23, р. 18–30]. Базовым предположением общей теории преступности Агню является то, что «преступное поведение тем более вероятно, чем слабее ограничения против преступлений и сильнее мотивация к их совершению» [23, р. 11]. Ограничения и мотивация являются основными механизмами, посредством которых внешние и внутренние факторы в рамках жизненных сфер ведут к преступности, при этом те же самые факторы могут и сами по себе оказывать частичное влияние на преступное поведение [23, р. 33]. Рецепт предотвращения преступного поведения, по мнению Агню, следующий: необходимо решать проблемы с детерминантами преступности на уровне указанных жизненных сфер посредством программ по профилактике и реабилитации [23, р. 202].

В завершении обзора скажем несколько слов о группе неомарксистских теорий преступности. Так, например, неомарксистская теория девиации, предложенная С. Спитзером, подчеркивает, что статус девианта является производным от социо-политического конфликта между классами в капиталистическом обществе, которое занимается производством девиаций, т. е. определяет группы населения, которые представляют «угрозу», проблематизирует их существование и реализует меры по решению «проблемы» [24, р. 640–641]. По мнению другого теоретика неомарксистской криминологии, Р. Куинни, законодательная система в капиталистическом обществе полностью подчинена интересам правящего класса, и она используется в качестве орудия подавления в классовой борьбе. Куинни считает, что правящая элита использует теории преступности для того, чтобы манипулировать и контролировать тех, кто представляет собой опасность для режима. При этом, в рамках капиталистической гегемонии, «карающий меч правосудия» ориентирован, прежде всего, на низшие классы, тогда как преступные деяния высших слоев общества зачастую игнорируются или замалчиваются [25].

Тезис о невозможности рассмотрения преступности вне категорий политико-властных отношений в капитали-

стическом обществе, является, таким образом, ключевой идеей неомарксистского подхода. Тем не менее, ошибочным было бы полагать, что сторонники указанного подхода вообще не принимали во внимание каких-либо иных факторов преступного поведения. Например, М. Линч и У.Б. Гровс предприняли оригинальную попытку совместить марксистскую интерпретацию преступности с теориями социального контроля и социальной дезорганизации, указывая на то, что классовое неравенство является причиной дезорганизующих и ослабляющих социальный контроль факторов, которые, в свою очередь, сказываются на росте преступного поведения [26]. В качестве другого примера можно привести работу Б.А. Симс, которая указывала на то, что в основе причин преступного поведения, которые выделяются в аномических теориях, лежат структурные и экономические неравенства капиталистической системы. Как пишет Симс, «такие ценности, как достижения, индивидуализм, универсализм и фетишизация денег ... являются производными от капиталистического способа производства. Его участники ... делают чрезмерный акцент на материальном, что зачастую ведет к жадности... Экономические и структурные неравенства, возникающие в социальном пространстве, могут вызвать ситуацию аномии» [27, р.11].

Главным следствием неомарксистских теорий применительно к профилактике преступности является необходимость формирования более сбалансированной и справедливой системы уголовного преследования, которая позволила бы эффективно расследовать преступления, совершаемые политической и экономической элитами. Максимальная реализация принципа неотвратимости наказания за любые преступления, в свою очередь, рассматривается как фактор, который будет способствовать снижению общего уровня преступности (в т.ч. за счет повышения уважения к законам и большей уверенности в справедливости системы).

Таким образом, теоретические интерпретации детерминант преступного поведения показывают, что для эффективной профилактики делинквентности государственные институты должны осуществлять максимально широкий спектр регулирующего воздействия в различных сферах социума, начиная от усиления роли социального контроля и выравнивания экономического дисбаланса, и заканчивая проектированием более безопасных городских пространств и противодействием эстетизации преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Томас У. Понятие социальной дезорганизации / У. Томас, Ф. Знанецкий // Контексты современности-II: хрестоматия / Сост. и ред. С.А.Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 134–138.
2. Салагаев А.А. Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий / А.А. Салагаев. – Казань: Экоцентр, 1997.
3. Sutherland E. Criminology / E. Sutherland, D.R. Cressey – Philadelphia, Lippincott, 1974.
4. Glaser D. Criminality theories and behavioral images / D. Glaser // American Journal of Sociology. – 1956. – Vol. 61. – P. 433–444.
5. Burgess R.L. A Differential Association-Reinforcement Theory of Criminal Behavior / R.L. Burgess, R.L. Akers // Social Problems. – 1966. – Vol.14. – №2. – P. 128–147.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994.
7. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / Пер. Е.А.Самарской; под ред. М.Н. Грецкого. – М.: Прогресс, 1966.
8. Cohen A. Delinquent Boys: The Culture of the Gang / A. Cohen. – New York: Free Press, 1955.
9. Cloward R. Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs / R. Cloward, L. Ohlin. – Glencoe, Il.: Free Press, 1960.
10. Parsons T. The social system / T. Parsons. – Glencoe, Il.: Free Press, 1951.
11. Agnew R. Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency / R. Agnew // Criminology. – 1992. – Vol. 30. – №1. – P. 47–87.
12. Agnew R Building on the Foundation of General Strain Theory: Specifying the Types of Strain Most Likely to Lead to Crime and Delinquency / R. Agnew // Journal of research in Crime and Delinquency. – 2001. – Vol. 38. – №4. – P. 319–361.
13. Nye I. Family Relationships and Delinquent Behavior / I. Nye. – New York: Wiley, 1958.
14. Hirschi T. Causes of Delinquency / T. Hirschi. – Berkely, CA: University Press, 1969.
15. Reckless W. The Crime Problem / W. Reckless. – New York: Appleton Century-Crofts, 1955.
16. Cohen L.E. Social change and crime rate trends: a routine activities approach / L.E. Cohen, M. Felson // American sociological review. – 1979. – Vol. 44. – №4. – P. 588–608.
17. Hindelang M. J. Victims of personal crime: An empirical foundation for a theory of personal victimization / M.J. Hindelang, M.R. Gottfredson, J. Garofalo. – Cambridge, MA: Ballinger, 1978.
18. Brantingham P. L. Nodes, paths, and edge considerations on the complexity of crime and the physical environment/ P.L. Brantingham, P.J. Brantingham // Journal of Environmental Psychology. – 1993. – №13. – P. 3–28.
19. Brantingham P. L. Criminality of place: Crime generators and crime attractors / P.L. Brantingham, P.J. Brantingham // European Journal on Criminal Policy and Research. – 1995. – №3. – P. 5–26.
20. Wilcox P. Criminal circumstance: A dynamic, multi-contextual criminal opportunity theory / P. Wilcox, K.C. Land, S.A. Hunt. – Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.
21. Cornish D. Introduction / D. Cornish, R. Clarke // The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Offending / D. Cornish, R. Clarke (Eds.). – New York: Springer, 1986. – P. 1–16.
22. Wilson J.Q. Broken windows: The Police and Neighborhood Safety / J.Q. Wilson, G.L. Kelling // Atlantic Monthly. – 1982. – №249(3). – P. 29–38.
23. Agnew R. Why do criminals offend? A general theory of crime and delinquency / R. Agnew. – Los Angeles, CA: Roxbury, 2005.
24. Spitzer S. Toward a Marxian Theory of Deviance / S. Spitzer // Social Problems. – 1975. – Vol. 22. – №5. – P. 638–651.
25. Quinney R. Critique of the Legal Order: Crime Control in Capitalist Society / R. Quinney. – London: Transaction Publishers, 2002.
26. Lynch M. J. A primer in radical criminology / M.J. Lynch, W.B. Groves. – New York: Harrow and Heston, 1986.
27. Sims B.A. Crime, punishment and the american dream: Toward a Marxist integration / B.A. Sims // Journal of research in crime and delinquency. – 1997. – Vol.34. – №1. – P. 5–24.

Информация об авторе

Галиева Светлана Ибрагимовна, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Институт управления инновациями, кафедра инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента.

E-mail: minnisagali@rambler.ru

Galieva S.I.

THEORETICAL INTERPRETATION OF CRIME DETERMINANTS AS A RESOURCE BASE FOR PREVENTION OF DELINQUENT BEHAVIOUR

Abstract. The central place in delinquency prevention is occupied by the ideas about set of factors leading to delinquent behaviour and addressing these factors within the activities of corresponding state institutions. The article provides analytic review of theories related to crime determinants which were developed by the Western researchers. The review research covers main interpretations of delinquent behaviour from classic notions of social disorganization and anomie to crime opportunity theories and NeoMarxist concepts of crime. Moreover, the article emphasizes the peculiarities of crime prevention stemming from the theories presented in the review.

Keywords: delinquency, sociological theories of crime, crime determinants, prevention of delinquent behaviour.

Literature

1. Thomas W.I. Concept of Social Disorganization / W.I. Thomas, F. Znaniecki // *Contexts of Modernity-II: anthology* / S.A. Erofeev (comp. and ed.). – Kazan: Kazan University Press, 2001. – P. 134–138.
2. Salagaev A.L. Youth law violations and delinquent communities through the prism of American sociological theories / A.L. Salagaev. – Kazan: Ekotsentr, 1997.
3. Sutherland E. *Criminology* / E. Sutherland, D.R. Cressey – Philadelphia, Lippincott, 1974.
4. Glaser D. Criminality theories and behavioral images / D. Glaser // *American Journal of Sociology*. – 1956. – Vol. 61. – P. 433–444.
5. Burgess R.L. A Differential Association-Reinforcement Theory of Criminal Behavior / R.L. Burgess, R.L. Akers // *Social Problems*. – 1966. – Vol. 14. – №2. – P. 128–147.
6. Durkheim E. *Suicide: A Study in Sociology* / E. Durkheim; short trans.; V.A. Bazarov (ed.). – Moscow: Mysl, 1994.
7. Merton R. *Social Structure and Anomie* / R. Merton // *Sociology of Crime (Contemporary Bourgeois Theories)* / E.A. Samarskaya (trans.); M.N. Gretskiy (ed.). – Moscow: Progress, 1966.
8. Cohen A. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang* / A. Cohen. – New York: Free Press, 1955.
9. Cloward R. *Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs* / R. Cloward, L. Ohlin. – Glencoe, Il.: Free Press, 1960.
10. Parsons T. *The social system* / T. Parsons. – Glencoe, Il.: Free Press, 1951.
11. Agnew R. *Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency* / R. Agnew // *Criminology*. – 1992. – Vol. 30. – №1. – P. 47–87.
12. Agnew R. *Building on the Foundation of General Strain Theory: Specifying the Types of Strain Most Likely to Lead to Crime and Delinquency* / R. Agnew // *Journal of research in Crime and Delinquency*. – 2001. – Vol. 38. – №4. – P. 319–361.
13. Nye I. *Family Relationships and Delinquent Behavior* / I. Nye. – New York: Wiley, 1958.
14. Hirschi T. *Causes of Delinquency* / T. Hirschi. – Berkely, CA: University Press, 1969.
15. Reckless W. *The Crime Problem* / W. Reckless. – New York: Appleton Century-Crofts, 1955.
16. Cohen L.E. *Social change and crime rate trends: a routine activities approach* / L.E. Cohen M. Felson // *American sociological review*. – 1979. – Vol. 44. – №4. – P. 588–608.
17. Hindelang M. J. *Victims of personal crime: An empirical foundation for a theory of personal victimization* / M.J. Hindelang, M.R. Gottfredson, J. Garofalo. – Cambridge MA: Ballinger, 1978.
18. Brantingham P. L. *Nodes, paths, and edge considerations on the complexity of crime and the physical environment* / P.L. Brantingham, P.J. Brantingham // *Journal of Environmental Psychology*. – 1993. – №13. – P. 3–28.
19. Brantingham P. L. *Criminality of place: Crime generators and crime attractors* / P.L. Brantingham, P.J. Brantingham // *European Journal on Criminal Policy and Research*. – 1995. – №3. – P. 5–26.

20. Wilcox P. Criminal circumstance: A dynamic, multi-contextual criminal opportunity theory / P. Wilcox, K.C. Land, S.A. Hunt. – Hawthorne, NY: Aldine de Gruyter, 2003.
21. Cornish D. Introduction / D. Cornish, R. Clarke // The Reasoning Criminal: Rational Choice Perspectives on Offending / D. Cornish, R. Clarke (Eds.). – New York: Springer, 1986. – P. 1–16.
22. Wilson J.Q. Broken windows: The Police and Neighborhood Safety / J.Q. Wilson, G.L. Kelling // Atlantic Monthly. – 1982. – №249(3). – P. 29–38.
23. Agnew R. Why do criminals offend? A general theory of crime and delinquency / R. Agnew. – Los Angeles, CA: Roxbury, 2005.
24. Spitzer S. Toward a Marxian Theory of Deviance / S. Spitzer // Social Problems. – 1975. – Vol. 22. – №5. – P. 638–651.
25. Quinney R. Critique of the Legal Order: Crime Control in Capitalist Society / R. Quinney. – London: Transaction Publishers, 2002.
26. Lynch M. J. A primer in radical criminology / M.J. Lynch, W.B. Groves. – New York: Harrow and Heston, 1986.
27. Sims B.A. Crime, punishment and the american dream: Toward a Marxist integration / B.A. Sims // Journal of research in crime and delinquency. – 1997. – Vol.34. – №1. – P.5-24.

Author

Galieva Svetlana Ibragimovna, Associate Professor, Kazan National Research Technological University, Institute of Innovations Management, Department of Innovative Entrepreneurship, Law and Financial Management.

E-mail: minnisagali@rambler.ru

ИННОПОЛИС КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДОМ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.17-20

Аннотация. В последнее время в России отмечается низкий уровень коммуникации между властью и населением. Отсутствие решения данной проблемы может привести к стагнации гражданского общества. Возможным решением может стать экстраполяция опыта в данной сфере «умного города» Иннополиса. На основе результатов разведывательного исследования с помощью глубинных интервью с жителями города были определены особенности коммуникации по вопросам управления городом. Результаты исследования показали, что в городе по вопросам управления происходит прямое общение между властью и жителями через чаты в «Телеграм».

Ключевые слова: Иннополис, коммуникация, местная власть, население, управление городом

Одним из условий для формирования социально эффективного общества является коммуникация между властью и обществом. Однако в настоящее время в России состояние публичных коммуникаций властей разных уровней и граждан находится на низком уровне. Власть («чаще противопоставляется «народу», а мотивы ее носителей не связываются с гражданскими интересами») [1, с. 7]. По данным Левада-Центр, некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного агента, за октябрь, «полностью доверяют» местной власти и областным, республиканским органам власти 29% и 31% опрошенных соответственно [2].

Без решения данной проблемы исследователи прогнозируют негативные последствия: региональная власть станет единственным субъектом, определяющим направление развития региона и его муниципалитетов; общественное мнение будет использоваться только для отчета перед федеральной властью; институты гражданского общества полностью утратят доверие граждан и др. [3, с. 7].

Возможным решением по развитию системы коммуникации местной власти и населения может стать экстраполяция опыта Иннополиса. Иннополис выступает в качестве нового города, созданного с чистого листа. Миссией города является «создание возможностей для роста экономики посредством информационных технологий, повышение благосостояния нации и создание высокоинтеллектуального общества» [4].

Для реализации миссии в Иннополисе используется концепция «умного города». В таких городах развиты информационно-коммуникационные технологии [5, р. 96–100], максимально включены все резиденты в предоставление государственных услуг, а также все стейкхолдеры участвуют в решении управленческих вопросов города [6, с. 10–14] и др.

Для применения опыта Иннополиса в других городах России важно изучить реальную ситуацию, то есть отражение теоретических характеристик «умного города» в жизни и развитии города. Тем самым целью нашего разведывательного исследования стало определение особенностей коммуникации в Иннополисе в рамках управления городом. В ходе исследования мы определили специфику коммуникации в управленческих процессах города.

Для получения информации был использован метод глубинного интервью. Всего было проведено 6 интервью с жителями Иннополиса. Отбор информантов производился с помощью методов целенаправленной выборки – путем личного обращения к жителям в «Телеграм» и «Инстаграм», а также методом снежного кома.

Опираясь на результаты социологического исследования, можно сделать выводы о том, что коммуникация, осуществляемая между представителями власти и жителями города Иннополис происходит с помощью информационно-коммуникативных технологий. В качестве основного

средства осуществления коммуникации информантами был выделен мессенджер «Телеграм».

Специфика коммуникации с властью в Иннополисе заключается в том, что она осуществляется напрямую в специальных групповых чатах в «Телеграм». Информантами был выделен чат в «Телеграм» – «Консьерж-Сервис», непосредственно отвечающий за принятие заявок, поступающих от граждан, для последующей обработки и принятия соответствующего решения. Вопросы принимаются к рассмотрению в течение коротких сроков, «скорость ответа администрации - до десяти минут» (Муж., 22, 5 лет проживает в г. Иннополисе). По оценкам информантов, такой вид взаимодействия с властью представляется достаточно быстрым и наиболее эффективным для разрешения текущих проблем.

Помимо специальных информационно-коммуникативных технологий для взаимодействия с властью информанты также упоминали о том, что общение с администрацией города возможно при личном посещении главы города в его приемные часы. Периодически проводятся встречи неформального характера в коворкинге, а также были упомянуты случаи, когда мэр призывал граждан выйти на утреннюю пробежку, в ходе которой предполагалось обсуждение интересующих население вопросов.

Данные факты говорят о формировании особенной культуры взаимодействия администрации города и населения с применением как современных информационных технологий, так и традиционных способов коммуникации, что способствует наиболее эффективному развитию города. Такая культура соответствует теоретическим положениям концепции «умного города». В приоритет ставится социальная компонента, вовлекающая жителей в развитие городского пространства, отражающая их готовность обсуждать и решать управленческие вопросы [7, с. 154]. Такой «город коммуникаций» в работе Г. Леонарда приравнивается к комфортному городу [8, р. 16].

Тем не менее, некоторые информанты выразили мнение, что коммуникация населения и власти с помощью информационно-коммуникационных технологий может стать неэффективной в случае увеличения численности населения: «В рамках города Иннополис это хорошо, потому что город маленький. Мэр, действительно, может послушать почти каждого и принять во внимание его мнение, но, наверное, это не подходит для больших городов» (Жен., 23, 2 г. проживает в г. Иннополисе).

Кроме того, использование современных средств коммуникации, по мнению информантов, представляется возможным в силу преимущественно молодого состава населения: «Здесь <...> нет пенсионеров, для которых тяжело подать какую-то заявку через Telegram. <...> в Инно-

полисе это работает, потому что людей молодых много». (Жен., 32, 4 г.)

Что же касается возможности экстраполировать опыт Иннополиса на другие города, то информанты полагают, что такая коммуникация с представителями власти трудноосуществима в устоявшихся городах со своими сложившимися механизмами взаимодействия с населением.

Необходимо отметить тот факт, что решение проблем, освещаемых в групповых чатах, происходит оперативно, но зависит от степени сложности. К примеру, проблемы, связанные с нехваткой жилья, не могут разрешиться в короткий срок, в отличие от ситуаций, связанных с чисткой снега. Один из информантов, оценивая работу властей, высказал следующее мнение: «Администрация общается с населением быстро, уважительно, но не всегда эффективно. Из-за скорости может страдать качество работы» (Муж., 23, 4 г.).

Несмотря на оперативную работу представителей администрации по текущим вопросам, жители города Иннополис также принимают активное участие в управленческих процессах. Жизнь и развитие города невозможны «без активности самих его жителей, которые могут и должны стать полноправными субъектами» [7, с. 154].

Особенность любой коммуникации в Иннополисе состоит в культуре чатов, именно в «Телеграм» и нигде больше: «Телеграм наше все, на этом все держатся, так что, если вы приедете в Иннополис даже на день, это будет обязательным атрибутом» (Муж., 21, 4 г.). Существует множество чатов с жителями, например, про потерянные вещи, чат клуба любителей собак, чат спорткомплекса, кино чат, студенческие клубы по интересам и другие. По мнению жителей, несмотря на большое количество, чаты все равно являются эффективными: «Особенность – гигантское количество чатов. <...>, обсуждаются проблемы и находятся решения, на любой интересующий вопрос житель может найти ответ в том или ином чате» (Муж., 23, 5 л.). Интересно и взаимодействие жителей в чатах по решению городских вопросов: «У нас даже жители некоторые скидываются на то, чтоб этих (бродячих) собак ловить и провести стерилизацию.» (Жен., 32, 4 г.). Особый интерес вызывают такие активистские чаты, которые «борются за экологическую составляющую, за отдельную сортировку мусора, а с последним я думаю проблем уже нет.» (Жен., 21, 4 г.).

Таким образом, в рамках разведывательного исследования было выявлено, что главной особенностью коммуникации внутри Иннополиса по управленческим вопросам является прямое общение через чаты в «Телеграм». В городе сформировалась культура общения местной власти с населением, при которой мэр открыт к диалогу в раз-

личных формах. Такого рода коммуникация с преимущественным использованием информационно-коммуникационных технологий возможна в небольших городах или районах городов, в которых превалирует молодое поколение, либо продвинутые в пользовании гаджетами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабинцев В.П., Щаповал Ж.А. Публичные коммуникации власти и общества в регионе: проблемы и возможности конструктивных изменений / В.П. Бабинцев, Ж.А. Щаповал // Обустройство России: вызовы и риски. – 2018. – № 4. – С. 7–15.
2. Доверие общественным институтам. Левада-центр (признан иностранным агентом в РФ). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/10/06/doverie-obshhestvennym-institutam/> (дата обращения – 25.11.2021)
3. Бабинцев В. П., Щаповал Ж.А. О концепции коммуникаций власти и гражданского общества в регионе / В.П. Бабинцев, Ж.А. Щаповал // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 4. – С. 5–12.
4. Открытая лекция министра информатизации и связи РФ в ИЭУП. Сайт КИУ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ieml.ru/news/4577/> (дата обращения – 25.11.2021)
5. Graham S., Marvin S. Telecommunications and the city: electronic spaces, urban place / S. Graham, S. Marvin. – London: Routledge, 1996. – 452 p.
6. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Классика – XXI», 2007. – 421 с.
7. Ишкинеева Ф.Ф., Озерова К.А., Ишкинеева Г.Ф. Образ «умного города» Иннополис: концепты и повседневность / Ф.Ф. Ишкинеева, К.А. Озерова, Г.Ф. Ишкинеева // Вестник Института социологии. 2021 – Том 12. – № 2. – С. 143–157.
8. Lennard H.L. Principles for the Livable City / H.L. Lennard // Making Cities Livable. International Making Cities Livable Conferences. – California, USA: Gondolier Press, 1997. – P. 15–17.

Информация об авторах

Ибляминова Алсу Азатовна, студентка, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: lblyaminova25@mail.ru

Коптева Полина Алексеевна, студентка, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: 2302pkopteva@gmail.com

Файзуллина Лилия Рафисовна, студентка, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: Rafisovna.liya@mail.ru

Iblyaminova A.A., Kopteva P.A., Fayzullina L.R.

INNOPOLIS AS AN INNOVATIVE COMMUNICATION PLATFORM FOR CITY MANAGEMENT

Abstract. There has been a low level of communication between the authorities and the population in Russia recently. The lack of a solution to this problem can lead to the stagnation of civil society. A possible solution may be to extrapolate the experience in this area of the "smart city" of Innopolis. Based on the results of in-depth interviews with residents of the city, the features of communication on city management issues were determined. The results of the study showed that in the city there is direct communication on management issues between the authorities and residents through Telegram chats.

Keywords: Innopolis, communication, local government, population, city management

Literature

1. Babintsev V.P., Shchapoval J.A. Public communications of power and society in the region: problems and possibilities of constructive changes / V.P. Babintsev, J.A. Shchapoval // Arrangement of Russia: challenges and risks. – 2018. – No. 4. – Pp. 7–15.
2. Trust in public institutions. Levada Center (recognized as a foreign agent in the Russian Federation). [Electronic resource] – Access mode: <https://www.levada.ru/2021/10/06/doverie-obshhestvennym-institutam/> (accessed on 25.11.2021)
3. Babintsev V.P., Shchapoval J.A. On the concept of communications of power and civil society in the region / V. P. Babintsev, J.A. Shchapoval // State and society: yesterday, today, tomorrow. – 2018. – No. 4. – Pp. 5–12.

4. An open lecture by the Minister of Informatization and Communications of the Republic of Tatarstan in the IEUP. KIU website [Electronic resource] - Access mode:<https://ieml.ru/news/4577/> / (accessed on 25.11.2021)
5. Graham S., Marvin S. Telecommunications and the city: electronic spaces, urban place / S. Graham, S. Marvin. – London: Routledge, 1996. – 452 p.
6. Florida R. Creative class: people who are changing the future / R. Florida. – Translated from English. – M.: Publishing house "Classics - XXI", 2007. – 421 p.
7. Ishkineeva F.F., Ozerova K.A., Ishkineeva G.F. The image of the "smart city" Innopolis: concepts and everyday life / F.F. Ishkineeva, K.A. Ozerova, G.F. Ishkineeva // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2021. – Volume 12. – No. 2. – С. 143–157.
8. Lennard H.L. Principles for the Livable City / H.L. Lennard // Making Cities Livable. International Making Cities Livable Conferences. – California, USA: Gondolier Press, 1997. – P. 15–17.

Authors

Iblyaminova Alsou Azatovna, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: Iblyaminova25@mail.ru

Kopteva Polina Alekseevna, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: 2302pkopteva@gmail.com

Fayzullina Lilia Rafisovna, student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: Rafisovna.liya@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ К СВОЕМУ ПОЛОЖЕНИЮ И СУЩЕСТВУЮЩИМ ПРОБЛЕМАМ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.21-26

Аннотация. В статье, во-первых, рассматриваются различные теоретико-методологические зарубежные и отечественные концепции изучения элит, а во-вторых, анализируется региональная элита с точки зрения экспертного мнения. Исследование проводилось в (октябре – ноябре) 2019 г. Центром социологических исследований Астраханского государственного университета, было опрошено 50 экспертов, отбор производился квотной выборкой. Цель исследования – выявить мнение региональных экспертов-элитологов о специфике формирования и функционирования региональной элиты. Результаты проведенного социологического исследования демонстрируют, насколько неоднозначно представители региональной элиты Астраханской области характеризуют собственные проблемы и сферу деятельности. Опрошенная политико-административная и интеллектуальная элита не имеет единого мнения по многим вопросам. Мнения разделились в вопросах о соответствии современной российской элиты морально-этическим и профессиональным качествам, а также о факторах формирования элиты в современном российском регионе. Результаты исследования продемонстрировали существующие проблемы в функционировании политических элит, а также позволили сформулировать ряд рекомендаций и возможных путей повышения эффективности деятельности современной региональной правящей элиты.

Ключевые слова: элита, региональная элита, общественное мнение, качества элит, эффективность элит.

За последние десятилетия наша страна прошла длительный путь, сопровождающийся необратимыми изменениями во всех сферах российского общества, в первую очередь, в политической. После отказа от одной системы социально-политического управления государством в России была провозглашена демократия, определившая новый формат избрания и функционирования элиты страны и ее регионов. Внимание исследователей к проблеме элит современного российского общества является закономерным ввиду существенной роли этой социальной группы в жизни и будущем страны.

Как и любое явление, находящееся в поле зрения социальных наук, элита общества представляет собой сложный и многофакторный концепт, требующий детального анализа. В социологическом и политологическом знании подобный анализ невозможен без изучения теоретической базы.

Понятие «elite» вошло в оборот еще в XVII веке, но в значении, отличном от современного. Сначала данное поня-

тие обозначало товары высшего качества, а также лучшие семена, растения и животных [1, с. 127]. В Оксфордском словаре 1823 года термин «элита» используется уже для описания высших социальных групп в системе общественной иерархии [1, с. 128]. Начиная с XX века понятие элиты раскрывается в академических словарях и научных трудах по социологии, философии и политологии, но так и не получает однозначного определения и единого подхода.

Классические концепции элиты были сформулированы итальянской школой политической социологии, представители которой обратили внимание на роль элиты в обществе. Речь идет, в первую очередь, о теориях Гаэтано Моска и Вильфредо Парето.

Итальянский правовед и мыслитель Г. Моска выдвинул идею о том, что во всех обществах, независимо от уровня их социального, экономического и политического развития, существует разделение на два класса – класс управляющих и класс управляемых. Первый всегда в меньшинстве, однако в его руках сосредоточены и монополизированы

все властные ресурсы. Второй класс представляет абсолютное большинство населения, которое регулируется первым классом. По мнению Г. Моска, политическая элита, как и любая социальная структура, стремится к развитию, и в ее динамике прослеживаются две тенденции. Первая, именуемая аристократической, выражается в стремлении представителей власти установить наследственность своего положения и обеспечить властью потомков. Вторая же, демократическая тенденция, проявляется в периодическом обновлении сформированной элиты новыми кадрами на основе их личных качеств, достижений и способностей к управлению [2, с. 36].

Вильфредо Парето в «Трактате общей социологии» также писал о том, что во все времена обществом правило особое, избранное и привилегированное меньшинство – политическая элита. При этом он разделял элиту, т.е. людей с непосредственным и косвенным доступом к власти, и контрэлиту – людей, обладающих психологическими и поведенческими качествами элиты, но не имеющих никакого доступа к власти. Общественное развитие, с точки зрения мыслителя, происходит вследствие циркуляции этих групп в общественной системе [3, с. 164].

До настоящего времени данные теории не теряют своей актуальности и остаются в центре научных дискуссий. Тем не менее, на сегодняшний день разработано большое количество теоретико-методологических концепций изучения элит, которые можно объединить в различные направления [4, с. 121].

Так, уже рассмотренные концепции В. Парето и Г. Моска, а также идеи Р. Михельса и Р. Даля относятся к элитистскому направлению, выделяющему элиту в обособленную социальную группу, чья эффективность зависит от влияния и авторитетности ее представителей.

К. Маркс и М. Норта, разрабатывающие классовый подход, исходят из классового разнообразия общества и говорят о том, что в эффективно действующей элите должны быть представлены все классы и группы общества. Такое социальное представительство и является в рамках данного подхода ключевым фактором успешной деятельности элиты.

А. Тойнби в своих трудах развил цивилизационный подход к элите и элитаризму, утверждая, что само развитие цивилизации обусловлено наличием элиты, которая ведет за собой все остальное «нетворческое большинство» общества [4, с. 121].

Кроме того, могут быть выделены такие подходы, как психологический (К. Лоренц, М. Гинсберг), качественный (М. Вебер), институциональный (Х. Лассуэл), сетевой (М. Кастельс, А. Туррен), функциональный (Т. Парсонс), системный (Д. Истон) [4, с. 116].

В рамках нашего исследования под политической элитой понимается правящая группа общества, контролирующая основные ресурсы власти общества и процесс принятия решений, а также способная производить социально мобилизованные и интегрирующие ценности.

Обращаясь к российской действительности, нужно отметить, что в территориально большой стране, какой и является Россия, выделяется два самостоятельных уровня элиты: общегосударственный, или федеральный, и региональный [5, с. 165]. Политическая элита региона не может обладать суверенной властью и не подчиняться федеральной элите, но ее представители оказывают решающее влияние на принятие решений в регионе.

Цель исследования заключается в выявлении экспертного мнения о качествах и особенностях функционирования региональной элиты Астраханской области на основе анкетного опроса проведенного с участием автора. Уникальность и новизна этого исследования состоит в том, что респондентами опроса являлись непосредственно представители астраханской элиты, в число которых в основном вошли члены политико-административной элиты, а также профессорско-преподавательский состав вузов. В том числе в опросе приняли участие представители бизнес-элиты, представители СМИ и муниципальные служащие. Исследование проводилось в октябре – ноябре 2019 г. Центром социологических исследований Астраханского государственного университета, было опрошено 50 экспертов, отбор производился квотной выборкой. Среди опрошенных 20 представителей политико-административной элиты, 3 представителя государственной, муниципальной службы, 2 представителя бизнес-элиты, 20 работников вузов и НИИ – ученых, преподавателей, 3 представителя общественных организаций и СМИ, журналистов, блогеров, 2 представителя культуры и образования. Пол опрошенных – 50% мужчин и 50% женщин.

Рассматривая социально-демографический портрет опрошенных респондентов, можно отметить, что абсолютное большинство представителей региональной элиты входит в возрастную категорию 29 лет. Только 12% опрошенных оказались младше указанного возраста. Данные могут свидетельствовать о том, что для достижения высокого социального положения и успеха необходимы время и социальные ресурсы, которые приобретаются на пути карьерного роста.

В ходе социологического опроса участникам было предложено выразить свое отношение к следующему высказыванию: «В научной и публицистической печати достаточно распространено мнение о том, что современная российская элита (прежде всего, правящая политическая, административная и бизнес-элита) по уровню своего про-

фессионализма, нацеленности на национальные интересы и по духовно-нравственным качествам таковой не является». В результате половина респондентов согласилась с данным утверждением, тогда как 46% экспертов не были с ним согласны. Фактически мнения разделились равномерно.

При этом наиболее важной положительной характеристикой элиты в глазах экспертов оказалась ответственность элиты перед обществом – на это указало почти 30% респондентов. Чуть меньше голосов набрал такой положительный критерий элиты, как высокий уровень профессионализма (правовой, политической и управленческой культуры) (25,3%), выбранный каждым четвертым опрошенным. Одинаковое число выборов показали такие положительные характеристики элиты, как высокий нравственный потенциал и коррупционная чистота (22,8%). Однако большинство экспертов считает, что современная региональная элита данными характеристиками в полной мере не обладает.

Результаты проведенного опроса следующие: высший слой административного руководства Астраханской области, по мнению большинства экспертов, был сформирован тремя основными путями:

- в ходе политической борьбы (24,1%);
- федеральной властью из числа нужных ей людей (24,1%);
- в результате внутриэлитных договоренностей и клановых отношений (21,8%).

По мнению 15% экспертов, административное руководство региона представлено бывшей номенклатурой, быстро сменившей прежнюю идеологическую принадлежность, и новым поколением, состоящим из родственников руководителей. При этом почти 7% респондентов уверены в том, что у власти региона стоят хитрые и беспринципные люди, пришедшие к управлению путем интриг и ставящие своими целями только удовлетворение личных интересов.

Более половины опрошенных отмечает стремление элиты к власти (26%), построение личной карьеры (21,2%), желание обогатиться и иметь доступ к богатствам страны (17,3%). Но также немало тех, кто считает, что правящая элита современной России стремится честно служить родине и завоевать уважение народа (17,3% и 18,3% соответственно).

В рамках исследования возникла необходимость задать вопрос о будущем России и ее правящей элиты. Экспертам было предложено оценить вероятность повторения указанного в утверждении сценария развития событий: «В России всегда значительный удельный вес занимали латентно-теневые взаимоотношения в среде правящего элитного слоя. Поэтому многие качественные изменения в системе российской власти в перестроечные и постперестроечные годы конца XX в. оказались неожиданными

и трагическими для нашего общества». Так, почти треть опрошенных отметила невысокую вероятность такого поворота событий (32,7%), а чуть более 30% указало на то, что эта вероятность фактически нулевая. Однако достаточно большой процент опрошенных представителей региональной элиты (32,7%) предполагает высокую вероятность кардинальных трансформаций в стране в ближайшие годы.

Участники социологического опроса давали разнообразные ответы на вопрос о достоинствах деятельности современных российских политико-административных и региональных элит. Главной характеристикой их деятельности в нашей стране, по результатам исследования, оказалось умение разрешать конфликты и стабилизировать обстановку (22,2%). В перечень также вошли координация действий различных групп населения (15,6%), забота о развитии национальной культуры и образования (15,6%), патронирование развития малого бизнеса (11,1%). Все эти характеристики были выбраны более чем 10% экспертов. В меньшей степени в политике правящей элиты проявляются такие особенности, как способность эффективно противостоять кризисным явлениям (7,8%), чуткость к проблемам населения (5,6%) и принципиальность в отношении секторальных и индивидуальных дискриминационных санкций (5,6%). Все указанные характеристики имеют непосредственное отношение к элите Астраханской области, деятельность которой оценивается респондентами исходя из их личного опыта.

Среди факторов, которые препятствуют эффективной деятельности элиты астраханского региона, экспертами особенно выделяются три. Это коррупция в элитных кругах (17,1%), слабая финансовая и материальная база региональных бюджетов (16,4%) и недостаточно развитая нормативно-правовая база (11,6%). Меньшее число респондентов отметило, что эффективность деятельности элиты сокращают отрыв власти от народа (8,9%), низкий уровень профессионализма ее представителей (8,9%), излишняя бюрократизация власти (7,5%) и недостаток конструктивных идей (6,8%). Прочие факторы были выбраны менее чем 3% опрошенных.

Более половины участников опроса считает вклад политико-административных элит в инновационное развитие России недостаточным или малозаметным (56%). Тем не менее, 42% респондентов назвало его значительным. Интересно будет отметить, что никто из опрошенных представителей региональной элиты Астраханской области не считает, что современная элита тормозит развитие страны.

Что касается направлений развития нашей страны, то, по мнению более половины экспертов, деятельность современной элиты России в первую очередь направлена на укрепление геополитической безопасности и суверенитета страны (52,4%). О приоритете безопасности нашего го-

сударства в деятельности современной российской элиты говорят и такие варианты ответов: укрепление связей, включая размещение военных баз по защите совместных интересов с дружественными государствами на их территории (15,9%) и укрепление связей и расширение пояса безопасности из дружественных приграничных государств (12,7%).

Одним из вопросов анкеты был нацелен на то, чтобы узнать, как представители региональной элиты оценивают характер результатов современной государственной кадровой политики на уровне управленческой элиты. Оказалось, что, по мнению фактически половины опрошенных, элита находится у власти только за счет низкой политической активности населения и слабости оппозиции и решает лишь часть существующих проблем, носящих конкретный и малозначительный характер. А 16% респондентов относятся к данному вопросу и вовсе отрицательно, соглашаясь с предложенным высказыванием о том, что «нет ни внятной стратегии, ни решения небольших по масштабам вопросов и проблем, политико-управленческая элита остается у власти не за счет своей эффективности, а посредством манипуляций общественным мнением и ограничением демократических свобод».

В рамках опроса респондентам нужно было предположить, будут ли в ближайшем будущем меняться идеологические ценности современной правящей элиты страны. Обратим внимание на тот факт, что достаточно большая часть опрошенных (28%) затруднилась дать какой-либо ответ на данный вопрос. Такое же число респондентов ответило, что изменения произойдут. Тем не менее, большинство из отвечающих (44%) считает, что никаких изменений в ценностных ориентациях элиты в ближайшие годы ждать не стоит.

Следует отметить, что в случае с гипотетическими изменениями в ценностной системе правящей элиты России участники социологического опроса продемонстрировали наличие позитивных ожиданий. Каждый пятый из респондентов считает, что такие изменения будут идти в направлении усиления патриотической и правовой составляющих (по 20% соответственно). При этом такое же число респондентов (20%) отметило вероятность усиления и распространения коррупции. По мнению некоторых экспертов, будут усиливаться идеология социальной справедливости, дружба народов и защита национальной безопасности (по 10%); в то же время будут расти сепаратистская и националистическая составляющие (по 5%).

Абсолютное большинство экспертов назвало определенные характеристики, которые хотело бы видеть в представителях элиты России. Вопрос носил открытый характер, поэтому респонденты самостоятельно вписывали то, что считали нужным. Самым главным качеством, которое было отмечено фактически всеми респондентами, явля-

ется профессионализм. К профессиональным данным можно отнести многие из указанных экспертами вариантов (сам профессионализм и высокая степень его проявления, компетентность, ответственность). Кроме профессионализма, важными качествами оказались патриотизм (преданность народу, ответственность и честность перед народом, сострадание), а также отсутствие коррупционной составляющей (бескорыстность, честность). Менее 20% респондентов не смогли назвать те качества, которые хотели бы увидеть в современной российской элите.

Чуть меньше экспертов смогло сформулировать ответ на открытый вопрос о возможных путях улучшения отбора и подготовки региональных политических лидеров современной России (72%). Около 28% отметило, что улучшить процесс формирования региональной политической элиты может ее специальная подготовка (специальные экзамены, курсы и программы подготовки или повышения квалификации). Около 18% экспертов полагает, что региональное политическое руководство должно формироваться из людей, уже обладающих определенным профессиональным опытом (формирование кадрового резерва, открытые конкурсы вакансий из специалистов, наличие профессионального опыта). В отдельных ответах респондентов встречались предположения об исключении коррупционеров из числа претендентов на место в правящей региональной элите, о фильтрации влияния родственных связей, о необходимости учета общественного мнения и об улучшении патриотического воспитания в школах.

Эти результаты подтвердились и после получения ответов на закрытые вопросы о способах улучшения отбора и подготовки политических лидеров в современной России. Среди предложенных были особенно отмечены такие варианты, как:

- назначение на должность должно осуществляться по результатам объективного квалификационного экзамена – 24,6%;
- более предметный учет общественного мнения – 23%;
- введение специальной системы отбора и лидерской подготовки, начиная со школы – 21,3%;
- создание организаций, которые ведут независимый мониторинг и предлагают кандидатуры не только из числа желающих, но и из числа способных – 21,3%.

При этом в случае с закрытым вопросом оказалось намного меньше экспертов, затруднившихся дать ответ, – только 8,2% по сравнению с 28%.

В одном из закрытых вопросов анкеты респондентам было предложено выбрать наиболее эффективный, на их взгляд, способ улучшения качественных характеристик современной правящей элиты страны. Так, треть опрошенных отметила, что важной мерой для улучшения качественных характеристик современной правящей элиты России яв-

ляется ее антикоррупционное очищение. Четвертая часть респондентов (25,3%) указала на необходимость кардинального улучшения работы системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров государственного и муниципального управления, а 18,7% опрошенных оказалось за ужесточение мер за некачественное исполнение служебных обязанностей элиты.

Заметим: по мнению большинства участников опроса, в современном обществе необходима специальная система отбора и лидерской подготовки элиты, начиная со школы, чтобы сразу можно было отобрать людей, обладающих необходимыми лидерскими и интеллектуальными качествами. 18% респондентов склонно считать, что «специальная система отбора и обучения элиты не нужна, достаточно уже имеющейся системы образования и для представителей элиты нужно понимание жизни и личный опыт, а не специализированная теоретическая подготовка».

По мнению большинства опрошенных (86%), другие элиты (интеллектуальная, культурная, информационная) в социально-политическом процессе России играют положительную роль. Более того, самыми важными и заслуживающими поддержки в контексте перевода страны на путь устойчивого роста и развития в глазах респондентов оказались сильные личности (15,7%), президент России (14,9%), малый бизнес (12,4%), ученые и преподаватели вузов (11,6%). Иными словами, можно предположить, что важные силы в развитии страны, по мнению экспертов, заключаются не в массах или общественных движениях, а в конкретных сильных личностях, способных вести свое собственное дело или обучать чему-либо других людей.

Несмотря на необходимость проведения исследований в сфере элитологии, более половины участников опроса полагают, что методический инструментарий и эмпирическая база современной российской науки в данной области достаточны (52%). При этом пятая часть респондентов затруднилась дать ответ на поставленный вопрос.

Таким образом, результаты проведенного социологического исследования демонстрируют, насколько неоднозначно представители региональной элиты Астраханской области характеризуют собственные проблемы и сферу деятельности. Главным образом, можно сделать вывод, что опрошенная политико-административная и интеллектуальная элита не имеет единого мнения по многим вопросам. Так, мнения разделились в вопросах о соответствии современной российской элиты морально-этическим и профессиональным качествам, а также об идентификации путей формирования элиты в современном российском регионе.

Не лучшим образом характеризует региональную элиту тот факт, что абсолютное меньшинство опрошенных описывает правящую элиту региона как творческих и активных людей, избранных народом и стремящихся изменить ситуацию в лучшем. Более того, вклад элиты в инновационное развитие страны, по мнению участников опроса, является недостаточным или малозаметным. А препятствует эффективности деятельности правящей элиты, главным образом, коррупция и недостаток материальной и нормативно-правовой базы.

Исходя из существующих проблем, сформулированных самими представителями региональной элиты, необходимо уделить большое внимание рекомендациям, которые были озвучены участниками опроса. Для улучшения отбора региональных политических управленцев были отмечены необходимость назначения на должности по результатам объективного квалификационного экзамена, более предметный учет общественного мнения и введение специальной системы отбора и лидерской подготовки. Особое отношение должно быть проявлено к представителям культурной и интеллектуальной элит, потому что абсолютное большинство респондентов подчеркивает их положительную роль в социально-политическом процессе современной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаева А. В. Теоретические подходы к изучению эффективности деятельности политической элиты // Вестник Волгоградского государственного университета. №1. 2012. С. 125–131.
2. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. №2. С. 38–73.
3. Родионов М. А., Волкова Т. А. Конкурентоспособность политических элит // Социально-гуманитарные знания. 2017. №6. С. 179–191.
4. Родионов М. А., Волкова Т. А. Современные политические элиты России // Социально-гуманитарные знания. 2016. №5. С. 116–127.
5. Шарин И. А. Региональные политические элиты // Скиф. 2019. №3 (31). С. 164–170.

Информация об авторе

Иванова Лилия Александровна, ассистент кафедры социологии, Астраханский государственный университет.
e-mail: lili_iva@mail.ru

Ivanova L.A.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE REGIONAL ELITE ATTITUDE TO ITS POSITION AND EXISTING PROBLEMS (ON THE EXAMPLE OF THE ASTRAKHAN REGION)

Abstract. The article, firstly, examines various theoretical and methodological foreign and domestic concepts of studying elites, and secondly, analyzes the regional elite from the point of view of expert opinion. The study was conducted in (October - November) 2019 by the Center for Sociological Research of Astrakhan State University, 50 experts were interviewed; the selection was carried out by a quota sample. The purpose of the study is to identify the opinion of regional experts of elitology about the formation and functioning of the regional elite specifics. The results of the conducted sociological research show how ambiguously representatives of the Astrakhan regional elite characterize their own problems and sphere of activity. The polled political, administrative and intellectual elite do not have a single opinion on many issues. Opinions were divided on the issues of compliance of the modern Russian elite with moral, ethical and professional qualities, as well as on the factors of elite formation in the modern Russian region. The results of the study demonstrated the existing problems in the functioning of political elites, and also allowed us to formulate a number of recommendations and possible ways to improve the effectiveness of the modern regional ruling elite.

Keywords: elite, regional elite, public opinion, elite qualities, elite efficiency.

Literature

1. Gaeva A.V. Theoretical approaches to the study of the political elite effectiveness // Review of Volgograd State University. – No.1. – 2012. – Pp. 125–131.
2. Gaman-Golutvina O.V. Political elites as an object of research in domestic political science // Political Science. – 2016. – No. 2. – Pp. 38–73.
3. Rodionov M.A., Volkova T.A. Competitiveness of political elites // Socio-humanitarian knowledge. – 2017. – No. 6. – Pp. 179–191.
4. Rodionov M.A., Volkova T.A. Modern political elites of Russia // Socio-humanitarian knowledge. – 2016. – No. 5. – Pp. 116–127.
5. Sharin I. A. Regional political elites // Scythian. – 2019. – No. 3 (31). – Pp. 164–170.

Author

Ivanova Liliya Alexandrovna, Assistant, Astrakhan State University, Department of Sociology.
E-mail: lili_iva@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕДИАОБРАЗА РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРА

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.27-32

Аннотация. В статье представлен социально-философский взгляд на конструирование политического образа в контексте медиапространства. Комплексное понимание феномена медиа раскрывается через метаподход символического интеракционизма, в рамках которого предлагается ряд социологических методов исследования. Рассмотрен вопрос формирования различных шкал и ориентиров для анализа политического медиаобраза путем проведения анкетирования, дискуссий фокус-групп и экспертных опросов. Обобщены теоретические изыскания в области изучения феномена лидерства, что расширяет критериальный ряд, обогащая его личностными особенностями политического актора и внешними факторами. Автор статьи приходит к выводу, что исследование медиаобраза неразрывно связано с развитием медиапространства, политическими традициями и рядом других аспектов.

Ключевые слова: медиаобраз, политический образ, социологические методы, региональный лидер, метод фокус-группы, интерпретация, конструирование

Исследование возможностей и границ медиаобраза в современном мире представляется актуальной задачей, так как понимание механизмов его конструирования раскрывает особенности медиавоздействия и влияния образа не только на общественное мнение, но и непосредственно на политическую активность населения, на трансформацию общественно-политической системы. Современная медиафилософия давно отошла от понимания образа как плоской и застывшей «поверхности». Будучи посредником между миром и человеком, образы экранируют мир, заменяя реальную реальность и реструктурируя действительность. В. Флюссер исследует реальность цифрового кода через фотографическое изображение, он предлагает термин «технический образ», когда «внедряется некий фактор, а именно фотокамера и использующий ее человек (например, фотограф)» [1, с. 15]. «Образы выходят за границы, очерченные представлениями Модерна, они обретают плоть, делаясь не только средством репрезентации, но и проникают повсюду, изменяя вид среды» [2].

Замена существующих вещей виртуальными, внедрение «посредника» в виде медиальной среды заставляет переосмыслить понимание бытия и «границ реальности». Этот вопрос актуализируется с появлением «новых медиа» как абсолютно иного, отличного от традиционного форма-

та. Ф. Хартманн констатирует, что «медиа технологии изменили не только условия общения, но и мышление, и восприятие, и общее понимание мира» [3, р. 3].

Феномен образа исследовался в рамках исторического дискурса развития европейской мысли, в парадигме эйдос-идеи, феноменологии, символического интеракционизма, экзистенциализма, интуитивизма и других подходов. Воздействие медиа на массовое сознание через конструирование образов раскрывается как в зарубежных, так и отечественных исследованиях (В.В. Савчука, Н.А. Кирилловой, Ю.В. Белоусовой, Т.Н. Галинской, И.А. Балалуевой и др.). Исследованы научные теории, касающиеся феномена медиаобраза и механизмов его создания и развития, раскрывающие особенности восприятия образа, его знаково-символьной природы (Ф. Боас, Р. Декарт, Э. Гуссерль, А. Бергсон, Дж. Мид, К.Г. Юнг, К. Роджерс и др.).

Систематизируя структурно-содержательные характеристики и теоретические аспекты медийного образа политического лидера, выделим подход к пониманию медиаобраза как к информационному конструкту, основанному на выделении смыслов, знаков, кодов и символов из intersubъективного поля. Медиаобраз как способ постижения реальности анализируется через коммуникационный

процесс с внешними и внутренними кодами дешифровки, с учетом уровня развития техники и технологий. Важно обратиться к парадигме символического интеракционизма, в рамках которого рассматриваются символическая природа образа и возможность его конструирования под влиянием социальных отношений.

С позиции социального конструктивизма индивиды участвуют в совместном конструировании реальности, а вопрос соответствия конструктов реальному миру не является первостепенным – имеет значение то, как конструкт принимается социумом (однако не стоит отбрасывать важность влияния объективных факторов) [4, с. 149]. Опасно углубляться в радикальный конструктивизм, который переносит ответственность за формирование «матрицы» реальности исключительно на сам социум, вынося за скобки объективное воздействие окружающей действительности. Такой подход делает бессмысленным процесс конструирования, так как придает ему неустойчивый характер, оторванность сознания от бытия и как итог – наполнение конструкта смыслами с бесконечным множеством значений. Важно придерживаться универсальной природы конструирования социальной реальности, выделив механизмы конструирования и интерпретации знаково-символьной природы.

Возникает проблема, каким образом в рамках исследования политического медиаобраза в его целостном стереотипном формате включить социологические методы, которые позволят сформировать различные шкалы, ориентиры и модели для анализа? Для решения этой задачи в период с 2017 по 2021 годы был проведен ряд исследований медиаобразов государственных лидеров Республики Татарстан (Ф.А. Табеева, в 1960–1979 гг. – первый секретарь Татарского обкома КПСС, и М.Ш. Шаймиева, в 1991–2010 гг. – первый президент Республики Татарстан), включающих в себя социологический блок. Такой подход помог провести оценку имиджевых характеристик, влияющих на медиаобраз политика, на основе социологических методов: дискуссий в фокус-группах, опросов путем анкетирования и экспертных интервью.

Анкетирование как метод оценки позволило сформировать опорную карту имиджевых характеристик медиаобраза. В качестве базового метода была взята техника описания представлений в общественном сознании, основанная на методике «семантического дифференциала», когда респонденту предлагают из ряда семантических определений выделить те, которые наиболее приближены к его представлениям об исследуемом объекте (например, см. исследования лингвистики и психологии [5], репродуктивных установок [6], этнических стереотипов [7], социальной рекламы [8], предметно-пространственной среды школы [9]). Методика отработана в рамках долговременной исследовательской программы «Советский

простой человек», ведущейся командой Ю.А. Левады с 1989 года [10]. В аналитическом отчете «Образы власти, советской и нынешней» российский социолог Л. Гудков поясняет особенности методики: «В отличие от обычной методической техники опросов общественного мнения, когда респондентам задаются короткие диагностические вопросы, предполагающие согласие с тем или иным суждением или квалифицирующим высказыванием, используемая здесь процедура носит более сложный характер, предполагающий последующие действия по типологизации и агрегированию сходных или взаимосвязанных оценок» [10].

Объем выборочной совокупности для пилотажного исследования составил 215 единиц. Для репрезентативности планируемого основного исследования уточнен необходимый объем квотной выборки (1200 респондентов), выделение квот производится по признакам пола и возраста в соответствии со статистическими показателями по региону. Онлайн-опрос, размещенный в Google Forms, предложено пройти жителям основных населенных пунктов Республики Татарстан (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Елабуга и другие).

Более половины респондентов (65%) отнесли себя к группе общественности, осведомленной в общественно-политической новостной повестке («ежедневно читаю новости, могу описать актуальные события», «осведомлен в общих чертах, могу описать некоторые события»); 9% отметили, что равнодушны к политической тематике, однако в «фоновом режиме» имеют представление о происходящих событиях.

Методика позволила выявить латентные установки и избежать влияния на респондента социально одобряемого мнения или представлений о том, как считает «большинство», то есть в значительной мере снять механизмы оппортунизма и конформизма («спираль молчания» по Э. Нозель-Нойманн). Ответы были занесены в таблицу, в дальнейшем была сформирована матрица распределения самых частых доминирующих коллективных мнений (семантические доминанты). Полученные в ходе исследования данные по идеальному медиаобразу регионального политического лидера позволили построить карту имиджевых характеристик в двух укрупненных группах: гражданско-патриотических и профессионально-лидерских. Более половины опрошенных – 55% – указали «профессиональную эффективность и компетентность», «честность и открытость» как ключевые качества для регионального лидера. Также характеристики «близкий к народу» и «справедливый, честный» были отмечены 43% респондентов. Менее 3% респондентов указали качество «свой, привычный, предсказуемый» как важное для политического образа.

Восприятие имиджеобразующих характеристик исследовалось методом семантического дифференциала, разработанным под руководством американского исследователя Ч. Осгуда [11]. Для выявления установок и отношения респондента к объекту была сформирована система признаков через разработку бимодальных шкал. Биполярный характер обеспечивало описание негативной или позитивной модальности имиджеобразующих характеристик: «дипломатичный, гибкий – жесткий, не идущий на переговоры», «человечный, гуманны – агрессивный, воинственный» и др. Определение «опорных точек» для анализа характеристик медиаобраза стало основой для дальнейшего лингвистического исследования на базе контент-анализа медианарратива (332 публикации газет «Правда», «Известия», «Аргументы и факты» за период с 1959 по 2010 годы).

Еще одним методом исследования характеристики медиаобраза стала организация дискуссий в фокус-группе. Преимуществом применения этого качественного метода стало объединение множественных субъективных взглядов, которые позволяют увидеть многогранность, многоаспектность и сложность одной, объективной реальности [12]. Иными словами, исследование феномена медиаобраза стремилось к объективизации, вбирая в себя различные взгляды на проблематику определения доминантных имиджевых характеристик и их наполнения (см. исследования медиаобраза методом фокус-группы Т.Н. Галинской [13], О.В.Филимонова и Д.Г. Передня [14]). В первой дискуссии приняли участие 8 студентов, обучающихся в магистратуре Казанского федерального университета, возрастом 21–24 года; во второй дискуссии – 7 участников, имеющих полное высшее образование, в возрасте от 37 до 65 лет; третья дискуссия проводилась в группе, включающей 8 респондентов 55-75 лет, проживающих в сельской местности Республики Татарстан. Трансляция опыта самих участников подразумевала достаточный уровень осведомленности в политической жизни Татарстана, который позволил бы им формулировать высказывания, раскрывающие проблематику.

В процессе работы с респондентами во второй части дискуссии использовалась техника стимулирования коммуникации через обращение к актуальным общественно-политическим новостным поводам, к корректирующей работе с лидером группового мнения, высказывающего критичные замечания. Дизайн обследования выстроился вокруг поставленной задачи – исследовать влияние позитивного или негативного медиаматериала на устойчивые имиджевые характеристики медиаобраза регионального политического лидера в общественном сознании. Так, сценарий дискуссии включал в себя стимульный медиаматериал, при его подборе соблюдалось жанровое

и хронометражное единство: каждая группа знакомилась с фрагментами видеосюжетов общей продолжительностью 13 минут, 3 выдержками из печатной прессы (информационная заметка, комментарий и аналитическая статья) и фрагментами из двух книг-биографий Ф.А. Табеева и М.Ш. Шаймиева. Такой формат позволил из пула имиджевых характеристик выделить доминантные устойчивые формы и сопоставить их с идеальной проекцией политического лидера, а также проследить трансформацию имиджевых черт в восприятии образа после однократной непродолжительной демонстрации стимульного материала.

Респонденты делились ассоциативными связями с образом политического лидера региона, их анализ смог объединить ответы в группы антропоморфных («правитель, воин», «отец, опекун» и др.) и зооморфных метафор («мудрая сова», «вожак, волк», «черный жеребец» и др.). Таким образом, метод фокус-группы позволил выявить осязаемые и неосязаемые характеристики объекта исследования, выстроить символический ряд образов, чувств и эмоций относительно метафорического наполнения политического медиаобраза.

Методом экспертного интервью были собраны профессиональные мнения по идеальной модели образа политика и индивидуальные интерпретационные оценки относительно имиджевых характеристик образов региональных политических руководителей. Основным источником информации выступили компетентные лица, тесно связанные с предметом изучения. «Считается, что при отборе экспертов важно учитывать: обладание профессиональной компетентностью, заинтересованность эксперта в опросе, аналитичность и широту мышления, конструктивность мышления, возможность получить достоверную информацию от данной категории респондентов» [15]. А.Г. Конфисахор выделяет две функции метода экспертной оценки: «оценка состояния системы или явления и прогноз тенденций развития различных процессов» [16, с. 175]. Для работы в рамках исследования имиджевых характеристик приоритетную роль играет первая функция, подразумевающая оценку компонентов конструкта медиаобраза. В рамках методики целесообразно обратиться к полуструктурированному интервью, так как эта форма предполагает вариативность структуры и перечня вопросов (их конфигурация и последовательность не детерминированы). Исследователю предоставляется некоторая творческая свобода в перестановке вопросов, уточнении, углублении для достижения понимания проблемы. В ходе исследования медиаобразов руководителей Татарстана были опрошены политические и общественные деятели, представители журналистского сообщества – свидетели формирования медийной повестки, в рамках которой развивался политический образ (например, среди них – заведующая отделом по связям

с общественностью и межнациональными отношениям Аппарата Президента РТ с 1991 по 2004 гг. И.В. Терентьева, парламентский корреспондент газеты «Вечерняя Казань» в 1990-е гг. Е.Н. Чернобровкина, политолог, специализирующийся на национальной тематике в регионе, руководитель проекта «ТатПолиТ» Р.В. Айсин). Экспертный взгляд помог провести глубинный анализ причин актуализации той или иной имиджевой черты. Например, одним из выводов стало заключение, что характеристика «дипломатичность» максимально полно раскрывается в период выстраивания конструктивных коммуникаций между внутрирегиональными группами и федеральным центром в начале 1990-х годов.

В проведении исследований политического медиаобраза стоит учитывать, что сегодня стремительно сокращается дистанция между контентом и его потребителем, между событием и опытом, «чувствованием» зрителя, появляется понятие иммерсивной журналистики. Сочетание социологических методов и интерпретации результатов исследований должны принимать во внимание фактор медиасреды и политических традиций (свободен ли респондент в своих высказываниях или скорее выразит социально одобряемое мнение, как в авторитарных режимах). Медиаобразы времен классической модели журналистики и («новых медиа») могут иметь схожую основу, но их конструирование будет развиваться по разным сценариям. Образ политического лидера имеет свои особенности при встраивании в канву медиaprостранства (особенно-

сти формирования лидерства рассматриваются в контексте теорий Н. Макиавелли, Ф. Гальтона, Ч. Ломброзо, П. Сорокина, У. Лундена и других). Обобщая теоретические изыскания в проблематике, можно охарактеризовать политического лидера как субъекта управления, который целенаправленно влияет на развитие общественно-политических и социально-экономических процессов, инициирует общественно-значимые новации, направляет и вдохновляет общество на трансформации. Феномен политического лидерства многоаспектен и многогранен, его характер зависит от личностных качеств лидера, от характеристики ведомых масс, от характера взаимоотношений между лидером и общественностью, от исторического и общественно-политического контекста. Имиджформы медиаобраза политического лидера выкристаллизовываются под влиянием множества факторов, и медиа становится рупором для высвечивания значимых имиджевых черт.

Система социологических методов исследования позволяет рассмотреть влияние различных факторов на медиаобраз, выделить ключевые характеристики, что в дальнейшем может служить основанием для рекомендаций по конструктивному развитию политического образа и укреплению публичного капитала политика. Уже сегодня осмысление глубинных процессов развития медиаобраза в политическом пространстве позволит по-новому взглянуть на формирование новых стратегий как позиционирования политического руководителя, так и формирования коллективной идентичности через прототип лидера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Флюссер В. За философию фотографии / Пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. – 148 с.
2. Савчук В.В. Призрачность доступности // «Русская культура». URL: <http://russculture.ru/2018/09/15/валерий-савчук-призрачность-доступн/>
3. Hartmann F. Medianmoderne: Philosophie und Asthetik / VS Verlag fur Sozialwissenschaften. – 2018. – 168 p.
4. Калинин А.А. Теоретико-методологические аспекты дискурсивного конструирования социальной реальности киберпространства: дисс. ... канд. социол. наук, 2017. – 189 с.
5. Новиков А.А., Новикова И.А. Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях // Вестник РУДН. 2011. – №3. – С. 63–71.
6. Карпова В.М. Применение метода семантического дифференциала для оценки близости репродуктивных установок супругов // Сборник «Социальная динамика населения и устойчивое развитие» / под общ. ред. А.И. Антонова. – М.: ООО «МАКС Пресс», 2020. – С. 36–38.
7. Сикевич З.В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) // Вестник СПбГУ. – 2016. – Серия 12. Вып. 3. – С. 118–128.
8. Анненкова А.В. Метод семантического дифференциала в исследовании социальной рекламы // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2013. – № 4. – С. 82–87.
9. Виноградова И.А. Исследование предметно-пространственной среды школы методом семантического дифференциала / И. А. Виноградова, Е. В. Иванова, О. В. Нестерова // Образование и наука. – 2018. – № 20 (6). – С. 118–138.
10. Образы власти, советской и нынешней. Опрос общественного мнения // Левада-центр. 05.08.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/08/05/obrazy-vlasti-sovetskoj-i-nyeshnej/>
11. Литягина Е.В. Экспериментальная психосемантика / Е. В. Литягина. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – 40 с.

12. Макарова Н.С., Дроботенко Ю.В. Фокус-групповое исследование изменений образовательного процесса в современном вузе // Вестник евразийской науки. – 2014. – № 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/fokus-grupповое-issledovanie-izmeneniy-obrazovatel'nogo-protsessa-v-sovremennom-vuze>
13. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – С. 91–95.
14. Филимонов О.В., Передня Д.Г. Специфика формирования медийного образа руководителя органов внутренних дел на региональном уровне (по материалам фокус-группы) // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 26–32.
15. Хлебович Д.И. Экспертный опрос как инструмент исследования проблем высшего профессионального образования: предпосылки и практика использования // Известия Байкальского государственного университета. 2013. – № 6 (92). – С. 14.
16. Конфисахор А.Г. Психология политической власти / А.Г. Конфисахор. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009.

Информация об авторе

Липатова Анна Вячеславовна, старший преподаватель кафедры менеджмента Университета управления «ТИСБИ», г. Казань.

E-mail: anna-shab@mail.ru

Lipatova A.V.

SOCIOLOGICAL METHODS OF RESEARCHING THE CONSTRUCTION OF THE MEDIA IMAGE OF A REGIONAL LEADER

Abstract. The article presents a socio-philosophical view on the construction of a political image in the context of the media space. A comprehensive understanding of the phenomenon of media is revealed through the meta-approach of symbolic interactionism, within which a number of sociological research methods are proposed. The issue of the formation of various scales and benchmarks for the analysis of the political media image by means of questionnaires, focus group discussions and expert polls is considered. Theoretical research in the field of studying the phenomenon of leadership is generalized, which expands the criterion series, enriching it with the personal characteristics of a political actor and external factors. The author of the article comes to the conclusion that the study of the media image is inextricably linked with the development of the media space, political traditions and a number of other aspects.

Keywords: media image, political image, sociological methods, regional leader, focus group method, interpretation, construction

Literature

1. Flusser V. For the philosophy of photography / Per. G. Khaidarova. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2008. – 148 p.
2. Savchuk V.V. The illusion of accessibility // "Russian culture". URL: <http://russculture.ru/2018/09/15/valeriy-savchuk-ghost-availability/>
3. Hartmann F. Medianmoderne: Philosophie und Asthetik / VS Verlag fur Sozialwissenschaften. – 2018. – 168 p.
4. Kalinkin A.A. Theoretical and methodological aspects of the discursive construction of the social reality of cyberspace: Diss. ... cand. sociol. sciences, 2017. – 189 p.
5. Novikov A.L., Novikova I.A. The method of semantic differential: theoretical foundations and practice of application in linguistic and psychological research // Bulletin of RUDN. – 2011. – No. 3. – P. 63–71.
6. Karpova V.M. Application of the method of semantic differential to assess the proximity of the reproductive attitudes of spouses // Collection "Social dynamics of the population and sustainable development" / under total. ed. A.I. Antonov. – М.: ООО "MAKS Press", 2020. – P. 36–38.
7. Sikevich Z.V. The method of semantic differential in sociological research (application experience) // Vestnik SPbGU. 2016. – Series 12. Issue. 3. – S. 118–128.
8. Annenkova A.V. The method of semantic differential in the study of social advertising // News of the South-Western State University. Series: Linguistics and Pedagogy. – 2013. – No. 4. – P. 82–87.

9. Vinogradova I.A. Research of the subject-spatial environment of the school by the method of semantic differential / I.A. Vinogradova, E.V. Ivanova, O.V. Nesterova // Education and Science. – 2018. – No. 20 (6). – P. 118–138.
10. Images of power, Soviet and current. Public opinion poll // Levada Center. 05.08.2019. – URL: <https://www.levada.ru/2019/08/05/obrazy-vlasti-sovetskoj-i-nyneshnej/>
11. Lityagina E.V. Experimental psychosemantics: laboratory practice / E.V. Lityagina. – Samara: Publishing house "Samara University", 2013. – 40 p.
12. Makarova NS, Drobotenko Yu.V. Focus group study of changes in the educational process in a modern university // Bulletin of Eurasian Science. – 2014. – No. 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/fokus-grupповое-issledovanie-izmeneniy-obrazovatelного-protssesa-v-sovremennom-vuze>
13. Galinskaya T.N. The concept of a media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics // The concept of a media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics // Bulletin of the Orenburg State University. – 2013. – S. 91–95.
14. Filimonov O.V., Perednya D.G. Specificity of the formation of the media image of the head of the internal affairs bodies at the regional level (based on the materials of the focus group) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. No. 4 (44). – S. 26–32.
15. Khlebovich D.I. Expert survey as a tool for researching the problems of higher professional education: preconditions and practice of use // Izvestia of the Baikal State University. – 2013. – No. 6 (92). – P. 14.
16. Confisahor A.G. Psychology of political power / A.G. Confisahor. – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2009.

Author

Lipatova Anna Vyacheslavovna, Senior lecturer of the Department of Management, University of Management "TISBI", Kazan.
E-mail: anna-shab@mail.ru

МОДЕЛЬ ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.33-37

Аннотация. Представлены результаты исследования, проведенного в форме массового он-лайн опроса молодежи Республики Татарстан. В репрезентативном выборочном опросе приняли участие 2250 респондентов, представляющих различные этнические, территориальные, половозрастные группы молодого поколения. Исследование, проведенное с целью получения представления о модели гражданской компетентности современной молодежи, ее гражданской зрелости, позволило отследить основные тенденции изменения оценочных приоритетов в мнениях представителей молодого поколения, уловить тональность высказанных оценок. Авторы приходят к выводу, что рассматривая гражданскую компетентность в качестве лично образующей основы представителей молодых поколений, следует понимать содержательную ее составляющую не только как умение жить в гражданском обществе, правовом государстве, но и желание его формировать, создавать. В этом плане респонденты убеждены в том, что должны участвовать в реализации национальных целей страны.

Ключевые слова: молодежь, гражданская компетентность, патриотизм, глобализация

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» (рук. Р.Б. Шайхисламов), реализуемого в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг.

Авторы благодарят Министерство по делам молодежи РТ за оказанное содействие в организации он-лайн опроса молодежи республики.

В настоящее время на фоне процессов, происходящих в мировом пространстве, определяемых совокупностью различных факторов эпидемиологического характера периода ковид-ситуации и геополитического соперничества, не носящих позитивный характер и нарушающих процесс общения между странами, формируется атмосфера напряженности, нарушается диалоговое взаимодействие. В подобных условиях конструктивное решение проблем, поиск взаимоприемлемых компромиссов, озабоченность российского социума вопросами укрепления человеческого ресурса страны, способного выполнять роль надежного фундамента в обеспечении будущего страны, представляются абсолютно оправданными. Актуализируется смещение фокуса внимания в сторону молодежи как социальной группы, которой предстоит в дальнейшем решать задачи, стоящие перед страной и подтверждать кредит доверия старших поколений россиян. Поэтому неиссякаем и исследовательский интерес в стремлении

понять, насколько роль инициатора реализации ключевых инициатив опережающего социально-экономического развития страны, обеспечения ее политической стабильности и формирования веры в осуществимость всего задуманного, под силу современной молодежи. Объектом пристального внимания в этом контексте выступают, в первую очередь, ценностные ориентации представителей молодых поколений, оказывающие влияние на возможность решать стоящие перед ними проблемы и задачи.

В системе духовно-нравственных оснований особое место занимают личностные качества гражданского порядка, позволяющие каждому новому поколению молодежи активно включаться в процессы достижения национальных целей страны. В современных условиях динамичного темпа жизни социума, сопровождаемого информационными войнами, изучение уровня гражданской ответственности молодежи, доминирующих в ее сознании установок и ориентиров, степени готовности к их реализации на про-

тяжении всей жизни, приобретает особое значение. Понимание ценностных предпочтений представителей молодых поколений в аспекте их гражданских позиций является задачей первостепенного характера, которая несет в себе важный посыл в будущее, определяя прогресс и стабильность страны, ее место и роль в глобализированном мире. Не случайно, гражданское воспитание молодежи рассматривается как приоритет национальной безопасности по сохранению внутреннего состояния государства и отечественного социума [1].

Исследование, развернутое при участии авторов статьи с целью получения представления о модели гражданской компетентности современной молодежи, ее гражданской зрелости, позволило отследить основные тенденции изменения оценочных приоритетов в мнениях представителей молодого поколения, уловить тональность высказанных оценок.

В репрезентативном выборочном опросе молодежи Республики Татарстан приняли участие 2250 респондентов, представляющих различные этнические, территориальные, половозрастные группы молодого поколения. Сбор социологической информации был проведен с использованием метода анкетного он-лайн опроса, что позволило обеспечить достаточно большой объем выборки за счет ведения виртуального диалога с респондентами – представителями региональной молодежи, в привычном для них информационном поле, общение в котором не просто не доставляет им дискомфорт, а даже способствует искреннему выражению собственных мнений по задаваемым вопросам, а также провести оперативную обработку данных, визуально представить распределение ответов респондентов в таблицах и диаграммах, то есть наиболее удобной для анализа форме. Результаты проведенного исследования позволили провести социологический анализ данных не только в контексте их количественной оценки, но и качественной, сделать следующие обобщения и выводы.

В своем большинстве молодежь Татарстана испытывает гордость за достижения и успехи своей страны. Поэтому и доля респондентов, которых за последний год довольно часто охватывало это чувство и тех, кто испытывал его хотя бы иногда в процентном показателе больше (61,4%) по отношению к тем представителям молодежи, кто вообще не испытывал это чувство (26,0%). Однако в числе ответивших на этот вопрос респондентов, 12,6% предпочли высказать безразличие к обсуждаемому вопросу, что вероятнее всего, объясняется просто отсутствием стремления проанализировать степень проявления собственных чувств к стране, в которой они живут, нежеланием взглянуть на сферу личностных душевных качеств в обсуждаемом ракурсе. Между тем, наличие в комплексе базовых ценностей молодежи качеств патриотизма, проявляемых, том числе, в наличии

сформировавшегося и сложившегося отношения к Родине и способности открыто и прямо выразить это чувство, свидетельствует о наличии определенной гражданской позиции.

Характер патриотических чувств выражается также и в умении видеть неудачи и ошибки своей страны, способности достаточно критично, как это свойственно молодежи, оценить все происходящие события. Собственно, так и поступили представители опрашиваемой нами молодежи. Подобного рода закономерность в высказываниях была отмечена и в ходе проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в июне 2020 г. исследовании, посвященном поиску ответов на вопросы о том, что такое быть патриотом, и какими событиями и успехами в жизни страны гордятся россияне. Так, на 10 п.п. с 2018г. увеличилась доля тех, кто считает патриотизмом честность в суждениях о стране, какой бы горькой не была правда (29%) [2]. Заметим, что, судя по тому, как распределялись ответы респондентов в анкете опроса, представители региональной молодежи в полной мере разделяют эту точку зрения, поэтому анализ показал отсутствие резкого отклонения и значительного числового разрыва мнений в сторону положительных оценок.

Отвечая на вопрос о том, испытывали ли респонденты чувство стыда или недовольства страной – за неудачи и ошибки за последний год, 32,2% из числа опрошенных ответили, что такого чувства не испытывали, иногда подобное чувство возникало у 38,5% респондентов и только 15,7% опрошенных оно охватывало довольно часто. И сколь бы ни противоречивыми, на первый взгляд, не казались эти цифры, их возможно объяснить, учитывая следующие моменты: с одной стороны, нельзя отрицать факт наличия субъективной составляющей в оценке происходящих в современном обществе событий, отдельным человеком, также как и наличие укоренившегося в сознании части современного отечественного социума тренда на социальное сопротивление (например, развернувшаяся пропаганда вреда вакцинации против коронавирусной инфекции, транслируемое лидерами мнений), стереотипизацию представлений и оценок, способствующие формированию и трансмиссии резко отрицательных мнений по отдельным вопросам, соответственно формирующих установку на их восприятие в качестве серьезной ошибки. С другой стороны, респонденты продемонстрировали включенность в обсуждение процессов, происходящих в обществе, стремление их осмыслить. И если учесть, что в структуре понятия «гражданская позиция» наряду с компонентами патриотизма и социально-политической активности, имеется и элемент гражданственности, предполагающий активное и сознательное участие субъекта в делах и проблемах общества при наличии определенных убеждений [3], то респонден-

ты в данном случае не побоялись эти убеждения выразить в ходе опроса, проявив таким образом свою гражданскую позицию, которую важно было зафиксировать исследователям в процессе анализа данных анкетного опроса.

В совокупности качеств, формирующих облик гражданина-патриота, любовь к отечеству, гражданское достоинство, долг, честь, жертвенность, составляют ценностно-ориентационную основу личностного ресурса каждого человека, позволяют в любые жизненные периоды различного рода вызовов, уметь противостоять им, сохранять позитивное восприятие мира, стремление к их преодолению путем продуманных и последовательных социальных действий, ориентированных на перспективное развитие социума. Именно гражданская компетентность, определяемая уровнем гражданской зрелости и ответственности, способностью самостоятельно находить и принимать конструктивные решения в ситуациях выбора и нести за них ответственность, формирует уверенность в будущей успешности страны, а чувство гордости за принадлежность к большой и сильной стране, несомненно обогащает и дополняет содержание понятия «патриотизм» особым звучанием и социальным смыслом, который в годы транзитного состояния отечественного социума был полностью «размыт» из-за свойственной этому периоду хаотизацией отношений, почти полным погружением представителей многих социальных групп в зону нравственного разложения, конфронтации, на фоне предпринимаемых попыток перенастроить сознание социумной общности, особенно молодых ее представителей, на волну насаждаемых извне идеологических конструктов с пренебрежением к прошлому страны, ощущением легкости бытия в условиях рыночных отношений. Такая ситуация грозила потерей гражданской идентичности, при постыдном желании того времени умалчивать принадлежность к государственному образованию. В этом отношении современная молодежь демонстрирует иные позиции, отвечая на вопрос о том, изменились ли за последний год их чувства того, что они являются россиянами. Так, 32,1 % из числа опрошенных уверенно дали ответ, что их чувства остались в этой позиции неизменными, то есть как были всегда положительными, так таковыми и остались и ничего последний год ковид-эпидемии в их взглядах не поменял, 14,5% отметили наличие у них изменений в отношении ощущения себя россиянином «больше в положительную сторону», что свидетельствует об их гражданском «здоровье». Подобные ответы в численном и процентном соотношении (46,6%) перевесили долю тех, кто утверждал, что его чувства «изменились больше в отрицательную сторону» (11,2%) и полагающих, что они «как были отрицательными, так такими и остались» (3,5%). Таким образом варианты положительных и отрицательных ответов на вопрос разделились в соотношении 46,6%

против 14,7%. Однако особое внимание следует обратить на момент, который требует вдумчивого осмысления и заключается в наличии в ответах молодежи мнений относительно того, что они «не испытывали и не испытывают ни положительных, ни отрицательных чувств по поводу того, что они россияне» (21,2%) и 17,6% ответов от числа опрошенных, в которых респонденты затруднились дать ответ на поставленный вопрос. Такого рода мнения, конечно, не несут в себе какого-либо деструктивного потенциала, но заставляют сконцентрировать внимание на вопросах, требующих объединения усилий социальных институтов общества, в чьи задачи входит воспитание и социализация молодого поколения, особенно в части его духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания. Здесь необходимо не формальный подход, а взвешенная, учитывающая особенности современного цифрового поколения молодежи, их социальную уязвимость в силу еще недостаточно сложившегося понимания смыслового содержания наиболее значимых ценностных конструктов, корректировка процесса формирования качеств личности.

Представителям молодых поколений необходимо научиться выстраивать траекторию правильного понимания и восприятия гражданских позиций, концептуальную основу патриотизма. В противном случае, за молодежь это могут сделать другие, легко перепрограммируя ее сознание, разрушая духовно-нравственный потенциал и идеалы, накопленные многими поколениями предков. Подлинная система ценностей в эпоху глобализации должна быть свободна от сиюминутных обстоятельств и перефразируя высказывание знаменитого классика, мы не должны проиграть бой за души молодежи.

В современных условиях отечественный социум стремится к позитивному решению социально-политических проблем с ориентацией на стабильность, укреплению традиционных ценностей, воспитанию у молодежи чувства любви и гордости за свою страну, готовности ее защищать. Поэтому вопрос в анкете, прозвучавший следующим образом: «Некоторые говорят: «Моя Родина не обязательно Россия; ею может быть другая страна, где мне хорошо будет жить»? Каково Ваше мнение на этот счет?» скрывает в себе содержательно глубокую цель по выяснению истинности гражданского чувства любви к Родине, выяснению причин и факторов, оказывающих влияние на его формирование.

Аналогичный вопрос содержался в анкете первого этапа исследования, проведенном в 2020 году, а в виду того, что опрос региональной молодежи, анализируемый в данной статье, является логическим его продолжением, то интересным представлялось проследить динамику изменений взглядов молодежи по этому вопросу. Так, если в 2020 г. 37,7 % респондентов считали «Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой

стране» и не склонны были рассматривать условия и качество жизни как тождественные их пониманию и определению категории «родина», ставить между ними знак равенства [4, с. 224], то уже в 2021 г., количество молодежи, для которой фактор жизненного благополучия во всех его проявлениях не рассматривался в качестве определяющего и оказывающего влияние на формируемые представления о родине, увеличилось до 45,4 %. Таким образом, сопоставление процентных показателей, указывает на незначительную, но все же положительную динамику роста на 7,7% количества представителей молодого поколения, в матрице ценностных ориентиров которых преобладают абсолютные ценности, сохраняются и культивируются гражданские позиции, во многом определяемые нравственным чувством патриотизма.

В исследовании 2020 г. число тех, кто предпочел вариант ответа: «Для меня Родина там, где мне комфортно, хорошо жить, независимо от того, где я родился», составила 37,8%, а в 2021 г. количество респондентов, которые предпочли фактически близкий по смыслу вариант ответа: «Для меня неважно – моя Родина Россия или другая страна, главное, чтобы мне было хорошо там жить» определялось цифрой 30,3%. И в данных ответах улавливается определенная положительная тенденция увеличения на 7,5% количества молодежи, не готовых считать своей Родиной страну, способную обеспечить лишь благополучное существование. Одновременно с этим, если по итогам исследования 2020 г., число респондентов, которые не задумывались над вопросом масштабности и глубины проявления собственных чувств по отношению к родине, составляло 6,9%, то новое исследование увеличило это количество до 12,7%. В целом, в ходе анализа результатов всех ответов опроса, стало достаточно заметным количество респондентов, которые, высказывая точку зрения по тому или иному вопросу анкеты «никогда не задумывались» над поставленной в вопросе темой или «задумывались, но затруднялись ответить». Данное обстоятельство, конечно, не является свидетельством полной индифферентности представителей молодых поколений к обсуждаемым вопросам, но все же фиксирует необходимость концентрации их внимания на обсуждении серьезных и значимых проблем, формирова-

ния к ним интереса с использованием различных средств и методов воспитания, адекватных потребностям современных молодых поколений и направленных на формирование гражданской компетентности, способной не допустить манипулятивного воздействия на молодежь.

Рассматривая гражданскую компетентность в качестве лично образующей основы представителей молодых поколений, следует понимать содержательную ее составляющую не только как умение жить в гражданском обществе, правовом государстве, но и желание его формировать, создавать. В этом плане респонденты убеждены в том, что должны участвовать в реализации национальных целей страны. Данный факт ярко демонстрируют ответы молодежи в блоке вопросов анкеты, где представлена формулировка цели и задан прямой вопрос: «Кто может и должен реализовывать эту национальную цель?». В большинстве ответов именно вариант: «Эта цель может быть реализована не только государством, нужны усилия всех россиян», нашел наибольшую поддержку среди молодежи. К тому же, такие устремления молодежи подтверждаются и данными исследования ВЦИОМ 2020 г., в котором вторым по популярности определением патриотизма среди россиян стала деятельная работа на благо своей страны (44%, +6 п.п. по сравнению с 2018 г.) [2]. Действительно, включенность молодежи в практическую деятельность по реализации задач, стоящих перед страной, способствует повышению уровня ее социальной активности, формированию чувства ответственности, личной сопричастности к значимым делам, соответственно, патриотических убеждений и гражданской ответственности.

В отличие от других социально-демографических групп молодежь очень чутко реагирует на все изменения, происходящие в обществе, улавливает настроения и готова преодолевать сложности современных жизненных реалий, активно включаться в инновационные процессы, концентрирует в себе огромный потенциал возможностей, необходимо лишь вооружить молодежь знаниями, сформировать у молодых поколений весь необходимый комплекс социально значимых гражданских качеств, отвечающих задачам настоящего и будущего страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ховрин А.Ю., Зацепин М.И. Проблемы формирования молодой личности в контексте национальной безопасности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-molodoy-lichnosti-v-kontekste-natsionalnoy-bezopasnosti/viewer> (дата обращения 4.11.21).
2. Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать! URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> (дата обращения 05.11.21).
3. Березутский Ю.В. Гражданская позиция молодежи региона: опыт социологического анализа. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-pozitsiya-molodezhi-regiona-opyt-sotsiologicheskogo-analiza> (дата обращения 04.11.21).

4. Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Молодежь о национальных отношениях: региональный срез в контексте социологического анализа // Вестник экономики, права и социологии. – 2020. – №4. – С. 222–226.

Информация об авторах

Максимова Ольга Александровна, канд. социол. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: olga_max@list.ru

Нагматуллина Людмила Константиновна, канд. социол. наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: nagmlk@yandex.ru

Maximova O.A., Nagmatullina L.K.

MODEL OF CIVIL COMPETENCE OF MODERN YOUTH: REGIONAL ASPECT

Abstract. The results of a study carried out in the form of a mass on-line survey of young people in the Republic of Tatarstan are presented. 2250 respondents representing various ethnic, territorial, gender and age groups of the younger generation took part in a representative sample survey. The study, carried out with the aim of gaining an idea of the model of civic competence of modern youth, its civic maturity, made it possible to trace the main trends in the change in evaluative priorities in the opinions of representatives of the younger generation, to catch the tone of the expressed evaluations. The authors come to the conclusion that considering civic competence as a personality-forming basis of representatives of young generations, one should understand its content component not only as the ability to live in a civil society, a rule of law, but also the desire to form and create it. In this regard, the respondents are convinced that they should participate in the implementation of the country's national goals.

Keywords: youth, civic competence, patriotism, globalization

Literature

1. Khovrin A.Yu., Zatsepin M.I. Problems of the formation of a young personality in the context of national security. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-molodoy-lichnosti-v-kontekste-natsionalnoy-bezopasnosti/viewer> (date of access 4.11.21).

2. Patriotism today: not only to love, but also to work! - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> (date of access 05.11.21).

3. Berezutskiy Yu.V. Civic position of youth in the region: the experience of sociological analysis. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-pozitsiya-molodezhi-regiona-opyt-sotsiologicheskogo-analiza> (date of access 04.11.21).

4. Maksimova O.A., Nagmatullina L.K. Youth about national relations: a regional cut in the context of sociological analysis // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2020. – No. 4. – S. 222–226.

Authors

Maximova Olga Alexandrovna, cand. sociol. sci., Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: olga_max@list.ru

Nagmatullina Lyudmila Konstantinovna, cand. sociol. sci., Associate Professor, Kazan National Research Technical University. A.N. Tupolev-KAI, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: nagmlk@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И СТРАТЕГИИ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.38-43

Аннотация. Профориентация обеспечивает подготовку студентов к будущей профессии, применение профессиональных ориентаций в разработке стратегии трудоустройства выпускников ВУЗов значимо.

На современном этапе проектирования форм профориентации в образовательной организации в Российской Федерации возникают противоречия между нарастанием интенсивности информационно-технического прогресса, развитием рынка труда и недостатками процесса профпросвещения и профориентации в образовательных организациях. В связи с этим проблема исследования состоит в прояснении ресурсной базы обеспечения проектирования профессиональной ориентации и стратегии трудоустройства выпускников вузов. В качестве решения проблемы предлагается концепция профориентационной работы и концептуальная модель формирования стратегии трудоустройства выпускников вузов. Также предлагается использовать социологические методы диагностики профессиональной ориентации и стратегии трудоустройства выпускников вузов.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, стратегия трудоустройства, концептуальная модель, противоречия, диагностика.

В последнее десятилетие в образовательных организациях большую актуальность и популярность приобретают различные интерактивные средства, в рамках которых педагоги и психологи могут взаимодействовать с обучающимися в вопросах их будущей профессиональной ориентации – с тем, чтобы представить наиболее подходящие, интересные и конкурентоспособные направления профессиональной подготовки. Внедрение инновационных форм профориентации в рамках образовательных организаций возрастает по экспоненте, отражая развитие их материально-технического оснащения.

Качество системы профориентационной работы в образовательной организации зависит как от содержания этой работы - сущностной составляющей системы профориентации, так и от материально-технической оснащенности учебных заведений, обеспечивающей необходимый уровень ресурсной базы учебного процесса [1, с. 10]. Связь между двумя направлениями представляется очевидной: чем выше уровень инноваций в технической оснащенности учебного заведения, тем больше у педагогов возможностей продемонстрировать на практике выбирающим профессию студентам актуальные тенденции на рынке труда.

Профориентация должна обеспечивать первые этапы теоретической подготовки студентов к будущей профессии, поэтому инновационные её формы, требующие использования современных ресурсов, чрезвычайно важны: чем лучше будет оснащение студента в его учебное время, тем больше шансов, что в будущем он станет разнонаправленно развитым, востребованным специалистом.

Анализ тенденций, существующих на современном этапе проектирования инновационных форм профориентации в образовательной организации в Российской Федерации, позволяет выявить **противоречия:**

– между нарастанием интенсивности информационно-технического прогресса, развитием рынка труда и недостатками процесса профпросвещения и профориентации в образовательных организациях;

– между необходимостью обеспечить студентов навыками соотнесения своих внутренних ресурсов с требованиями к качествам специалиста в выбранной им профессии и недостатками условий для подготовки обучающихся.

Выявленные противоречия позволили сформулировать *проблему исследования:* прояснение ресурсной базы обеспечения проектирования профессиональной ориентации и стратегии трудоустройства выпускников вузов.

Развитие общества на современном этапе требует высококвалифицированного кадрового обеспечения отраслей, и ведущую роль в этом играет образовательная парадигма. Все исследователи и специалисты педагогической отрасли сходятся во мнении о том, что успешная социализация немыслима без определения человеком своего места в многоликом мире существующих профессий и выбора того профессионального пути, который соответствовал бы внутренним потребностям и способностям личности, оставаясь востребованным в обществе.

Профессиональный выбор, сделанный в молодости, не следует считать окончательным, однако при этом именно первоначальное решение во многом предопределяет познавательный интерес к освоению профессии в профильном учебном заведении и в последующем – удовлетворённость профессиональной деятельностью на этапе первичной социально-психологической адаптации на рабочем месте.

Проблема профессиональной ориентации молодёжи изучается отечественными и зарубежными учеными с различных позиций и во многих направлениях [2–4]. Как специальная сфера деятельности профориентация уже имеет свой сложившийся тезаурус [5, с. 45].

Современная отечественная система управления профориентацией молодёжи начала складываться в конце 80-х годов, когда в различных городах страны повсеместно стали открываться профориентационные и консультационные молодежные центры, а профориентационная работа в школе была признана одним из обязательных компонентов обучения и воспитания старшеклассников [6, с. 18].

Несмотря на огромные успехи и очевидную значимость, профориентационная наука и практика в начале 90-х гг.

вновь пережила сложный период. Это связано с непростыми социально-экономическими, политическими событиями, происходящими в постсоветской России. В первую очередь, стало неясным, какой из органов государственной власти должен был принять на себя ответственность за организацию профориентационной работы, т.к. в ведение Министерства образования этот функционал больше не входил. Во-вторых, законодательство о занятости населения утвердило профориентационную работу с молодёжью дополнительной услугой, которую могли оказывать службы занятости населения и коммерческие структуры на возмездной основе.

Вопросам становления, формирования и развития профессионального самоопределения, результативного осуществления профориентационной работы посвящено достаточно большое количество педагогических, социологических и психологических исследований, обобщив результаты которых, можно сделать заключение о том, что профориентация – это деятельность, направленная на становление и развитие у подростков личного стремления, решимости в осознанном выборе профессии. Более глобально профориентация рассматривается как комплексное воздействие общественных и педагогических институтов на молодое поколение с целью подготовки его к обдуманному решению по определению индивидуального профессионального будущего, базирующееся на системе государственных мероприятий и научных исследований в области профессионального самоопределения.

На Рис. 1 показаны структурные компоненты профориентационной работы в образовательной организации

Рисунок 1. Направления профориентационной работы в образовательной организации

В рамках реализации направления «Профессиональное ориентирование и консультирование» педагогические работники имеют возможность совместно с представителями всех заинтересованных сторон (органов власти, работодателей, семьи) разработать и апробировать на практике методический материал (методические рекомендации по проведению тренингов, профессиональных проб, тесты по профориентации, различные диагностические методики и прочее), с помощью которого можно выявить наиболее сформировавшиеся навыки и предпочтения конкретного подростка, сопоставить их с действующими профессиональными стандартами, определенными требованиями к профессии, разработать индивидуально ориентированные рекомендации для максимально возможной реализации себя в выбранной профессиональной стезе.

Конечные выводы о возможностях и перспективах работы в выбранном профессиональном секторе производятся на этапе профессионального отбора. Деятельность, реализующая направление «Профессиональная адаптация и самоопределение», включает конкретные механизмы, мероприятия, направленные на привыкание к конкретным условиям труда, вживание в профессию, желание ее эмоционально освоить. Ощутимая роль в достижении результатов эффективной профориентационной работы принадлежит профессиональной ориентации молодежи и профессиональному самоопределению.

В настоящем исследовании за основу содержания термина «профессиональная ориентация» принято определение С. Н. Чистяковой: Это – «...процесс формирования личностного отношения к профессионально-трудовой деятельности и способ самореализации, согласование индивидуальных и социально-профессиональных потребностей» [7, с. 78].

Основной целью профориентационной работы является организация адресной помощи подрастающему поколению по формированию профессионального самоопределения с учетом вызовов времени.

В качестве основных задач профориентационной работы определены:

- формирование у студентов-выпускников личностного опыта по выполнению профессиональных видов деятельности, навыков построения карьеры, знаний о существующих профессиях и специальностях, и состоянии современного рынка труда;
- создание условий для альтернативного выбора профессионального будущего и достижения целей с учетом личных перспектив;
- участие в формировании и закреплении индивидуально и социально значимых смыслов, субъективной позиции подростка, опирающейся на общепринятые и индивидуальные жизненные ценности;
- привлечение представителей бизнес-сообщества и субъектов образовательного процесса к передаче положительного профессионального опыта в построении карьеры, демонстрации профессионального мастерства в практической деятельности;
- подготовка студентов-выпускников к адекватному, рациональному и этичному поведению в кризисных ситуациях при реализации трудовой деятельности.

Профориентационная работа осуществляется комплексно, системно и целенаправленно в соответствии с планом по выделенным направлениям (Рис. 2).

По каждому направлению деятельности должно быть обеспечено взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами, задействованы административные, социальные, общественные, педагогические ресурсы.

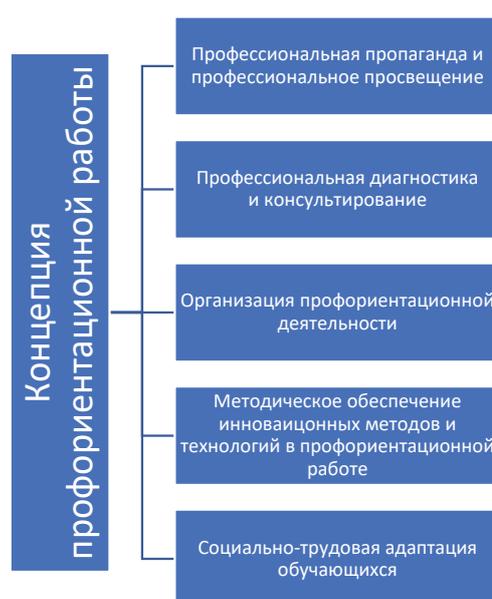

Рисунок 2. Концепция профориентационной работы

Преобразования, затронувшие общество в целом и систему образования в частности, влекущие за собой замену одних ценностей на другие, кризис идеалов и смыслов нацеливают педагогическое сообщество на смену приоритетов в образовании и, как следствие, на использование в образовательной практике более гуманных педагогических технологий.

Постоянно изменяющиеся условия жизни и социальные отношения обнаруживают необходимость внесения коррективов в построение образовательных траекторий обучающихся в образовательных организациях. Традиционный образовательный процесс должен трансформироваться под непрерывные изменения в обществе и потребности каждого индивидуума в отдельности - в первую очередь за счет методов обучения и способов передачи знаний.

Продуктивными методами ознакомления с разнообразными профессиями, их особенностями, перспективами последующего эффективного построения профессиональной карьеры являются интерактивные техники.

В данном исследовании стратегия трудоустройства – это последовательность переходов между уровнями образования и учреждениями, сформированная индивидуальным выбором, а также структурными и институциональными механизмами. Для разделения понятий «стратегия трудоустройства» и других связанных понятий – «путь трудоустройства» и «жизненный цикл» - использована концепция определения стратегии атрибутом индивидуума, а пути - атрибутом социальной системы. Таким образом, термин «путь трудоустройства» появляется тогда, когда речь идет о конкретных программах, которые молодой человек может выбрать в рамках данной образовательной системы. В результате концептуальную модель формирования стратегии трудоустройства выпускников вузов можно представить графически на Рис. 3.

На выбор стратегии трудоустройства выпускников вузов влияет множество факторов: от оценок, получаемых в вузе, как критериев предъявляемых умений и способностей, до финансовых ресурсов семей и представлений окружающих о профессии, необходимой выпускнику вуза.

Произведенный обзор исследований социального, территориального и гендерного неравенства при формировании профессиональной ориентации и стратегии трудоустройства [1-5] свидетельствует о том, что в рамках исследования необходимо использовать эмпирические методы: количественные и качественные.

Так, например, метод глубинного интервью позволит искренне высказаться респондентам, которые стесняются или слишком чувствительны к комментариям и публичному обсуждению личных вопросов. Анкетные опросы - традиционный метод сбора данных для академических исследований в различных областях. Однако множественные запреты и ограничения двух последних лет, связанные с несколькими волнами пандемии, актуализировали телефонные опросы, обращение к он-лайн анкетированию через адресную рассылку, либо проведение опроса в социальных сетях. В последнее время также появляется возможность сбора качественных данных с помощью онлайн-фокус-групп.

Таким образом, профессиональная ориентация и стратегии трудоустройства выпускников вузов связаны с направлениями профориентационной работы в образовательной организации. В рамках реализации направления «Профессиональное ориентирование и консультирование», педагогические работники и заинтересованные стороны (органы власти, работодатели, семьи) разрабатывают рекомендации по проведению тренингов, профессиональных проб, тесты по профориентации, различные диагностические методики, с помощью которых выявляются сформировавшиеся навыки и предпочтения подростка, затем необходимо сопоставление навыков и предпочтений с действующими профессиональными стандартами, определенными требованиями к профессии, на основе чего вырабатываются индивидуально ориентированные рекомендации для максимально возможной реализации себя в выбранной профессиональной сфере деятельности.

Рисунок 3. Концептуальная модель формирования стратегии трудоустройства (СТ) выпускников вузов

Наряду с профессиональным ориентированием и консультированием, предлагается такое направление профориентационной работы в образовательной организации, как профессиональная адаптация и самоопределение, включающее механизмы и мероприятия, направленные на привыкание к конкретным условиям труда, вживание в профессию.

В качестве основных задач профориентационной работы в вузе в рамках исследования определяется фор-

мирование у студентов-выпускников личностного опыта по выполнению профессиональных видов деятельности, навыков построения карьеры, знаний о существующих профессиях и специальностях, о состоянии современного рынка труда; а также - формирование условий для выбора альтернатив на рынке труда; привлечение представителей бизнес-сообщества и субъектов образовательного процесса к трансформации карьерного опыта, используемого в практической деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селиванова С.С. Формирование профессиональной идентичности учащихся в качестве инструмента интенсификации трудового капитала: профориентационная деятельность // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – №. 9. – С. 10–15.
2. Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. Актуальные проблемы исторического материализма. – М.: Политиздат, 1986. – 224 с.
3. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Садовникова Н.О. Профориентология: Теория и практика: учеб. пособие для высшей школы. – М., 2004. – 246 с.
4. Иванченко Г.В., Козлова М.А. Профессиональное самоопределение в творческих профессиях: проблемы, возможности, стратегии. – М.: Изд-во «Сообщество профессиональных социологов», 2006. – 192 с.
5. Общая психодиагностика / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина и др. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 204 с.
6. Рукавицына Е. А., Колпецкая О. Ю., Холодова М. В. Профессиональная ориентация молодежи: теория, история, практика // Образование и право. – 2021. – №. 1. – С. 10–20.
7. Чистякова С.Н., Сивцева К.Н., Атласова А.Р. Проблемы профориентации студенческой молодежи в России // Концепт. Научно-методический электронный журнал. – 2015. – Т. 26. – 476 с.

Информация об авторе

Мерзляков Максим Олегович., аспирант, Удмуртский государственный университет, Институт истории и социологии, кафедра социологии.

E-mail: justlucky133@gmail.com

Merzlyakov M.O.

PROFESSIONAL ORIENTATIONS AND EMPLOYMENT STRATEGIES OF UNIVERSITY GRADUATES

Abstract. Vocational guidance provides preparation of students for their future profession, the use of vocational orientations in the development of a strategy for the employment of university graduates is significant.

At the present stage of designing forms of vocational guidance in an educational organization in the Russian Federation, contradictions arise between the increase in the intensity of information and technical progress, the development of the labor market and the shortcomings of the process of vocational education and vocational guidance in educational organizations. In this regard, the problem of the study is to clarify the resource base for ensuring the design of vocational guidance and employment strategies for university graduates. As a solution to the problem, a concept of vocational guidance work and a conceptual model for the formation of a strategy for the employment of university graduates are proposed. It is also proposed to use sociological methods for diagnosing vocational guidance and employment strategies for university graduates.

Keywords: vocational guidance, employment strategy, conceptual model, contradictions, diagnostics.

Literature

1. Selivanova S.S. Formation of professional identity of students as a tool for the intensification of labor capital: career guidance activities // Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2020. – No. pp. 10–15.
2. Zdravomyslov A.G. Needs, interests, values. Actual problems of historical materialism. – М.: Politizdat, 1986. – 224 p.

3. Zeer E.F., Pavlova A.M., Sadovnikova N.O. Professional orientation: Theory and practice: textbook. a manual for higher education. – M., 2004. – 246 p.
4. Ivanchenko G.V., Kozlova M.A. Professional self-determination in creative professions: problems, opportunities, strategies. – M.: Publishing house "Community of professional sociologists", 2006. – 192 p.
5. General psychodiagnostics / ed. A.A. Bodaleva, V.V. Stolin and others – Moscow: Moscow State University Publishing House, 1987. – 204 p.
6. Rukavitsyna EA, Kolpetskaya O. Yu., Kholodova MV Professional orientation of youth: theory, history, practice // Education and law. – 2021. – No. 1. – Pp. 10–20.
7. Chistyakova SN, Sivtseva KN, Atlasova AR Problems of vocational guidance of student youth in Russia // Concept. Scientific and methodological electronic journal. – 2015. – T. 26 . – 476 p.

Author

Merzlyakov Maxim Olegovich, Postgraduate, Udmurt state University, Institute of History and Sociology, Department of Sociology.

E-mail: justlucky133@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.44-50

Аннотация. В последнее время утечка кадров из МВД заметно усилилась, что крайне негативно влияет на исполнение полицией своих функций – обеспечение порядка и безопасности граждан. Службу полицейского нельзя назвать легкой, поэтому некоторые сотрудники не выдерживают нагрузки и увольняются. Таким образом, важно с самого начала службы молодых сотрудников полиции проводить мониторинг их социального самочувствия, отношения к своей работе, взаимоотношений с коллегами и ситуации в семье. Решению этого вопроса и посвящена данная статья, в которой автором проводится комплексный анализ всех важнейших сторон повседневной жизни сотрудника органов внутренних дел с использованием в анкете авторских инструментов (шкал), позволяющих достаточно точно определить социальное самочувствие сотрудника полиции.

Ключевые слова: сотрудник полиции, социализация, служебные задачи, социальные гарантии, профессионализация.

В современном обществе, условиях обучения, труда и быта сотрудников полиции посвящено немало работ. В частности, об особенностях индивидуальной воспитательной работы в ОВД рассказывает исследование В.А. Михайликова и В.В. Михайликовой [1], формирование положительного имиджа будущих сотрудников в процессе обучения рассмотрено в работе Г.С. Човдыровой [2]. Анализ условий труда и быта сотрудников полиции, а также их социального самочувствия проведен в исследованиях С.А. Алексева, Д.А. Шпилева, Е.Н. Шлягиной [3,4]. Проблемы формирования нравственности молодого сотрудника полиции разбирают В.С. Олейников и А.И. Король [5]. Проблемы профессиональной адаптации молодых сотрудников полиции подробно изучены Ю.В. Стригуненко [6], а также в работе В.А. Линевиц [7]. Психологические особенности адаптации проанализированы в трудах Э.В. Шелиспанской и Е.В. Панферовой [8,9]. Вопросы наставничества и его влияния на карьеры молодых сотрудников полиции рассмотрены А.А. Масоновой, Т.Ю. Полозовой и Н.Б. Аляскяровым [10]. Тем не менее, в последние годы количество увольнений сотрудников из ОВД стремительно возрастает. Необходимо тщательно изучить проблемы, с которыми сталкиваются молодые полицейские в первые годы службы, чтобы в последующем минимизировать

влияние этих проблем на их решение о досрочном прекращении полицейской службы. Решению этого вопроса и посвящено данное исследование, проведенное с применением опросного метода.

В анкетном опросе с целевой выборкой, проведенном марте-апреле 2021 года в Краснодарском университете МВД России (Ставропольский филиал), приняли участие 339 сотрудников полиции первого года службы, все с высшим образованием, которое было получено в гражданских (36%) и специальных (64%) вузах (табл. 1). Среди сотрудников-мужчин больше тех, кто получил образование в гражданских вузах, среди сотрудников-женщин – в специальных. Основной возраст респондентов составляет 23-26 лет. Сотрудники преимущественно имеют звание младших сержантов (29%) и лейтенантов (64%), среди мужчин больше младших сержантов, среди женщин – лейтенантов, так как они получали образование в специальных вузах. Основная масса сотрудников при обозначении профиля деятельности назвали себя полицейскими, на втором месте – ОУР, на третьем – УУП. Меньше всего сотрудников работают следователями и в подразделениях по делам несовершеннолетних. Большинство респондентов живут в Ставропольском крае, остальные – в Северо-Кавказском федеральном округе.

Социальные и демографические характеристики респондентов, %

Параметры	Показатели	Выборка	Мужчины	Женщины
Половозрастные группы	23-24 лет	68	66	2
	25-26 лет	23	25	85
	27-28 лет	5	6	13
	29-30 лет	2	2	0
	31-35 лет	1	1	0
Высшее образование / вуз	Гражданский	36	41	8
	Специальный	64	59	92
Звание	Младший сержант	29	33	8
	Сержант	6	7	0
	Лейтенант	64	59	92
	Прапорщик	1	1	0
Профиль деятельности	ОУР	32	34	19
	УУП	17	18	15
	ПДН	5	2	23
	Следователь	9	5	35
	Полицейский	36	41	8
Регион	Ставропольский край	70	68	79
	Дагестан	6	8	0
	Ингушетия	5	6	4
	Кабардино-Балкария	6	6	8
	Чечня	3	3	2
	Карачаево-Черкессия	5	5	4
	Северная Осетия	5	5	4

Источник: составлено автором.

Основная масса сотрудников проживает в городе, в отдельных квартирах. Также 38% респондентов живут в частных домах, это преимущественно мужчины (41% против 23% женщин). Стоит отметить, что не довольны своими условиями проживания только около 5% сотрудников. Частично не удовлетворены, в основном, женщины (58% против 30% мужчин). Поскольку 53% сотрудников еще не состоят в браке, то они, в основном, проживают со своими родителями (74%). С родителями супруга или супруги живут только 2% респондентов.

Сотрудники, состоящие в браке (34%), считают, что живут в крепкой и дружной семье (табл. 2). Женатых мужчин несколько больше, чем замужних женщин. Первый раз

намериваются вступить в брак 12% респондентов. Дети есть пока только у 5% сотрудников. Мужчин, имеющих детей опять чуть больше, чем женщин. Ожидает прибавления в семье 1% полицейских.

Молодые сотрудники отмечают, что после прихода в полицию их жизнь стала гораздо лучше (21%), несколько улучшилась она у 56%. У 14% она никак не изменилась. Некоторые ухудшения отмечают только 9% респондентов. Именно поэтому почти половина сотрудников (43%) смотрят в будущее с надежной и оптимизмом, чуть более половины (55%) – спокойно, не испытывая при этом никаких иллюзий. Тревожные настроения зафиксированы только у 2% респондентов.

Таблица 2

Семейные отношения респондентов, %

Показатель	Характеристики	Выборка	Мужчины	Женщины
Матримониальный статус	Живу в браке	34	38	12
	Собираюсь вступить в первый брак	12	13	10
	Собираюсь вступить в повторный брак	0	0	0
	Собираюсь разводиться	0	0	0
	Не разведены, но живем отдельно	0	0	0
	Разведены, но живем вместе	0	0	0
	Не состою и никогда не состоял/а в браке	53	49	79
Дети	Да	5	6	2
	Нет	94	93	98
	Ожидаем прибавления в семье	1	1	0

Источник: составлено автором.

Оптимизм связан с тем обстоятельством, что больше половины молодых сотрудников (53%) уверены в том, что служба в полиции способствует их личному и профессиональному росту. Еще 38% готовы согласиться с этим. Только у 8% есть сомнения в возможности сделать хорошую карьеру в полиции. Лишь 1% настроен крайне пессимистично в отношении своих будущих карьерных успехов.

Что касается материального положения молодых сотрудников, то большинству из них (57%) денег хватает на покупку продуктов и одежды, на другие покупки необходимо копить. 10% могут позволить себе только покупку продуктов, у 4% денег не хватает даже на еду. Уровень жизни выше среднего - только у 29% респондентов, у 19% из них нет проблем с приобретением бытовых товаров длительного пользования (стиральная машина, холодильник), оставшиеся 10% в материальном плане чувствуют себя совершенно свободно.

Сотрудники первого года службы отмечают, что основными сложностями в их работе является невозможность проводить время с семьей из-за работы, ненормированный рабочий день и большое количество писанины, бюрократизма (табл. 3). Материальные трудности и сильный стресс на работе пока не вызывают сильного беспокойства у большинства респондентов. Необходимость получения

Таблица 3

Рейтинг сложностей, существующих в работе полицейских, %

Тезисы для оценки	%
Невозможность проводить время с семьей из-за работы	69
Ненормированный рабочий день	67
Большое количество писанины, бюрократизма	45
Материальные трудности	31
Сильный стресс на работе	25
Необходимость получения дополнительного образования	21
Сложности с продвижением по службе	21
Отсутствие нормальных жилищных условий	14
Плохие отношения с коллегами на работе	13
Интриги на работе	7
Строгое наказание за опоздание на работу	4
Невозможность общаться со старыми друзьями	4
Постоянный контроль со стороны начальства	3
Постоянные ссоры в семье	2
Приходится носить форменную одежду	1
Необходимость исполнять приказы и распоряжения руководства	1
Строгая дисциплина на рабочем месте	1
Приходится брать и давать взятки	0

Источник: составлено автором.

дополнительного образования и сложности с продвижением по службе также не представляют собой серьезную проблему, связано это с тем, молодые сотрудники находятся только в самом начале своего карьерного пути. Никто из респондентов не указал на то, что на рабочем месте им приходится брать и давать взятки. Ношение формы и наличие субординации также не воспринимаются респондентами как стрессогенные факторы. Общение с прежними друзьями продолжается, работа в полиции им не мешает.

Большинство молодых сотрудников считает, что быстрее освоить профессиональные обязанности им помогло бы обучение под руководством опытного наставника и доброжелательные отношения в коллективе (табл. 4). Помощь психолога и опека непосредственного руководителя не так важны. Неукоснительное исполнение приказов вышестоящих начальников лишь в малой степени может способствовать быстрому освоению профессиональных обязанностей.

Таблица 4

Факторы, помогающие молодому полицейскому быстрее освоиться на службе, %

Обучение под руководством опытного наставника	86
Доброжелательные отношения в коллективе	81
Помощь квалифицированного психолога	19
Опека непосредственного руководителя	19
Неукоснительное исполнение приказов и распоряжений руководства	12

Источник: составлено автором.

Молодые сотрудники полиции хотели бы иметь хороший социальный пакет, в который, в первую очередь, должна входить оплата переработок в полном объеме, выдача ведомственных санаторно-курортных путевок для сотрудника и членов его семьи, восстановление льгот на оплату жилищно-коммунальных услуг, а также предоставления служебного жилья. При невозможности предоставления служебного жилья государству следует разработать специальные ипотечные программы для сотрудников полиции, выдавать им жилищные сертификаты, предоставлять беспроцентные ссуды на жилье или жилищное строительство, а также выдавать так называемые квартирные, то есть, компенсацию за аренду жилых помещений. Молодые сотрудники в ближайшее время собираются создавать собственные семьи, поэтому проблема наличия своего жилья может стать очень острой, несмотря на то, что жилищные условия при проживании совместно с родителями большинством молодых сотрудников оцениваются как неплохие. Проблема внеочередного получения мест в детских садах и иных дошкольных учреждениях также является отложенной. Однако с появлением детей она мо-

жет превратиться в фактор, способствующий оставлению службы в полиции. В настоящий момент времени отсутствие таких льгот, как компенсация дорожных расходов при поездке к месту отдыха и бесплатный проезд в общественном транспорте не влияют социально на самочувствие полицейских.

Молодые сотрудники отметили ряд моментов, которые характеризуют профессию полицейского с точки зрения наличия социально-правовых гарантий. Так, служба в полиции обеспечивает получение качественного высшего образования. Они признают тот факт, что многие полицейские приходят в органы, продолжая семейную традицию. При этом молодые сотрудники прекрасно понимают, что работа в полиции – это самый лучший способ быстро решить свои материальные проблемы, да и размер существующих социальных гарантий полицейского явно недостаточен. Кроме того, необходимо улучшить правовую защищенность полицейских, а также продолжить работу по созданию положительного имиджа сотрудника, поскольку соседи, живущие рядом с семьей полицейского, не всегда проявляют к нему должное уважение. Респонденты также понимают, что размер пенсии сотрудников полиции не является достаточным, что есть проблемы с заботой о ветеранах и не всегда удается положительно решить вопрос с бесплатным медобслуживанием родственников в ведомственных поликлиниках и больницах. С точки зрения решения жилищного вопроса работа в полиции после срочной службы в армии не является наилучшим выбором. В настоящий момент сотрудник полиции нуждается в дополнительной социальной защите, что вызывает у него беспокойство и в ряде случаев лишает спокойствия и уверенности в своем будущем.

Именно поэтому только 47% молодых сотрудников полиции, в общем и целом, удовлетворены существующим объемом социальных гарантий. Совершенно или отчасти не удовлетворены этим объемом 52% респондентов.

При этом 42% молодых сотрудников считают, что государство в ближайшем будущем не обеспечит надлежащей социальной защищенности полицейских. 44% считают, что государство будет вынуждено пойти на этот шаг, но 21% из них уверены, что это кардинально не решит ситуацию с социальным обеспечением. Важно отметить, что 14% молодых полицейских затруднились с ответом на данный вопрос.

Тем не менее, 66% сотрудников отмечают, что они намерены в следующем году продолжить работу в своем подразделении. Еще 26% планируют перейти на вышестоящую должность в другом подразделении. Остальные собираются работать в другом подразделении на равнозначной должности (3%), подрабатывать на другой работе, приносящей доход (1%). Подать рапорт на увольнение из органов

внутренних дел хочет только 1% молодых сотрудников. 3% воздержались от ответа на данный вопрос.

Молодые полицейские уверены в том, что члены их семей испытывают гордость за профессию своего родственника, так эта работа необходима людям (табл. 5). При этом они уже поняли, что работа полицейского полностью определяет его быт, поэтому молодые сотрудники иногда с трудом привыкают к условиям работы. Степень удовлетворенности социальным положением является средней. Тем не менее, многие сотрудники по утрам с удовольствием идет на работу и не готовы уволиться из ОВД и перейти на другую работу. Работа в полиции может ожесточить человека, но, тем не менее, большинство полицейских не находят удовольствия от власти над обычными гражданами.

Таблица 5

Восприятие молодыми сотрудниками своей профессии

Тезисы для оценки /	Кэфф. согласия*
Члены семьи сотрудника полиции испытывают гордость за его профессию	2,71
Полицейский уверен, что его работа нужна людям	2,60
Работа полицейского полностью определяет его быт	2,26
Сотрудник полиции доволен своим социальным положением	2,25
Молодые сотрудники с трудом привыкают к условиям работы	2,19
Полицейскому кажется, что он работает больше, чем его коллеги	2,16
Работа ожесточает полицейского	2,09
Сотрудник полиции по утрам с удовольствием идет на работу	2,07
Сотрудник полиции готов уволиться из ОВД и перейти на другую работу	1,98
У сотрудников органов внутренних дел огромная власть над другими людьми	1,23

Источник: составлено автором.

Молодые сотрудники понимают, что работа полицейского для здоровья и жизни может быть опасна, тем не менее, в настоящий момент опасения быть раненым или погибнуть при исполнении служебных обязанностей не столь высоки. Сотрудники осознают, что родные и близкие переживают за них, кроме того, из-за работы количество времени, проводимого с семьей, минимально. Из-за небольшого срока службы в полиции молодые сотрудники пока еще не испытывают серьезных стрессовых перегрузок и не опасаются, что могут стать объектом уголовного преследования, да и к дисциплинарной ответственности они пока привлекались не часто.

Респонденты не согласны категорически с тем, что параллельно со службой у сотрудников полиции есть свой легальный бизнес. Дружеские отношения с другими людьми

ми сохраняются у полицейских вне зависимости от их профессии. Тем не менее, в ряде случаев можно говорить о настороженном или даже неприязненном отношении соседей к самому полицейскому и членам его семьи.

Молодые сотрудники знают, что их жизнь и здоровье застрахованы за государственный счет. Уровень своей профессиональной подготовки они оценивают достаточно высоко. Из-за небольшого срока службы молодые полицейские пока получали мало наград, да и полезные социальные связи у них только начинают складываться. Важно отметить, что убежденность сотрудников в том, что в случае необходимости государство защитит их и предоставит материальную помощь, не является абсолютной. Также можно обратить внимание на нехватку времени у сотрудников на регулярную заботу о своем здоровье и на наличие некоторых проблем в отношениях со своими сослуживцами.

Сотрудники не считают, что премии и поощрительные выплаты полностью компенсируют сложности, связанные с работой полицейского. Свой уровень жизни, достатка и жилищные условия полицейские также оценивают не высоко. Респонденты понимают, что не всегда могут рассчитывать на уважение к себе со стороны всех граждан.

Молодые полицейские четко понимают ценность семьи в жизни сотрудников (это надежный тыл), они настроены на единственный пожизненный брак, хотя и имеют, как минимум, двоих детей (табл. 6). При этом не все респон-

денты готовы к тому, чтобы их дети также работали в полиции. Как правило, в семьях полицейских присутствуют взаимопонимание и поддержка, поэтому семьи живут очень дружно, хоть и не без материальных проблем. Важно отметить, что сотрудники часто вступают в брак с другими полицейскими.

В связи с возросшим в последнее время некомплексом сотрудников в ОВД важным становится определить, какие социальные гарантии будут способствовать службе в полиции свыше 20 лет (табл. 7). На первом месте среди таких гарантий находится достойное пенсионное обеспечение в будущем, далее следует бесплатное медицинское обслуживание. Важно, что на третьем месте – получение жилищного сертификата, что еще раз подтверждает актуальность проблемы с жильем для полицейских. Такие гарантии, как регулярное санаторно-курортное лечение и получение единовременного денежного пособия сильно уступают по своей значимости первым трем пунктам.

Молодые сотрудники понимают, что при выходе на пенсию они могут столкнуться с такими проблемами, как неважное состояние здоровья, низкий уровень пенсионного обеспечения, некоторым будет трудно привыкнуть к жизни вне службы. А вот поиск новой работы и получение новых трудовых навыков не должны стать большой проблемой для бывших сотрудников.

Таблица 6

Ситуация в семьях сотрудников полиции

Тезисы для оценки /	Коэфф. согласия*
Тыл полицейского – это, прежде всего, его дом и семья	2,77
Полицейских всегда понимают и поддерживают их мужья и жены	2,56
У полицейских дружные семьи	2,36
Для сотрудников полиции характерен единственный пожизненный брак	2,26
У полицейских, как правило, двое и более детей	2,16
Полицейские вступают в брак с другими сотрудниками полиции	2,16
У семей полицейских высокий уровень жизни	2,02
Сотрудники желают, чтобы их дети продолжили полицейскую династию	1,97

Источник: составлено автором.

Таблица 7

Социальные гарантии и проблемы полицейских, %

Социальные гарантии, которые будут способствовать службе в полиции свыше 20-лет		Рейтинг проблем, возникающих у сотрудников полиции при выходе на пенсию	
Достойное пенсионное обеспечение в будущем	91	С состоянием здоровья	58
Бесплатное медицинское обслуживание	63	С низким пенсионным обеспечением	54
Получения жилищного сертификата	59	С адаптацией к жизни вне службы	50
Регулярное санаторно-курортное лечение	45	С устройством на новую работу	41
Получения единовременного денежного пособия	37	С получением новых трудовых навыков	21

Источник: составлено автором.

Чуть более половины сотрудников (52%) считают, что в настоящий момент с целью уменьшения нагрузки необходимость увеличивать количество штатных сотрудников полиции определенных должностей, в частности: УУП (28%), ОУР (25%), следователей (13%), ППС (10%), дознавателей (3%), ПДН (1%).

Таким образом, одной из существенных проблем, волнующих молодых сотрудников, является решение жилищного вопроса, а именно, приобретение своего жилья. У сотрудников первого года службы данная проблема носит отложенный характер, так как многие еще не обзавелись своей семьей и продолжают проживать с родителями.

Материальное положение сотрудников не является идеальным, только десятая часть из них может позволить себе жить без ограничений. Тем не менее, материальные трудности и сильный стресс на работе пока не вызывают сильного беспокойства у большинства респондентов, так как стаж службы у них минимален.

Молодые офицеры понимают, что теперь их основными проблемами будут невозможность проводить доста-

точное количество времени с семьей из-за работы, ненормированный рабочий день и высокий документооборот. Для скорейшей адаптации в трудовом коллективе молодежи необходимо руководство опытного наставника.

Существующий социальный пакет оценивается молодыми полицейскими неоднозначно, так как не обеспечивает полной социальной защиты, заставляя временами беспокоиться о своем будущем.

Расстаться с полицией после первого года службы собирается только 1% респондентов.

Что касается семейных ценностей, то отношение к ним у молодых сотрудников, скорее, можно охарактеризовать как традиционное, они настроены на единственный пожизненный брак и рождение, как минимум, двух детей.

Важно, что сотрудники не сомневаются в возможности дальнейшего трудоустройства после выхода на пенсию, так как высоко оценивают качество полученного образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михайликов В.А., Михайликова В.В. Индивидуальная воспитательная работа в органах внутренних дел: понятие, основные направления реализации и проблемы осуществления // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2021. – № 2. – С. 54–60.
2. Човдырова Г.С. Формирование положительного имиджа личности будущих сотрудников полиции в процессе обучения // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы. Сборник научных трудов II Международной конференции. Рецензенты: И.Н. Медведев, А.С. Осипова. – 2018. – С. 403–407.
3. Алексеев С.А., Шпилев Д.А., Шлягина Е.Н. Социальное самочувствие полицейских: гендерные и поселенческие особенности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2020. – №3 (20) – С. 291–298.
4. Алексеев С.А., Шпилев Д.А., Шлягина Е.Н. Социальный портрет сотрудника полиции на современном этапе. Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – 14(2). – с. 275–283.
5. Олейников В.С., Король А.И. Современные проблемы формирования нравственности молодого сотрудника полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 2 (70). – С. 162–166.
6. Стригуненко Ю.В. К проблеме профессиональной адаптации молодых сотрудников полиции в современной России (по материалам авторского социологического исследования) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6. – С. 42–45.
7. Линевич В.А. Проблемы профессиональной адаптации молодых сотрудников полиции // Актуальные проблемы адаптации курсантов образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2020. – С. 275–277.
8. Шелиспанская Э.В., Панферова Е.В. Психологические особенности адаптационного потенциала молодых сотрудников полиции // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – Т. 9. № 6-1. – С. 150–156.
9. Панферова Е.В., Шелиспанская Э.В. Психологические особенности адаптационного потенциала молодых сотрудников полиции // Этносоциум и межнациональная культура. – 2020. – № 12 (150). – С. 53–59.
10. Масонова А.А., Полозова Т.Ю., Аляскяров Н.Б. Влияние сопровождения молодых сотрудников полиции на результат их профессиональной службы // Актуальные проблемы психологической работы и профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел и силовых структур. Сборник научных трудов Межведомственной научно-практической конференции. – Москва, 2021. – С. 241–246.

Информация об авторе

Нестеренко Андрей Владимирович, старший преподаватель Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, кафедра уголовного права и криминологии.

E-mail: nester-andrei2017@yandex.ru

Nesterenko A.V.

PROFESSIONAL PERSPECTIVES AND SOCIAL SECURITY ASSESSMENT BY YOUNG POLICE OFFICERS

Abstract. Recently, the drain of personnel from has noticeably increased, which has an extremely negative effect on the performance of the police's functions - ensuring order and the safety of citizens. Police service cannot be called easy, so some officers cannot withstand the workload and quit. Thus, it is important from the very beginning of the service of young police officers to monitor their social well-being, attitudes towards their work, relationships with colleagues and the situation in the family. This article is devoted to the solution of this issue, in which the author conducts a comprehensive analysis of all the most important aspects of the daily life of an employee of the internal affairs bodies using the author's tools (scales) in the questionnaire, which make it possible to accurately determine the social well-being of a police officer.

Keywords: police officer, socialization, official tasks, social guarantees, professionalization.

Literature

1. Mikhailikov V.L., Mikhailikova V.V. Individual educational work in the internal affairs bodies: concept, main directions of implementation and problems of implementation // Problems of law enforcement. – 2021. – No. 2. – P. 54–60.
2. Chovdyrova G.S. Formation of a positive image of the personality of future police officers in the learning process // Professional education of employees of internal affairs bodies. Pedagogy and Psychology of Service Activity: State and Prospects. Collection of scientific papers of the II International conference. Reviewers: I.N. Medvedev, A.S. Osipova. 2018. – P. 403–407.
3. Alekseev S.A., Shpilev D.A., Shlyagina E.N. Social well-being of police officers: gender and settlement characteristics // Izvestia of the Saratov University. New series. Sociology series. Political science. – 2020. – No. 3 (20). – P. 291–298.
4. Alekseev S.A., Shpilev D.A., Shlyagina E.N. Social portrait of a police officer at the present stage. Actual problems of economics and law. – 2020. – 14 (2). – P. 275–283.
5. Oleinikov V.S., King A.I. Modern problems of the formation of morality of a young police officer // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – No. 2 (70). – P. 162–166.
6. Strigunenko Yu.V. On the problem of professional adaptation of young police officers in modern Russia (based on the materials of the author's sociological research) // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2019. – No. 6. – P. 42–45.
7. Linevich V.L. Problems of professional adaptation of young police officers // Actual problems of adaptation of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia to the conditions of professional activity. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference. – 2020. – P. 275–277.
8. Shelispanskaya E.V., Panferova E.V. Psychological features of the adaptive potential of young police officers // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. – 2020. – Vol. 9. – No. 6-1. – P. 150–156.
9. Panferova E.V., Shelispanskaya E.V. Psychological features of the adaptive potential of young police officers // Ethnosocium and interethnic culture. – 2020. – No. 12 (150). – P. 53–59.
10. Masonova A.A., Polozova T.Yu., Alaskarov N.B. The influence of escorting young police officers on the result of their professional service // Actual problems of psychological work and professional training of employees of internal affairs bodies and power structures. Collection of scientific papers of the Interdepartmental Scientific and Practical Conference. Moscow, 2021. – P. 241–246.

Author

Nesterenko Andrey Vladimirovich, Senior Lecturer, Stavropol Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of Criminal Law and Criminology.

E-mail: nester-andrei2017@yandex.ru

О ПРЕПОДАВАНИИ РОДНОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ В РЕСПУБЛИКАХ МАРИЙ ЭЛ И МОРДОВИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ)

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.51-55

Аннотация. В статье представлены результаты полуструктурированных интервью с публичными людьми («лидерами мнений») из республик Марий Эл и Мордовии по вопросу преподавания родного языка в школе (август-октябрь 2021 г., в каждой республике было опрошено по 8 человек). Отмечается близость позиций респондентов разных регионов в этом вопросе: обеспокоенность сложностью процедуры лицензирования учебников по родному языку, необходимость совместных усилий государства, семьи и школы в поддержании и развитии языков титульной нации, увеличение часов родного (титульного) языка для более глубокого его освоения, теоретическая возможность сдачи ЕГЭ на родном языке, но сложность реализации этого на практике. В обеих республиках мнения о добровольности / обязательности изучения титульного языка разделились. В поддержку обязательности изучения языка отмечалась целесообразность знания его, как государственного, как языка титульной нации. В Мордовии также указывалась в качестве причины необходимость в уважении к культуре другого народа.

Ключевые слова: родной язык в школе, финно-угорские народы, Марий Эл, Мордовия, преподавание языка в школе.

Благодарности: Статья выполнена в рамках проекта «Конфликтогенные факторы в сфере языка и языковой политики в республиках Поволжья и Приуралья: идентификация, технология прогнозирования и предупреждение конфликтов», реализуемого в рамках программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности по Поручению Президента Российской Федерации от 16.01.2020 (Пр. 72, п. 6).

Марий Эл и Мордовию исследователи относят к «республикам с финно-угорским населением» [1]. Особенностью рассматриваемых регионов является наличие трех государственных языков: в Марий Эл – русский, луговомарийский и горномарийский, в Мордовии – русский, языки эрзя и мокша. Языки почти всех финно-угорских народов, по оценкам Юнеско, «находятся под угрозой исчезновения», горномарийский – «серьезно находящийся под угрозой исчезновения» [2]. Особенностью данных республик также является высокий процент проживающих за пределами региона носителей языка: в Мордовии – 55,2%, в Марий Эл – 46,9%. [3] Согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 года 68% марийцев, проживающих в республике, владеют марийским языком, в Мордовии – 57,4% представителей народов мордвы владеют своим родным языком. [3] По сравнению с ВПН – 2002 Наблюдается тенденция снижения процента владеющих своим родным языком среди марийцев на 9,6%, среди представителей народов мордвы на 27,2%. [4]

Важным показателем использования языков является его преподавание в школе. В Республики Мордовия с 2018 года изучение родного языка входит в вариативную часть учебного плана, то есть каждое образовательное учреждение формирует эту часть самостоятельно. [5] В Республике Марий Эл, как отмечают исследователи, в последние два года не ведется обучение на марийском языке [6, 7], количество учеников, изучающих марийский горный или луговой, в качестве родного, меняется. Наблюдается динамика увеличения числа учеников, изучающих родной марийский луговой язык, но численность изучающих марийский горный язык меняется (увеличилась в 2019-2021 учебном году по сравнению с 2018-2019 уч. г., уменьшилась по сравнению с 2017-2018 уч.г.). [7]

Общественная дискуссия играет важную роль в понимании и оценке языковой ситуации в регионе. В рамках научно-исследовательского проекта были проведены полуструктурированные интервью с лидерами общественного мнения. Интервью проводились в дистанционном форма-

те с августа по октябрь 2021 года. В качестве «лидеров мнения» были опрошены работники СМИ, деятели культуры и искусств, языковые активисты и представители общественных организаций и движений, этнокультурных объединений. В каждой республике было опрошено 8 человек, 70-80% из них представители титульной нации. В рамках этой статьи представлены результаты по части вопросов интервью, касаемые только преподавания родного языка в школе. Помощь в проведении интервью в Республике Марий Эл оказала Л.Р. Низамова, доцент кафедры общей и этнической социологии КФУ.

Начиная с 2017-2018 учебного года в школах был введен предмет «Родной язык», позволяющий родителям по их письменному заявлению выбирать для изучения один из языков, в качестве родного. Дискуссий по этому вопросу было множество. Респонденты из Марий Эл в целом не одобряют введение предмета «Родной язык» или высказываются неопределенно на этот счет. Среди аргументов критики: изучение родного языка не должно быть факультативом («по остаточному принципу»), определение родного языка должны быть по факту рождения, а не по заявлению, поскольку имеются случаи, когда марийские родители отказываются от изучения марийского языка в пользу русского, отмечается нехватка учителей родного языка: «мы немножечко на этом потеряли, так скажем, мари именно, потому что страшно смотреть, как вот население сельских родителей мари выбирают русский, как родной» (И 2, жен, мари). Как отмечают отдельные информанты, выбор марийскими родителями русского языка, как родного, в определенной мере связано с преподаванием обязательного предмета марийского языка, как государственного, а также практической неприменимостью языка. В Мордовии, напротив, чаще высказывалось одобрение введения предмета «Родной язык», поскольку дети должны изучать язык: «Я никаких проблем, что мои дети изучают родной язык, не вижу. Наоборот, я рада, что дети, чем больше знают языков, тем они становятся более развитее» (И1, жен, мордва, без уточнения). Вместе с тем отмечалось, что по этому вопросу в обществе высказывают разные точки зрения, есть «за» и «против», поэтому важно выработать у учеников уважительное отношение к предмету, как и ко всем остальным. Вместе с тем, отмечается нехватка педагогических кадров, приводится пример из жизни информанта: поскольку в школе не было учителя эрзянского языка, ребенок изучал русский, как родной.

Другой вопрос, обсуждаемый в публичном пространстве, обязательность / добровольность изучения марийского языка в школе. Большинство информантов из Марий Эл (представители разных национальностей) высказались за обязательное изучение марийского языка в школе, ар-

гументируя это тем, что, проживая в республике необходимо знать язык титульной нации, хотя бы на разговорном уровне. Вместе с тем, была озвучена и другая позиция – за добровольность изучения. В Мордовии также мнения разделились. Обязательность изучения мордовских языков объясняется его статусом государственного в республике. Кроме того, уважительное отношение ко всем школьным предметам ставит в один ряд мордовские языки и русский, и английский. Даже если эрзянский / мокшанский языки не пригодятся в будущем, все равно его надо изучать в знак уважения к культуре народа. Также были высказаны мнения о добровольности, потому что язык сейчас выбирается.

Родной язык изучается в среднем два часа в неделю. Достаточно ли этого, мнения информантов разделились. Большинство респондентов из Марий Эл полагает, что этого все же недостаточно для полноценно освоения языка. Английский язык, как отмечают участники интервью, преподается в большем объеме (4 часа в неделю), а если школа переходит на пятидневку, то сразу страдает родной язык (его урезают). Было высказано мнение, что каждый день должен быть один урок родного языка (ответил информант-татарин). Также было высказано мнение, что распределение часов на предмет «Родной язык» идет по остаточному принципу: «подход был чисто технический. Часов больше нет, поэтому вот столько дадим, и вам достаточно. Конечно, с точки зрения научности, с точки зрения методического подхода — это, конечно, неправильно» (И5, жен, мари). Преподавание родного языка в объеме двух часов в неделю по-разному оценили в Мордовии: были оценки и «за» и «против» и неоднозначные ответы. Два часа в неделю достаточно для усвоения разговорного уровня, для русскоязычных школьников. Но для большее глубокого изучения, для национальных школ, следует увеличить, в отдельных случаях до 3–4 часов.

Обеспеченность учебниками и учительскими кадрами важное условия успешного изучения родного языка в школе. Мнения на этот счет в Марий Эл разделились. Те, кто полагает, что учебников не хватает, отметили, что учебники, которыми пользовались несколько лет назад, устарели. На сегодняшний день процедура лицензирования учебников достаточно сложная, как отмечают информанты, проводится она в Москве, в федеральном министерстве, поэтому в школах занимаются по учебным пособиям: «надо соответствующие документы получить уже в Москве, то есть это все сложно, вот и такая проблема у нас это не как учебник, а только как учебное пособие» (И 1, жен, мари). Также отметили, что Марийский институт образования испытывает «кадровый голод», редактора увольняют, что осложняет ситуацию с выпуском учебников. Данная проблема началась, по мнению одно из информантов,

еще в 2000-е гг., когда этим вопросом детально не занимались. Однако было высказано и противоположное мнение, что республика обеспечена учебниками и рабочими тетрадями, благодаря именно Марийскому институту образования, который это разработал. Татарскими учебниками республика обеспечена, в этом помогает Татарстан и Всемирный конгресс татар, посылая учебники в школы, как отметил в интервью один информант. Кадровый вопрос вызывает беспокойство у опрошенных. В целом учителя родного языка есть, но они пенсионного и предпенсионного возраста, а молодые педагоги не идут на низкие зарплаты.

В Мордовии, как отмечают информанты, хватает учителей по родному (эрзянскому, мокшанскому) языку, их готовят два вуза: Мордовский государственный университет и Мордовский государственный педагогический университет, хотя единичные случаи отсутствия учителя были отмечены. Основная сложность состоит с учебниками по родному языку, которая вызвана сложной процедурой лицензирования учебников в Москве. И хотя этот вопрос уже начал решаться (утверждены учебники с 1 по 4 класс по эрзянскому языку), большинство учащихся занимается по учебным пособиям.

В публичном пространстве также обсуждается вопрос, может ли язык сохраниться только с помощью личных усилий родителей. Опрошенные из Марий Эл в подавляющем большинстве уверены, что этого невозможно. В семье ребенка можно научить говорить на родном языке, но грамотно писать и читать сможет обучить только школа. Обязательна нужна поддержка государства, родную речь нужно слышать с экранов телевизора, необходимы национальные театры. Поскольку распространения русскоязычная среда, родители не могут в одиночку поддерживать родной язык: *«Семья это, в первую очередь, что должна дать, что может дать, но без подкрепления со стороны государства, без внимания государства, одна семья ничего не сделает»* (И 4, муж, мари). Описываются ситуации: дети, воспитанные в марийских семьях и на родном языке, не могут полностью понять родителей, поскольку не все слова, термины им знакомы. Чтобы сохранить языку нужно обучать ему не только в школьных, но и в дошкольных учреждениях, так как язык лучше закладывается именно в этом возрасте. Также было высказано и иное мнение: *«власть создала все необходимые условия для сохранения и развития языка, теперь требуется только личная активность, желание изучать язык: «власть у нас создает условия, именно создает, но народ, нет желания у народа, именно у народа»* (И 3, жен, мари). Это касается и часов преподавания языка в школе, которые можно попробовать увеличить по предложению родителей.

В Мордовии уверены, что язык может сохраниться только в связке семьи и образования. Важно изучать язык, начиная с детского сада, проводит обязательные занятия в школе. Также важна и культура, чтобы была среда, в которой приносим язык.

Еще один вопрос, который обсуждается в публичном пространстве – следует ли предоставить возможность учащимся сдавать ЕГЭ на родном языке. Мнения информантов из Марий Эл разделились. Предоставление такой возможности объясняется тем, что это будет стимулировать школьников изучать родной язык, при этом нужно учитывать интересы разных народов. Некоторые сложности с этим были связаны с ограниченностью использования результатов такого экзамена (*«идти учиться только на (марийского) филолога»*) и методическими трудностями подготовки экзамена (потребуется перевод всех учебников и программ на родной язык). В Мордовии похожая ситуация. В целом информанты склоняются к невозможности проведения ЕГЭ на родном языке, поскольку для этого нужны большие денежные вливания, которых у республики нет, и в целом в этом нет необходимости. Были и те, кто допускал возможность сдачи ЕГЭ на родном языке, но сложности будут связаны с отсутствием терминологии по предметам на родном языке.

В целом результаты интервью показывают схожесть в оценках языковой ситуации респондентами из Марий Эл и Мордовии в вопросах преподавания языка в школе. В обеих республиках мнения о добровольности / обязательности изучения родного (титульного языка) разделились. В Марий Эл обязательность объяснялась необходимостью знания языка титульной нации, хотя бы на разговорном уровне, в Мордовии – изучением языка как государственного, а также в знак уважения к культуре другого народа, хотя в будущем язык может и не пригодиться. Отмечалась необходимость поставить по значимости предмет родной язык (языки эрзя / мокша) на уровень иностранных языков. В обеих республиках были высказаны схожие мнения, что сложность в преподавании родного языка во многом связана с длительной процедурой лицензирования учебников в федеральном министерстве. Также схожесть позиций касалась вопроса сохранения и развития языка, респонденты уверены семья должна действовать в связке со школой (в т.ч. дошкольными учреждениями) и государством. Неоднозначна оценка возможности проведения ЕГЭ на родном языке. С одной стороны, это способ стимулировать школьников изучать свой родной язык. Но, с другой, возможные методические сложности подготовки экзамена ставят под сомнение целесообразность проведения ЕГЭ на родном языке.

В дальнейшем требуется анализ преподавания родного языка в школе в контексте общей оценки «лидерами мнений» языковой ситуации в регионе, а именно сопоставление с актуальными темами публичного дискурса по языковому вопросу в республиках. Данные вопросы

были заданы в ходе интервью. Это позволит оценить, насколько тема школьного образования активно обсуждается по сравнению с другими аспектами языковой ситуации в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаббаев Ю. П., Воронцов В. С., Орлова О. В., Мартыненко А. В., Миронова Н. П. Языковая политика и языковые ориентации населения в национальных республиках: конфликт интересов между группами или несовершенство культурных практик (на примере регионов с финно-угорским населением)? // Вопросы филологии. – 2018. – № 1 (61). – С. 62–74.
2. The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process. Cambridge, 2012.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. / в 11-ти т. Т. 4, кн. 1. – М., 2012. – 2101 с.
4. Кондрашкина Е.А. Будущее языков финно-угорских народов Российской Федерации // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 262–271.
5. Мартыненко А.В. К вопросу о преподавании мордовских языков: история и современность // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2018. – № 2(18). – С. 259–264.
6. Горячева М.А. Языки России в системе школьного образования Республики Марий Эл: динамика функционирования // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2020. – С. 13–18.
7. Кондрашкина Е.А. Особенности языковой ситуации и языковой политики в Республике Марий Эл // Sciences of Europe. – 2021. – № 81. – С. 46–50.

Информация об авторе

Нурутдинова Аида Наильевна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра общей и этнической социологии.

E-mail: Aida.Nurutdinova@kpfu.ru

Nurutdinova A.N.

ABOUT TEACHING NATIVE LANGUAGE AT SCHOOL IN THE REPUBLICS OF MARI EL AND MORDOVIA (BASED ON INTERVIEW MATERIALS)

Abstract. The article presents the results of semi-structured interviews with public people ("opinion leaders") from the republics of Mari El and Mordovia on the issue of teaching native language at school. The similarity of the positions of respondents from different regions on this issue is noted: concern about the complexity of the procedure for licensing textbooks in the native language, the need for joint efforts of the state, family and school in maintaining and developing the languages of the titular nation, increasing the hours of the native (titular) language for deeper mastering it, the theoretical possibility of passing the Unified State Exam in the native language, but the complexity of implementing this in practice. In both republics, opinions on the voluntary/mandatory nature of learning the titular language were divided. In support of the obligation to study the language, the expediency of knowing it as the state language, as the language of the titular nation, was noted. In Mordovia, the need for respect for the culture of another people was also indicated as a reason.

Keywords: native language at school, Finno-Ugric peoples, Mari El, Mordovia, language teaching at school.

Literature

1. Shabaev Yu.P., Vorontsov V.S., Orlova O.V., Martynenko A.V., Mironova N. P. Language policy and language orientations of the population in national republics: conflict of interests between groups or imperfection of cultural practices (on the example of regions with Finno-Ugric population)? // Questions of philology. – 2018. – № 1 (61). – Pp. 62–74.
2. The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process. Cambridge, 2012.
3. Results of the All-Russian Population Census of 2010 / in 11 vol. 4, book 1. – М., 2012. – 2101 p.

4. Kondrashkina E.A. The future of the languages of the Finno-Ugric peoples of the Russian Federation // Yearbook of Finno-Ugric studies. 2021. – Vol. 15. – No. 2. – Pp. 262–271.
5. Martynenko A.V. On the question of teaching Mordovian languages: history and modernity // Bulletin of Omsk University. Historical Sciences series. 2018. – № 2(18). – Pp. 259–264.
6. Goryacheva M.A. Languages of Russia in the school education system of the Republic of Mari El: dynamics of functioning // Problems of Mari and Comparative Philology: collection of articles / Mar. State University; ed. by R.A. Kudryavtsev. – Yoshkar-Ola: MarGU, 2020. – Pp. 13–18.
7. Kondrashkina E.A. Features of the language situation and language policy in the Republic of Mari El // Sciences of Europe. – 2021. – No. 81. – Pp. 46–50.

Author

Nurutdinova Aida Nailevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of General and Ethnic Sociology.

E-mail: Aida.Nurutdinova@kpfu.ru

ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.56-60

Аннотация. В статье рассматривается национальная идея как смыслообразующее основание российской нации. Авторы анализируют проблему на примере результатов исследований, проведенных в Республике Башкортостан в 2019 и 2020 гг. (в 2019 г. методом стандартизированного интервью опрошены 751 человек, из них молодежь в возрасте от 16 до 30 лет – 185 респондентов, выборка квотная, районированная; в 2020 г. в рамках исследования Я- и Мы-концепции молодежи методом онлайн-анкетирования опрошены 1000 человек 16–30 лет, выборка районированная с последующим отбором респондентов по методу «снежного кома»). По результатам опроса 2019 г., демонстрируется высокий уровень консенсуса граждан и первых лиц страны в отношении патриотизма и великодержавности как вариантов национальной идеи России. Анализируются различия в представлениях о данном вопросе у респондентов, относящимся к разным возрастным группам. Авторы раскрывают особенности восприятия опрошенными категории «патриотизм». Рассматривается отношение молодежи до 30 лет, проживающей в республике, к предложенным в опросе 2020 г. национальным целям как альтернативе государственной идеи. Делаются выводы об основных тенденциях и перспективах поиска и выбора национальной идеи России.

Ключевые слова: национальная идея, национальные цели, российская нация, гражданская идентичность.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований РАН по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.).

Укрепление гражданского единства, гражданского самосознания и сохранение самобытности многонационального народа РФ (российской нации) выступает приоритетом государственной национальной политики РФ. Формирование и усиление гражданской идентичности обретает актуальность после распада СССР под влиянием множества центробежных факторов, среди которых – сложный этнический и культурный состав российского народа, неравномерность экономического развития регионов и поляризация населения, процессы глобализации и миграции и др.

Задача по укреплению российской нации заставляет обращаться политиков, общественных деятелей и исследователей к поиску символических оснований общенациональной идеи. По мнению М.К. Горшкова, «элементом национальной идентичности является некая смысловая целостность, воспринимаемая как национальная идея. ...Национальную идентичность можно определить как за-

данную национальным видением мира и национальной историей основную идею, которой живет социум в конкретно-историческую эпоху и потому приемлемую для его большинства. ...Идентичность несет в себе ответ на вопрос о сущности своего народа, его месте, роли и задачах в мировой истории и идеальных формах его существования» [1, с. 14].

Общенациональная идея должна отвечать на ряд вопросов: что представляет Россия сегодня; каков потенциал ее развития; каковы движущие силы достижения цели развития; каким представляется её реальное воплощение [2, с. 635].

В 1990-е гг. процесс поиска национальной идеи был инициирован Б.Н. Ельциным, затем поддержан В.В. Путиным и Д.А. Медведевым. В настоящее время приходит осознание, что навязанная сверху властями национальная идея не может быть успешной, она должна отражать ценности и устремления самого народа.

Вопрос о содержании национальной идеи является одним из самых сложных и дискуссионных в практике любого государства. Представители правящей политической элиты вслед за Президентом Российской Федерации предлагают раскрывать ее через ценности патриотизма. «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. Это и есть национальная идея» – отметил В.В. Путин в 2016 г. [3]. В научном сообществе подобные представления также артикулированы в последние два десятилетия [4, с. 406].

Материалы и методы. Для анализа интегративных оснований российской национальной идеи в статье будут использованы некоторые результаты опроса жителей Башкортостана в 2019 г. и онлайн-опроса молодежи Республики Башкортостан в 2020 г.

В 2019 г. авторским коллективом был проведен опрос местного населения Республики Башкортостан методом стандартизированного интервью, объем выборки – 751 человек, выборка – квотная, районированная. Исследование позволило выявить представления населения о смыслообразующих основаниях национальной идеи.

Онлайн-опрос методом стандартизированного анкетирования 2020 г. охватывал 1000 респондентов в возрасте 16-30 лет, проживающих в Башкортостане. Выборка районированная (городские и сельские муниципальные образования во всех субрегионах) с последующим отбором респондентов по методу «снежного кома». В данном опросе фокус внимания сместился к анализу наиболее перспективных национальных целей РФ. Молодежь в качестве объекта исследования избрана в силу того, что именно ее представители будут определять ориентиры и цели общественного развития в ближайшие десятилетия.

Результаты исследования и обсуждение. В 2019 г., рассуждая о наиболее значимых для российского общества идеях, респонденты чаще отмечали «обеспечение индивидуальных и коллективных свобод» (53,8%), «обеспечение законности и порядка» (42,6%) и «выборность основных органов власти» (40,5%). Каждому третьему-пятому респонденту близки возрождение России как великой державы (35,8%), вхождение в современный глобальный мир (31,3%), обеспечение равенства и справедливости (21,7%), многообразие и конкуренция мнений (20,9%), равное право граждан на участие в управлении делами общества и государства (20,8%), уважение прав меньшинств (18,4%), равенство всех граждан перед законом. Наименее популярными оказались идеи наличия многопартийной системы (15,3%), контроля общества за принятием политических решений (13,7%), сильной власти как гаранта стабильности общества (9,5%) и отсутствия цензуры над деятельностью СМИ (3%). Таким образом, первостепенной значимостью обладает необходимость обеспечить

свободу, законность и порядок, а также выборность органов власти.

Респондентов также попросили выразить мнение, в чем должна заключаться национальная идея современной России. Самый популярный ответ – «патриотизм, любовь к своей стране, гордость за нее» (37,8%). Как видим, относительно этого вопроса наблюдается высокий уровень консенсуса между гражданами и властью. Перспективным представляется вопрос о факторах, обуславливающих конгруэнтность во взглядах, в частности – о степени влияния агентов социализации: политических институтов, СМИ, семьи и ближайшего окружения и др.

Каждый третий в качестве национальной идеи указывает на «возрождение России как великой и сильной державы» (32,4%), что согласуется с данными общероссийских исследований о патриотизме как значимом проявлении идеи великодержавности [5, с. 97].

Реже опрошенные поддерживали вариант «борьба за справедливость» (27,2%), хотя в научном сообществе озвучивается мнение, что патриотизм «может объединять граждан страны при условии, что они ощущают себя живущими в государстве, где царствует справедливость» [6, с. 675].

Наименее одобряемы идеи «многонациональность и особая культура как результат проживания большого числа народов на территории одной страны» (17,9%), «превосходство в науке и искусстве» (16,4%), «особый, неповторимый характер российского народа: сила, воля, доброта и т.д.» (15,2%), «победа всегда и во всем» (15,0%), «идея коллективизма, господствовавшая в период Советского Союза» (10,5%). Лишь 3,0% уверены, что Россия не нуждается в национальной идее.

Эти данные подтверждают, что для граждан России большое значение имеют патриотизм и вера в сильную, справедливую страну, жители которой имеют особый характер и плюралистическую культуру.

Прослеживается четкая корреляция ответов в зависимости от возраста респондентов: опрошенные до 30 лет чаще характеризуют национальную идею России как «борьбу за справедливость» (до 20 лет – 41,4%, от 20 до 30 лет – 32,0%), опрошенным старше 31 года ближе вариант «патриотизм, любовь к своей стране, гордость за нее» (31-40 лет – 37,9%, 41-50 лет – 37,6%, 51-60 лет – 53,9%, старше 61 года – 47,3%). Интересно, что значительная часть респондентов в каждой из возрастных групп разделяют мнение о значимости возрождения России как великой и сильной державы (см. табл. 1).

Очевидно, что наиболее близки риторике органов власти взгляды на национальную идею России граждан старшего поколения, что можно объяснить влиянием советской идеологии в прошлом, традиционных медиа (телевидение с проправительственной ориентацией) – в настоящем. На-

против, молодые люди, ориентированные на новые медиа (интернет), демонстрируют приверженность индивидуалистским ценностям, идеям свободы и справедливости.

Каждый пятый опрошенный до 30 лет испытывает трудности с определением идеи, которая потенциально смогла бы интегрировать общество, в то время как респонденты старше 51 года затруднялись с ответом лишь в 2,6% случаев. Это можно объяснить как возрастными особенностями молодежи, так и амбивалентностью социально-политической позиции, аполитичностью и пр.

Исторически патриотизм – очень значимая для российского народа категория. Формирование патриотизма происходит благодаря различным социальным институтам. По мнению 54,8% опрошенных, приоритет в этом вопросе принадлежит семье. О том, что укреплению патриотических чувств может способствовать улучшение реальных условий жизни в стране, заявили 40,5%, за необходимость активного участия граждан в вопросах жизни страны ратуют 24,2% опрошенных. Среди других инструментов формирования патриотизма – активизация деятельности молодежных объединений (22,3%), наличие специальных образовательных курсов (предметов) в школе (19,1%), просветительские телевизионные программы (14,2%), тематические интернет-ресурсы (11,7%), специальные программы на радио (6,9%). Таким образом, большинство россиян полагают, что патриотизм зависит от условий и качества жизни, формируется с раннего детства и укрепляется через активную общественную деятельность.

В 2019 г. 16,6% граждан испытывали затруднения, отвечая на вопрос, являются ли они патриотами. 66,2% проявили согласие с этим утверждением в разной степени, 17,2% ответили отрицательно.

Отметим и отсутствие единства мнений в интерпретации понятия «патриотизм»: 40,4% трактуют его как любовь к своей стране, ее природе, 35,5% – любовь к своему народу, его истории и культуре, 32,8% – гордость за свою страну, 26,2% – готовность служить своей стране, защищать ее интересы, 19,2% – осознание собственной ответственности за настоящее и будущее страны, 11,4% – чувство вины и переживания за ошибки в настоящие и прошлые страны. Эти ответы свидетельствуют, что для большинства патриотизм – это положительно коннотированная категория, однако отражающая скорее состояние, чем действие.

Существует мнение, согласно которому более правильно говорить о национальных целях, нежели о национальной идее, которая чаще выступает как «социальный факт», государственное образование, требующее интернализации со стороны граждан. Сторонники подобных взглядов утверждают, что необходимо «идти по пути выдвижения общенациональных задач, реализация которых создаст условия для реального объединения граждан» [6, с. 677].

В ходе опроса молодежи в 2020 г. был задан вопрос о целях, способных объединить россиян. Наиболее популярным стал вариант «превратить Россию в страну с комфортными условиями жизни» – 58,0%. Вторым и третьим по популярности стали варианты «в страну чистой окружающей среды» (51,4%) и материально обеспеченных людей (49%).

Подобное распределение ответов указывает на преобладание индивидуалистских установок среди молодежи. Также более 40% набрали следующие варианты: превратить Россию в страну высокообразованных людей; в страну, в которой поддерживаются таланты; в страну научных до-

Таблица 1

В чем, по Вашему мнению, должна заключаться национальная идея современной России? (в %), 2019 г.*

Варианты ответов	Возраст респондента					
	до 20	21-30	31-40	41-50	51-60	61 и старше
Патриотизм, любовь к своей стране, гордость за нее	17,2	24,7	37,9	37,6	53,9	47,3
Возрождение России как великой и сильной державы	20,7	24,7	34,3	31,5	40,0	38,7
Многонациональность и особая культура как результат проживания большого числа народов на территории одной страны	17,2	13,3	17,9	20,0	24,3	19,4
Идея коллективизма, господствовавшая в период Советского Союза	6,9	10,0	10,7	7,9	16,5	12,9
Борьба за справедливость	41,4	32,0	23,6	21,2	23,5	35,5
Победа всегда и во всем	13,8	21,3	12,9	15,8	11,3	14,0
Превосходство в науке и искусстве	20,7	14,7	17,1	18,8	13,9	10,8
особый, неповторимый характер российского народа: сила, воля, доброта и т.д.	13,8	14,0	12,9	19,4	13,0	14,0
России не нужна национальная идея	0	3,3	2,9	3,6	2,6	3,2
Другое	3,4	4,7	1,4	0,6	0,9	3,2
Затрудняюсь ответить	20,7	20,0	15,0	9,7	2,6	8,6

*Вопрос с множественным выбором вариантов ответа, поэтому сумма ответов превышает 100%

стижений; в страну духовной культуры; в страну нравственных людей; в страну, которую в мире рассматривают как доброго соседа; в страну честного предпринимательства; в страну высоких технологий.

Заключение. Вопрос о российской национальной идее находится в центре внимания политического и научного сообщества на протяжении нескольких десятилетий. На сегодняшний день нет единого мнения относительно способов его решения, поэтому данный процесс может быть охарактеризован как поиск национальной идеи. Эксперты утверждают, что инициатива в этом вопросе должна принадлежать общественности, и предлагают формулировать проблему как поиск и определение национальных целей и задач.

Наиболее популярным вариантом национальной идеи выступает категория патриотизма, однако стоит отметить, что сами россияне вкладывают в этот термин довольно абстрактное значение. Молодые люди проявляют склонность к индивидуалистским ценностям, идеям справедливости и свободы. В качестве наиболее значимой интегративной силы респонденты до 30 лет признают превращение России в страну с комфортными условиями жизни. Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что решение проблемы поиска национальной идеи зависит от объективных условий, способных удовлетворить потребности граждан в социальной справедливости и достойном уровне жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горшков М.К. Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. – 2013. – № 3. – С. 11–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstva-v-sohranении-i-razvitii-natsionalnoy-i-grazhdanskoy-identichnosti-i-ukreplenii-doveriya-v-kontekste-globalnyh-protsessov> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Лутовинов В.И. Проблема национальной идеи современной России в контексте исторической ретроспективы и реалий постсоветского периода // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 634–639 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-natsionalnoy-idei-sovremennoy-rossii-v-kontekste-istoricheskoy-retrospektivy-i-realiy-postsovetskogo-perioda> (дата обращения: 18.11.2021).
3. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». 19.09.2013. URL: rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html (дата обращения: 18.11.2021)
4. Яновский Р.Г. Патриотизм: О смысле создающего служения человеку, народу России, Отечеству. – М.: Книга и бизнес, 2004. – 528 с.
5. Данилова Е.А. Великодержавность в массовом сознании россиян как внутривнутриполитическая основа национального брендинга РФ // Власть. – 2017. – Том 25. – №9. – С. 93–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikoderzhavnost-v-massovom-soznanii-rossiyan-kak-vnutripoliticheskaya-osnova-natsionalnogo-brendinga-rf> (дата обращения: 16.11.2021).
6. Пирогов Н.Л. Поиски национальной идеи // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – Ч. 3. – С. 673–677. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poiski-natsionalnoy-idei> (дата обращения: 16.11.2021).

Информация об авторах

Садретдинова Эвелина Винеровна, кандидат социологических наук, доцент, Башкирский государственный университет, факультет философии и социологии, кафедра социологии и работы с молодежью.

E-mail: golichev@mail.ru

Коровкина Наталья Владимировна, старший преподаватель, Башкирский государственный университет, факультет философии и социологии, кафедра социологии и работы с молодежью.

E-mail: korovkina-natalya@list.ru

Sadretdinova E.V., Korovkina N.V.

THE SEARCH FOR A NATIONAL IDEA IN THE CONTEXT OF STRENGTHENING RUSSIAN IDENTITY: THE EXPERIENCE OF THE REGIONAL DIMENSION OF THE PROBLEM

Abstract. The article considers the national idea as the semantic foundation of the Russian nation. The authors reveal the problem using the example of the results of studies conducted in the Republic of Bashkortostan in 2019 and 2020 (in 2019, 751 people were interviewed by standardized interview method, 185 respondents were among them young people aged 16 to 30, the sample was quota-based, zoned; in 2020, as part of the I- and We-Concepts of youth study, 1,000 people 16-30 years old

were interviewed by online questionnaire, the sample was zoned, followed by the selection of respondents using the "snowball" method). According to the results of the 2019 survey, it is demonstrated a high level of consensus of citizens and top officials of the country regarding patriotism and great power as variants of the national idea of Russia. It is analyzed the differences in the views of respondents belonging to different age groups on this issue. The authors reveal the peculiarities of respondents' perception of the category "patriotism". The article examines the attitude of young people under 30 living in the republic to the national goals proposed in the 2020 survey as an alternative to the state idea. It is drawn conclusions about the main trends and prospects of the search and selection of the national idea of Russia.

Keywords: national idea, national goals, Russian nation, civic identity.

Literature

1. Gorshkov M.K. The role of the state in the preservation and development of national and civic identity and confidence building in the context of global processes // Humanities of the South of Russia. – 2013. – No. 3. – P. 11–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-gosudarstva-v-sohranении-i-razvitii-natsionalnoy-i-grazhdanskoy-identichnosti-i-ukreplenii-doveriya-v-kontekste-globalnyh-protssessov> (date of access: 20.11.2021).

2. Lutovinov V.I. The problem of the national idea of modern Russia in the context of historical retrospect and the realities of the post-Soviet period // Russia: trends and prospects of development. Yearbook. Issue 12 / RAS. INION. – M., 2017. – Part 3. – P. 634-639. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-natsionalnoy-idei-sovremennoy-rossii-v-kontekste-istoricheskoy-retrospektivy-i-reality-postsovetetskogo-perioda> (date of access: 18.11.2021).

3. Vladimir Putin's speech at a meeting of the Valdai Club. 09.19.2013. URL: rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html (date of access: 18.11.2021).

4. Yanovsky R.G. Patriotism: On the meaning of creative service to man, the people of Russia, the Fatherland. – M.: Book and Business, 2004. – 528 p.

5. Danilova E.A. Great power in the mass consciousness of Russians as the domestic political basis of the national branding of the Russian Federation // Power. – 2017. – Volume 25. – No. 9. – P. 93-99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikoderzhavnost-v-massovom-soznanii-rossiyan-kak-vnutripoliticheskaya-osnova-natsionalnogo-brandinga-rf> (date of access: 16.11.2021).

6. Pirogov N.L. The search for a national idea // Russia: trends and prospects of development. Yearbook. Issue 12 / RAS. INION. – M., 2017. – Part 3. – P. 673-677. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poiski-natsionalnoy-idei> (date of access: 16.11.2021).

Authors

Sadretdinova Evellina Vinerovna, Candidate of Sociology, Docent, Bashkir State University, Faculty of Philosophy and Sociology, Department of Sociology and Youth Work.

E-mail: golichev@mail.ru

Korovkina Natalya Vladimirovna, Senior Lecturer, Bashkir State University, Faculty of Philosophy and Sociology, Department of Sociology and Youth Work.

E-mail: korovkina-natalya@list.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ И ПЕНИТЕНЦИАРНЫМ СООБЩЕСТВОМ В ВОСПРИЯТИИ ОСУЖДЕННЫХ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.61-68

Аннотация. Любые формы взаимоотношений в социальных образованиях традиционно рассматривается как специфические связи различных категорий субъектов (индивидов). Специфический характер взаимоотношений, определяется той социальной средой, в которых они осуществляются. Одним из такого рода специфических социальных образований, является пенитенциарный социум, управление которого осуществляется, посредством двух видов взаимоотношений – формальном и неформальном. В статье представлен теоретический и эмпирический социологический анализ взаимоотношений между администрацией исправительных учреждений и пенитенциарным сообществом. Исследование проводилось в исправительных учреждениях общего и строго видов режима Ставропольского края, в период 2019–2020 гг. (N=472). Полученные результаты могут быть использованы в качестве субъективных индикаторов, позволяющих определять степень лояльности осужденных к социальным практикам, реализуемым в отечественных пенитенциарных учреждениях.

Ключевые слова: администрация исправительных учреждений, пенитенциарное сообщество, взаимоотношения в исправительных учреждениях.

Взаимоотношения между администрацией исправительных учреждений и пенитенциарным сообществом (которое мы понимаем, как деятельность, скоординированную во времени и пространстве и направленную на решение общих задач) принято рассматривать как исключительно антагонистические. Даже в историческом контексте, с учетом трансформационных социально-экономических процессов, система таких взаимоотношений крайне редко могла характеризоваться общностью интересов. Авторы, далекие от пенитенциарной проблематики, говорят об очевидности таких противоречий, объясняя это спецификой отечественной криминальной субкультуры [1, 2]. Обоснование этому они находят в специфичности характера взаимоотношений между осужденными и администрацией исправительных учреждений, где качество управленческой деятельности администрации является отражением объективных противоречий, обусловленных сутью пенального конфликта. Объективность таких противоречий, подтверждается еще и тем, что только за последнее столетие отечественная пенитенциарная система переживала три глобальные реформы, каждый раз ради-

кально меняя представление о своем социальном предназначении.

Особенно сложные, с точки зрения их внутреннего содержания, отношения между администрацией и пенитенциарным сообществом сложились в постсоветский период. Современные социально-экономические условия поставили перед отечественной пенитенциарной системой вопрос об изменении характера взаимоотношений между администрацией и пенитенциарным сообществом. Основным здесь являлось определение того, кто имеет реальные возможности управления массой осужденных в условиях изоляции от общества. Ключевым моментом такого «определения» выступает не только сам факт того, кто эту «власть возьмет», но и как она будет восприниматься всем пенитенциарным социумом. Сложность понимания этого процесса обусловлена тем, что его реализация происходит в условиях изменения не только социально-экономических отношений так называемого «большого общества», но и серьезных трансформаций в самом пенитенциарном социуме.

Характер взаимоотношений между администрацией и осужденными за весь постсоветский период кардинально изменился. Большинство исследователей сходятся во мнении, что это связано прежде всего с тем, что радикальным изменениям было подвержено уголовно-исполнительное законодательство, регулирующее процесс взаимоотношения между государством и преступником [3]. Изменения коснулись практически всех сторон этих отношений, обусловив таким образом и их легальную оценку – от крайне отрицательной, до относительно позитивной. Между этими позициями можно выделить еще и иные варианты отношений, определяющих их характер. Так, с одной стороны, осужденные, используя все стереотипы законодательства советского периода, оценивают его исключительно с патерналистских позиций. Исходя из этого, осужденные выстраивают (ожидают) от управомоченных субъектов такую модель взаимоотношений, при которой вся инициатива в решении социально-значимых вопросов возлагается исключительно на представителей администрации. С другой стороны, администрация исправительных учреждений реально оценивая систему отношений, определенных действующим законодательством, понимает свою задачу, не как патерналистическую, а как надзорно-управленческую. Тем самым существенная часть ответственности за характер отбывания наказания возлагается на самих осужденных, которые, в сущности, сами должны нести ответственность за те риски, с которыми сопряжено отбывание наказания в условиях изоляции от общества.

Особенность нынешней ситуации состоит в том, что администрация мест лишения свободы не может в полном объеме использовать силовое воздействие на осужденных, как основной ресурс, позволяющий применять всю совокупность исправительных мер. Сегодня, чтобы власть администрации была устойчивой, ей недостаточно четко следовать требованиям действующего законодательства. С появлением у представителей пенитенциарного сообщества средств связи, граница между общепринятым представлением о порядке отбывания наказания и тем, что определяет закон стала «размываться». На первый план стало выходить требование к администрации, цель которого предполагает ограничения ее полномочий, не смотря на их закрепленность в действующем законодательстве. Представители пенитенциарного сообщества активно используют общественное мнение для формирования специфического социально-психологического восприятия населением процессов, происходящих в местах лишения свободы.

На основе такого специфического восприятия, в «большом обществе» начинает превалировать негативное отношение к государству и его правоохранительной системе. Это влияет на представление о необходимости осуществ-

лять системные преобразования, независимо от того, несут они в себе позитивный заряд или нет. Именно поэтому, когда мы говорим о поиске фундаментальных приоритетов в распределении властных полномочий в условиях изоляции осужденных от общества, соотношение администрации и пенитенциарного сообщества имеет ключевое значение и определяет фактический тип исправительного учреждения. Так, например, в случаях концентрации всей полноты власти в руках лидеров пенитенциарного сообщества, зачастую реализуются формы крайнего деспотизма и полной деструктивности в отношении к конкретному осужденному. Не случайно, такой тип исправительного учреждения в неформальной среде осужденных именуется «черной зоной». С другой стороны, если вся полнота власти сконцентрирована в руках у представителей администрации, то это создает условия для обеспечения успешного развития необходимых личных качеств осужденного. В последнем случае, осужденный приобретает необходимые для успешной ресоциализации в условиях свободы качества.

Существование уголовно-исполнительной системы невозможно без реализации функции пенитенциарной профилактики. Причем, речь здесь должна идти не столько о непосредственном правовом регулировании процесса исполнения наказания, сколько о повседневной социальной практике. Это, в свою очередь, предполагает специфическую культуру взаимоотношений осужденного с администрацией исправительного учреждения. С их обоюдными представителями о «правильном» и «не правильном», что влияет на качественную оценку принимаемых управленческих решений. Сюда же, можно отнести и понимание представителями администрации исправительного учреждения своей роли в реализации функций пенитенциарной профилактики, как важной социальной деятельности. К сожалению, вся система возможных взаимоотношений не может игнорировать существующую в среде осужденных совокупность неформальных норм поведения.

Наличие неформальных норм поведения, существующих в местах лишения свободы, настоятельно требует от администрации исправительного учреждения учитывать не только их наличие, но и непосредственный характер воздействия на конкретные стратификационные категории. К сожалению, лоббирование отдельными службами исправительного учреждения интересов некоторых неформальных групп осужденных, не способствует созданию эффективного механизма реализации пенитенциарной профилактики. С позиции решения неких тактических задач, такого рода лоббирование, безусловно, может носить объективный характер. В тоже время, с точки зрения стратегических целей пенитенциарной профилактики, это суще-

ственно снижает качественную сторону формирования правового сознания осужденных, порождая недоверие ко всей правоохранительной системе государства.

Для понимания сущностной стороны рассматриваемых отношений, мы предприняли попытку дать теоретическое обоснование необходимости представления о современной трансформации отечественной пенитенциарной системы – взаимоотношения администрации исправительного учреждения и пенитенциарного сообщества. Проведенный нами социологический мониторинг взаимоотношений администрации исправительного учреждения и пенитенциарного сообщества дает об этом определенное представление.

Анализ оценок осужденными условий организационно-управленческой деятельности администрации показал, что большая часть опрошенных испытывает серьезные материальные затруднения, которые, по их мнению, не позволяют им, улучшить, например, рацион питания [4]. Обращает на себя внимание тот факт, что причину этого они, как правило, видят не в наличии оплачиваемой работы в исправительном учреждении, а в том, чтобы иметь возможность получать такую помощь извне. Здесь имеет существенное значение возрастная составляющая. Особенно эти тенденции затрагивают осужденных старшей возрастной группы (45 лет и старше) и лиц, младшей возрастной группы (18-30 лет). Осужденные, условно находящиеся в промежуточном положении между этими возрастными группами, более оптимистичны в своих материальных притязаниях. Как правило, эти лица уже социализировались как в «большом обществе» (наличие семьи), так и в «малом» (являются лояльными к неформальным традициям осужденных). Именно эти две противоположные по своему содержанию группы

не лишены жизненных перспектив и после освобождения из мест лишения свободы.

Динамика изменения субъективных оценок осужденными качественного содержания взаимоотношений между администрацией мест лишения свободы и пенитенциарным сообществом, свидетельствует об их актуальности для современного периода времени.

Среди вопросов осужденных, воспринимаемых как проблемы, прослеживается довольно устойчивая тенденция в усилении негативных процессов, связанных непосредственно с условиями отбывания наказания. Их можно разделить на две группы:

– связанные с правовым регулированием порядка и условий отбывания наказания в местах лишения свободы (отсутствие оплачиваемой работы, бытовые условия, качество питания и т.п.);

– связанные с системой реализации вопросов жизнедеятельности пенитенциарного социума (напряженные отношения как среди осужденных, так и во взаимоотношениях с администрацией, уровень криминологической безопасности).

Они превышают уровень тревожности всех других (возможно более важных) социальных проблем (табл. 1). В то же время, осужденные не высказывают каких-либо опасений по поводу пенитенциарной субкультуры, несмотря на то, что основная масса специально-криминологических исследований, свидетельствуют об обратном [1].

Из приведенной таблицы виден не только весь спектр проблем, которые волнуют осужденных, отбывающих наказание в различных видах исправительных учреждений, но и отношение к ним представителей неформальных групп. Наряду с общей оценкой качественного содержания вза-

Таблица 1

Проблемы беспокойства осуждённых, вызванные взаимоотношением с представителями пенитенциарного сообщества, %

Варианты ответов	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК общего режима	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК строгого режима (впервые)	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК строгого режима (неоднократно)
Невозможность приобретать продукты питания и предметы первой необходимости сверхустановленной нормы	77,4	59,1	79,9
Безопасность от противоправных действий со стороны администрации ИУ	71,3	52,6	38,6
Безопасность от противоправных действий со стороны других осужденных	33,4	40,9	53,8
Качество медицинского обслуживания в ИУ	37,3	27,0	41,3
Отсутствие оплачиваемой работы в ИУ	68,8	40,7	37,9
Бытовые условия в ИУ	23,6	56,6	28,0
Возможность поддерживать отношения с близкими	13,4	17,6	27,2
Влияние криминальной субкультуры	10,5	12,7	12,0

имоотношений, полученные данные находят свое отражение в вопросах, адресованных к администрации мест лишения свободы. Отсюда, может создаваться впечатление о том, что решение означенных проблем способно стать фактором, повышающим уровень доверия осужденных к администрации мест лишения свободы. В противном случае, рассчитывать на лояльное отношение осужденных к администрации исправительных учреждений, довольно проблематично.

Исходя из этого, можно предположить, что в современных условиях эффективность решения управленческих задач пенитенциарного социума, не может зависеть лишь от администрации мест лишения свободы. Ситуация диктует требование, чтобы определенную роль в решении управленческих задач могло принимать участие и пенитенциарное сообщество. Авторы, далекие от практической деятельности исправительных учреждений, допускают утверждение о том, что одной из главных задач должна стать работа по вовлечению представителей пенитенциарного сообщества в решение вопросов социального характера [2].

Обосновывая свою позицию, данный автор исходит из того, что главным критерием эффективной управленческой деятельности в местах лишения свободы, является доверие осужденных. Этот интегральный показатель отражает способность субъектов, наделенных (обладающих) властными полномочиями, создавать условия для обеспечения приемлемых большинством членов пенитенциарного социума качеств жизни. Такое представление носит, на наш взгляд, исключительно непрофессиональный характер, т.к. «связывает» уровень доверия осужденных к представителям администрации с решением сугубо материальных проблем, которые объективно вытекают из требований действующего законодательства. Учитывая, что реализация закрепленных в законодательстве предписаний находится в причинной связи с материальным обеспечением, то отношение осужденных к законным требованиям админи-

страции имеет тенденцию к снижению уровня доверия и формирует отрицательное отношение. При этом происходит идеализация управленческого потенциала пенитенциарного сообщества, которое, в сущности, не обременено никакими обязательствами и нормативно-правовыми требованиями.

Ранжирование ответов респондентов показывает, что различные структурные подразделения исправительного учреждения отмечены невысоким уровнем доверия со стороны осужденных (табл. 2).

В общественном сознании осужденных прослеживается высокая степень персонификации в реализации властных полномочий различными службами исправительного учреждения. В частности, руководители исправительных учреждений имеют высокий потенциал доверия со стороны осужденных, в то время как сотрудникам структурных подразделений большая часть опрошенных отказывают в доверии. Особенно высоким уровнем недоверия характеризуется отношение осужденных к оперативным и режимным службам. Такого рода отношение может быть обусловлено содержанием тех оперативно-режимных задач, которые эти подразделения решают.

Другим индикатором, отражающим характер взаимоотношений между представителями администрации исправительного учреждения и осужденными, является оценка качества деятельности непосредственных руководителей различных структурных подразделений. Он отражает способности этих руководителей решать проблемы, с которыми к ним обращаются осужденные. Здесь так же, прослеживается их персонифицированное отношение. Это определяет и частоту обращений осужденных к такого рода руководителям для решения личных вопросов.

Здесь следует отметить, что оценки осужденных об их удовлетворенности результатом обращения к руководителям различных структурных подразделений исправительных учреждений, в большей степени, можно рассматривать как неудовлетворительные. Такого рода состояние отно-

Таблица 2

Уровень доверия осужденных к различным структурам подразделениям исправительных учреждений, %

Виды структурных подразделений исправительных учреждений и УИС	Осуждённые, отбывающие наказание в виде лишения свободы впервые	Осуждённые, отбывающие наказание в виде лишения свободы неоднократно
Сотрудникам производственного отдела	23,8	21,3
Сотрудникам воспитательного отдела	18,9	22,6
Сотрудникам территориального управления	23,8	23,1
Сотрудникам оперативного отдела	12,7	11,6
Сотрудникам отдела тылового обеспечения	14,5	26,6
Сотрудникам отдела безопасности	10,9	9,3
Начальнику исправительного учреждения	34,2	53,9

шения осужденных, является источником формирования объективации субъективного отношения, выражающегося, в негативной оценке всей деятельности уголовно-исполнительной системы. Результатом может служить игнорирование законных требований представителей администрации.

Удовлетворенность осужденных деятельностью администрации исправительного учреждения, по нашему мнению, может выступать как общий интегральный социальный индикатор определяющий характер их взаимоотношений (табл. 3.).

Результаты опросов, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что удовлетворенность деятельностью администрации исправительных учреждений в реализации возложенных на нее функций в той или иной мере выражают около трети опрошенных. В то же время, количество осужденных, которые неудовлетворительно оценивают такие взаимоотношения, варьирует в среднем от трети до более половины. Максимальный уровень удовлетворенности в ответах респондентов отмечается при решении ими вопросов, связанных с выполнением неоплачиваемой работы, минимальный – медицинского обслуживания, различные вопросы социального характера и вопросы, связанные с получением оплачиваемой работы (табл. 4).

Каковы же причины такого невысокого уровня удовлетворенности осужденных результатами своего обращения к представителям администрации исправительного учреждения? Ведь к общеизвестным фактам принято от-

носить характер взаимоотношений между осужденными и администрацией, при которых, качественная оценка в разрешении возникающих вопросов, находится в сфере неформальной оценки (мнение представителей пенитенциарного сообщества). Очень часто осужденные бравадуют именно тем, что в отличии от свободного общества данные ими обещания не могут «остаться на словах», равно как и проблема – нерешенной.

Следует также сказать, что в оценках причин неудовлетворенности, осужденных решением своих вопросов администрацией исправительных учреждений, существует определенного рода стереотипизация – администрация, не может быть «хорошей» ни при каких условиях. Такого рода социальные установки лежат в основе общей негативной тенденции, характеризующей определенный протестный потенциал всего пенитенциарного социума. По оценкам опрошенных, к числу «самых нерешаемые» относятся вопросы, связанные с режимом содержания. Относительная открытость информации о деятельности пенитенциарного сообщества выступает здесь одним из главных факторов доверия к нему осужденных, а следовательно, и лояльности к нему. Результаты исследования показали, что большинство опрошенных осужденных не удовлетворяет получаемая от представителей администрации информация о реализации отдельных режимных требований.

Таблица 3

Удовлетворенность осужденных деятельностью администрации исправительного учреждения, %

Степень удовлетворенности	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК общего режима	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК строгого режима (впервые)	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК строгого режима (неоднократно)
Полностью удовлетворен	10,9	8,6	1,5
Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен	27,3	22,3	14,1
Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	27,9	21,3	37,4
Полностью не удовлетворен	7,2	14,0	23,7
Затрудняюсь ответить	26,6	33,8	21,9

Таблица 4

Причины неудовлетворенности осужденных результатами своего обращения к представителям администрации исправительного учреждения в зависимости от характера вопросов, %

Вопросы обращения	Не решили	Не разъяснили	Нагрубили	Помощь на словах
Вопросы, связанные с бытовыми условиями содержания	46,2	23,1	30,8	38,5
Вопросы медицинского обслуживания	41,2	17,6	23,5	41,2
Вопросы социального характера	41,2	17,6	17,6	41,2
Вопросы, связанные с режимом содержания	37,5	31,9	12,5	34,7
Вопросы, связанные с выполнением неоплачиваемой работы	26,4	7,9	13,1	13,1
Вопросы медицинского обслуживания	35,3	26,5	8,8	29,4
Вопросы связанные с получением оплачиваемой работы	41,0	33,3	20,5	20,5

Результаты опроса показывают, что примерно пятая часть осужденных вообще «выпадает» из поля взаимодействия как с администрацией исправительного учреждения, так и с представителями пенитенциарного сообщества. Именно здесь проявляется специфика тех взаимоотношений, которые складываются в системе неформальных отношений, характерных для мест лишения свободы. Это, так называемая, «отвергаемая» часть осужденных, среди которой проведение исследований затруднено по объективным для мест лишения свободы причинам. Получить какую-либо информацию от них крайне затруднительно. Ранее мы обращали внимание на это обстоятельство, в связи с чем подвергали сомнению выводы ранее проводившихся социологических исследований [5].

Такого рода оценки могут быть обусловлены разными причинами. Так, с одной стороны, это может быть следствием реального «бездействия» администрации исправительных учреждений, а с другой, может свидетельствовать об отсутствии у большинства осужденных объективной оценки о деятельности администрации. Их представление основано не на реальной деятельности, а на распространённых стереотипах и чужих мнениях. В тоже время, независимо от высказанного нами предположения, социологический опрос фиксирует неудовлетворенность осужденных состоянием взаимодействия с представителями администрации исправительного учреждения. Острота выявленной проблемы требует своего адекватного решения и прежде всего, в более тесной работе с представителями пенитенциарного сообщества.

В ходе исследования мы выдвинули гипотезу, согласно которой, неадекватность отношения к деятельности администрации по реализации возложенных на нее функций, может быть обусловлена незнанием осужденных действующего законодательства. Так опрос показал, что менее одной пятой части осужденных обладают необходимой информацией о правовом регулировании порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы. К большому сожалению, основная масса осужденных имеет довольно слабое представление о действующем уголовно-исполнительном законодательстве (табл. 5).

Сказать, что эти показатели говорят о многом, значит, ни сказать ничего. Дело в том, что данные показатели, можно оценивать так:

– эффективность работы администрации оценивают осужденные, которые не знают норм, регулирующих ее деятельность;

– субъективность оценки деятельности администрации осуществляется на основе системы представлений, базирующихся на неформальных нормах взаимоотношения с администрацией;

– субъектом, ретранслирующим качественную оценку деятельности администрации, является пенитенциарное сообщество, которое априорно, настроено антагонистически к администрации (является конкурирующим субъектом властных полномочий в условиях мест лишения свободы).

В этой связи полагаем, что повышение информированности осужденных в сфере правового регулирования порядка и условий отбывания наказания в виде лишения свободы, можно рассматривать как одно из важнейших средств повышения объективности качественной оценки деятельности администрации исправительного учреждения. Здесь мог бы пригодиться опыт работы советских исправительно-трудовых учреждений, где требование изучения действующего законодательства являлось обязательным и рассматривалось как неотъемлемое условие в оценке степени исправления осуждённого.

Подтверждение нашей гипотезы, мы находим в ответах, осужденных на вопрос о субъекте предоставления им информации, о деятельности администрации исправительного учреждения. Так, исследование показывает, что опрошенные осужденные в своих оценках, в большинстве своем, опираются не на личный опыт взаимодействия с администрацией исправительного учреждения, а на информацию, полученную от других осужденных, либо вообще никак не определяют источники своей оценки (табл. 6).

Полученные в ходе проведенного нами социологического опроса результаты говорят о том, что реальная эффективность деятельности администрации мест лишения свободы не в полной мере может способствовать качеству взаимодействия с пенитенциарным сообществом. Администрация не способна контролировать роль социальных коммуникаций, определяющих приоритетность отношения осужденных к пенитенциарному сообществу, как более эффективному управленческому ресурсу [6].

Таблица 5

Степень осведомленности осужденных о требованиях уголовно-исполнительного законодательства, %

Степень осведомленности осужденного о требованиях уголовно-исполнительного законодательства	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК общего режима	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК строгого режима (впервые)	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК строгого режима (неоднократно)
Осведомлен	10,1	9,8	12,9
Не осведомлен	89,9	90,2	87,1

**Основные источники информации осужденных
о деятельности администрации исправительного учреждения, %**

Степень осведомленности осужденного о требованиях уголовно-исполнительного законодательства	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК общего режима	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК строгого режима (впервые)	Осуждённые, отбывающие наказание в ИК строгого режима (неоднократно)
Непосредственно от администрации ИУ	24,8	21,1	32,9
От осужденных, с которыми отбывают наказание	60,4	65,9	50,3
Из иных источников	11,5	6,6	4,5
Затрудняюсь с ответом	3,3	6,4	12,3

Без учета ресурсной базы, которой обладает пенитенциарное сообщество, невозможно адекватно оценивать и степень управляемости осужденными силами администрацией исправительного учреждения.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что подавляющее большинство осужденных не связывает возможности решения своих жизненно важных проблем

с администрацией мест лишения свободы. Прежде всего, в силу дисбаланса в ресурсном обеспечении администрации исправительного учреждения с одной стороны и пенитенциарного сообщества с другой. Отсюда, довольно низкая оценка осужденными возможностей администрации исправительных учреждений в решении их частных проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фильченко А.П. Криминальная субкультура осужденных как фактор естественной латентизации пенитенциарной преступности // Научное обеспечение реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: сборник научных трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. – Рязань: Акад. ФСИН России, 2011. – С. 325–328.
2. Авакян Л.А. Лидеры в группах отрицательного влияния среди осужденных // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний: материалы Международной научно-теоретического семинара, посвященного памяти профессора Н.А. Стручкова и М.П. Мелентьева, 19 апреля 2013 г., г. Рязань. – Рязань: Акад. ФСИН России, 2013. – С. 161–166.
3. Савушкин С.М. Пробелы правового регулирования дифференциации осужденных к лишению свободы в исправительно-трудовом законодательстве // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 2 (31). – С. 93–99.
4. Шпилев Д.А., Уваров И.А. Исправительный потенциал отечественной уголовно-исполнительной системы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2021. – № 2 (62). – С. 77–85.
5. Уваров И.А. О качестве информации, получаемой от респондентов специально-криминологических исследований пенитенциарной проблематики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 6 (11). – С. 357–362.
6. Кутякин С.А. Криминологическая и структурно-функциональная характеристика деятельности «смотрящих» в ИУ – СИЗО // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2007. – № 4. – С. 15–20.

Информация об авторе

Уваров Игорь Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД РФ (Ставропольский филиал), г. Ставрополь, доцент кафедры общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.

E-mail: uvarov.igor@mail.ru

Uvarov I.A.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ADMINISTRATION OF THE CORRECTIONAL INSTITUTION AND THE PENITENTIARY COMMUNITY IN THE PERCEPTION OF CONVICTS

Abstract. Any forms of relationships in social formations are traditionally considered as specific connections of various categories of subjects (individuals). The specific nature of the relationship is determined by the social environment in which they are

carried out. One of such specific social formations is the penitentiary society, which is managed through two types of relationships – formal and informal. The article presents a theoretical and empirical sociological analysis of the relationship between the administration of correctional institutions and the penitentiary community. The study was conducted in correctional institutions of general and strict regime of the Stavropol Territory, in the period 2019-2020 (N=472). The results obtained can be used as subjective indicators to determine the degree of loyalty of convicts to social practices implemented in domestic penitentiary institutions.

Keywords: administration of correctional institutions, penitentiary community, relationships in correctional institutions.

Author

Uvarov Igor Alekseevich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Stavropol branch), Stavropol, Associate Professor of the Department of General Sociology and Social Work of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod.

E-mail: uvarov.igor@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ СОТРУДНИКОВ ВУЗОВ КАК РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ИХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.69-73

Аннотация. В статье автором определяются теоретико-методологические основания исследования повышения квалификации сотрудников вузов. В качестве теоретической основы исследования выбраны теория человеческого капитала Г. Беккера и теория социального поля П. Бурдьё. На их основе определяется структура и возможные критерии оценки структуры и объема человеческого капитала сотрудников вузов. В качестве существенных дифференцирующих характеристик выделены общие и специфические компоненты человеческого капитала; культурный, социальный и символический капиталы. Капиталы, специфика их функционирования и конвертации рассматриваются в академическом поле, образованном пересечением социальных полей науки и образования. Задана перспектива эмпирического исследования стратегий наращивания человеческого капитала с учетом социальных характеристик сотрудников (возраст, пол, специальность, стаж, статус в академической структуре), характеристик организации (тип вуза), широкого социального контекста.

Ключевые слова: повышение квалификации, человеческий капитал, социальное поле, культурный капитал, социальный капитал, символический капитал.

В данной статье мы рассмотрим возможности использования теорий человеческого капитала Г. Беккера и социального поля П. Бурдьё в исследовании повышения квалификации сотрудников вузов. Основателями теории человеческого капитала являются Теодор Шульц и Гэри Беккер. Теодор Шульц определял человеческий капитал как приобретенные человеком ценные качества, которые могут быть усилены соответствующими вложениями [1] (обучение, получение опыта работы и т.п.). Для Гэри Беккера понятие «человеческий капитал» является органичной частью его экономического подхода к анализу человеческого поведения, как индивидуального, так и коллективного. Важнейшим принципом экономического подхода у него является понимание мотивации всех действий человека как рациональных, то есть, нацеленных на получение неких благ или избегание издержек. Рассмотрение человеческого поведения как рационального, расчетливого, не означает, что человек всегда правильно соотносит доступные ему средства, все аспекты исходной ситуации и цели – он может ошибаться, опираться на неполную или ложную информацию, рисковать, выбирая из нескольких вариантов поведения.

Принципиальным является допущение, что человек стремится к лучшему для себя и выбирает наименее затратный способ действий (в пределах своей компетенции), то есть, связанный с минимальными издержками и максимальной выгодой [2, С. 40]. Выгоды могут быть материальными, денежными (более высокий заработок, рост производительности труда) и неденежными (престиж, улучшение условий труда, перспективы продвижения по службе, более интересное и привлекательное содержание труда). Издержки Г. Беккер связывал, прежде всего, с упущенной ценностью времени, затраченного на инвестиции в человеческий капитал [3, С. 591]. Для Г. Беккера характерно рассмотрение времени как дефицитного, невозполнимого ресурса. Анализируя самые разные сферы и виды деятельности, он оценивает альтернативную стоимость времени и возможные последствия для временных затрат в близком и отдаленном будущем. Например, человек, тратящий время на занятия спортом, несет определенные временные издержки в настоящем, но может получить выгоду от сокращения временных затрат на посещение врачей, лечение и потерю работоспособности в будущем. Издержки могут быть

и более очевидными – плата за обучение, необходимость приобретения инвентаря, материалов, оборудования, учебных пособий.

Дж. Коулман, аналогичным образом определяющий человеческий капитал, противопоставляет его физическому и социальному [4, С.121-139] Физический капитал – это материальные ресурсы, такие как земля, орудия труда, машины и другое оборудование, материалы. Социальный капитал менее нагляден и вещественен, он является свойством определенной социальной среды. Как пишет Дж. Коулман, «социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур, и во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация. ... В отличие от иных форм капитала, социальный капитал свойствен структуре связей между акторами и среди них» [4, С. 124]. Дж. Коулман выделяет три основные формы социального капитала: 1. обязательства и ожидания, благодаря которым действия в данной среде с большей или меньшей вероятностью приводят к запланированным результатам (уровень риска\доверия); 2. информационная насыщенность среды, связанная и с информированностью акторов в данной среде и с интенсивностью информационных потоков в ней; 3. нормы и подкрепляющие их санкции. Такое понимание социального капитала несколько отличается от варианта, предложенного П. Бурдьё [5, С. 60–74]. П.Бурдьё связывает социальный капитал и с самим актором, и с социальной средой, в которой он действует, и определяет его как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью ... более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [5, С. 66]. Но по сути, оба социолога описывают одно явление – связь человеческого капитала с конкретной социальной средой, разную его ценность, разные возможности использования в зависимости от свойств социальной среды. На данное свойство человеческого капитала обращает внимание С.А. Кравченко. «Содержание и характер человеческого капитала не имеют универсальный характер: они изменяются во времени и пространстве, варьируются от страны к стране, специфичны в конкретных культурах, зависят от ментальности» [6, С.16–17] Он также обращает внимание, что при рассмотрении человеческого капитала на мезо и макроуровне он обретает дополнительные (системные, уровневые) свойства, что делает изучение индивидуального, локального и российского человеческого капитала взаимосвязанными, но существенно различающимися задачами. Нужно учитывать также ненамеренные, или латентные последствия человеческой деятельности, направленной на формировании челове-

ческого капитала [6]. Логично предположить, что эти последствия могут быть функциональными или дисфункциональными, и это тоже нужно учитывать при эмпирических исследованиях

В анализе человеческого капитала для нас принципиальным является предложенное Г. Беккером выделение общих и специфических компонентов [3]. Общие компоненты человеческого капитала (или «общая подготовка») могут приносить пользу в различных видах деятельности и на разных местах работы; специфические компоненты связаны с конкретным видом деятельности и местом работы. Примером общей подготовки могут служить базовые навыки использования ПК, примером специальной – владение специализированной программой, которая используется конкретной фирмой. Здоровье и ценностно-мотивационные компоненты человеческого капитала относятся, главным образом, к общим составляющим, хотя в них можно выявить и специфические аспекты. Например, стрессоустойчивость, способность сопротивляться эмоциональному выгоранию нужна всем работникам, но есть профессии, для которых это качество особенно актуально. Трудолюбие, пунктуальность можно отнести к общим составляющим человеческого капитала, а лояльность по отношению к конкретной организации, корпоративную солидарность – к специфическим.

Дополняет понимание повышения квалификации как развития человеческого капитала теория социального поля Пьера Бурдьё [7]. Теория социального поля позволяет более четко определить понятия «общего» и «специфического» капитала. Специфический капитал имеет ценность в пределах конкретного поля, в других полях его ценность меняется. Он может не терять ценности полностью, но, например, хуже конвертироваться [7]. То есть, для того, чтобы говорить об общих или специфических компонентах человеческого капитала, нужно соотнести его с полем его использования. П.Бурдьё отмечает, что социальные поля обладают относительной автономностью, но специфически взаимодействуют друг с другом. В своих работах П. Бурдьё исследует свойства различных социальных полей: интеллектуального, художественного, религиозного, поля высокой моды, рекламы, а также поля науки и образования [8]. Поле науки обладает высокой степенью автономии, но взаимодействует с полем образования. Нас в контексте данного исследования интересует взаимодействие этих двух полей, образующееся на их пересечении академическое поле. В ведомственных вузах академическое поле приобретает специфические свойства в результате взаимодействия с дополнительными полями силовых структур.

Среди существенных аспектов анализа человеческого капитала выделим также представление о его многомерности. Составляющими человеческого капитала являются

не только знания, умения, навыки, но и состояние здоровья (физического и психологического), а также ценностно-мотивационные характеристики (например, трудолюбие, ответственность). Г. Беккер упоминает здоровье и психологическое благополучие как значимые и часто недооцениваемые компоненты человеческого капитала, наряду со знаниями, опытом работы. Он относит их к общим компонентам человеческого капитала [9]. Е.А. Маклакова включает в компоненты человеческого капитала уровень физического здоровья; уровень образования, квалификации, компетенции; личностный адаптационный потенциал и уровень интеллектуального развития; профессиональные способности и особенности мировоззрения [10]. Р.И. Капелюшников в качестве варианта инвестиций в человеческий капитал отмечает не только обучение, но и географическую мобильность, поиск информации [11, С. 645].

В исследовании структуры человеческого капитала экономический подход Г.Беккера дополняет теория капиталов П. Бурдьё. П. Бурдьё выделяет три типа капитала в качестве основных (культурный, социальный, экономический), отмечая при этом, что любой тип капитала может существовать в качестве символического капитала – «как капитал в любой его форме, представляемой (т.е. воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием – предполагает влияние хабитуса как социально сконструированной когнитивной способности» [5]. В теории П. Бурдьё капитал связан в большей степени с социальным полем, а не с конкретным человеком, то есть он рассматривает более широкое понятие, чем человеческий капитал. На примере культурного капитала он анализирует инкорпорацию капитала и превращение его в человеческий капитал. Он не использует понятие «человеческий капитал», но ссылается на работы Г. Беккера и использует некоторые его выводы, в частности, разделение общего и специфического капитала. «Культурный капитал может выступать в трех состояниях: инкорпорированном состоянии [embodiedstate], т.е. в форме длительных диспозиций ума и тела; объективированном состоянии [objectifiedstate] – в форме культурных товаров (картин, книг, словарей, инструментов, машин и т. д.), являющих собой отпечаток или воплощение теорий, или их критики, некоторого круга проблем и т.д.; наконец, институционализированном состоянии [institutionalizedstate], т.е. в форме объективации.» [5, С. 60]. В контексте данного исследования нас интересует, главным образом, инкорпорированное и институционализированное состояние культурного капитала, т.к. именно они связывают капитал с конкретным человеком.

Инкорпорированный культурный капитал является человеческим капиталом, неразрывно связанным со своим носителем. Культурный инкорпорированный капитал нара-

щивается в ходе целенаправленного обучения и предполагает усилия человека, инвестиции времени и сил, отказ от других видов деятельности, отказ от отдыха и развлечений в пользу обучения. Бурдьё отмечает возможность и целенаправленного развития культурного капитала – нечто вроде обретения жизненного опыта, или обучения в ходе трудовой деятельности. Это может быть также неосознанное усвоение от ближайшего окружения манер, произношения, особой этики. Возможности развития культурного капитала зависят и от предшествующего опыта и уровня подготовки человека – легче развивать и углублять знания и умения в уже известной области, чем изучать абсолютно новую, легче учиться, имея навыки обучения. Могут иметь значение также способности и склонности человека.

Перечисленные особенности культурного капитала затрудняют точную оценку его объема. Наиболее очевидный и доступный критерий – время, затраченное на обучение – является недостаточным. Длительность обучения и наличие дипломов и сертификатов, хоть не позволяют оценить объем человеческого капитала точно, но в совокупности дают возможность конвертирования культурного капитала. В академической среде они могут быть дополнены специфическими количественными, измеряемыми показателями (например, количество научных и методических публикаций, индекс Хирша) и качественными (известность, авторитет, научная репутация). Это повышает ценность организованного повышения квалификации с получением документального подтверждения по сравнению с самообразованием и подготовкой на рабочем месте, в ходе работы.

Еще один тип капитала, который может быть связан с конкретным индивидом и рассматриваться как часть человеческого капитала – это социальный капитал. Это социальные связи, принадлежность к социальным группам. Имеет значения не только количество социальных связей, но и их «качество»; некоторые связи дают доступ к большему количеству ресурсов, чем другие.

П. Бурдьё выделяет особое поле науки и рассматривает его как место конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет [6]. Этому полю соответствует специфический «научный капитал» который может быть рассмотрен как конкретизация социального капитала для поля науки. «Научный авторитет является особым типом капитала, который, при соблюдении некоторых условий, может накапливаться, передаваться и даже конвертироваться в другие типы капитала» [6]. Объем этого капитала, возможности его наращивания и перспективы конвертации зависят не только от объема знаний (культурный капитал), но и их документального подтверждения на каждой ступени обучения и научной карьеры (символический капитал), а также научной репутации, признания другими специалистами данной

области, авторитетом, известностью (социальный капитал).

Социальный капитал может при определенных условиях наращиваться в ходе повышения квалификации. Организованные курсы повышения квалификации при очной форме обучения объединяют специалистов сходного профиля, которые в других условиях могут не пересекаться, особенно, если обучение связано с выездом в другой город или хотя бы в другой вуз. Однако такое обучение, скорее всего, может проводиться с отрывом от трудового процесса, и, соответственно, оно более затратно для организации. Для самого работника выезд в другой город связан с существенными затратами времени, и, возможно, иных ресурсов. Итоговое решение будет обусловлено всей совокупностью факторов и балансом между издержками и приростом человеческого капитала.

Выводы:

Повышение квалификации преподавателей может быть рассмотрено с точки зрения теории человеческого капитала Гэри Беккера, с учетом выделения общих и специфических компонентов человеческого капитала.

Выгода от развития человеческого капитала может заключаться не только в повышении заработной платы, но и сокращении затрат сил и времени на осуществление трудовой деятельности, а также в виде других благ (более комфортные условия труда, продление трудовой деятельности, возможность реализации оптимальных пенсионных планов).

Дополняет понимание повышения квалификации как развития человеческого капитала теория социального поля

Пьера Бурдьё. Она позволяет более четко определить понятия «общего» и «специфического» капитала. Специфический капитал имеет ценность в пределах конкретного поля, в других полях его ценность и возможности применения меняется. Мы будем рассматривать человеческий капитал в контексте академического поля, образуемого взаимодействием поля науки и поля образования. Кроме того, из теории П. Бурдьё полезным может быть выделение разных типов капитала (экономического, культурного, социального, символического) и о возможности их конвертации. Повышение квалификации сотрудников вузов мы будем рассматривать как развитие инкорпорированного культурного капитала (знания, навыки, умения), символического капитала (как подтверждение наличия культурного капитала), и социального капитала (включенность в научную среду, школу, «научный авторитет», научная репутация). Такое понимание повышения квалификации создает основу оценки объема и структуры человеческого капитала сотрудника вуза. Дополнительные возможности развития человеческого капитала дает поддержание физического и психического здоровья. Можно предположить вариативность стратегий наращивания человеческого капитала сотрудниками вузов в зависимости от социальных характеристик сотрудников (возраст, пол, специальность, стаж, статус в академической структуре), характеристик организации (тип вуза), широкого социального контекста (характеристики рынка труда, размер города).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. – N.Y., 1968. – Vol. 6.
2. Беккер Г. Экономический анализ человеческого поведения // Беккер Г. Человеческое поведение: Экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Пер с англ. – М.: ГУ ВШЭ. 2003. – С. 27–48.
3. Беккер Г. Нобелевская лекция // Беккер Г. Человеческое поведение: Экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Пер с англ. – М.: ГУ ВШЭ. – 2003. – С. 581–606.
4. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
5. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. – Т. 6. – №3. – Май 2005. – С. 60–74.
6. Кравченко С. А. Формирование сетевого человеческого капитала: методологические контуры концепции // Вестник МГИМО-Университет. – 2010. – № 6 (15). – С. 15–25.
7. Бурдьё П. Некоторые свойства полей [URLhttp://bourdieu.name/content/nekotorye-svoystva-polej](http://bourdieu.name/content/nekotorye-svoystva-polej) (дата обращения 17.07.2021)
8. Бурдьё П. Поле науки [URLhttp://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki](http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki) (дата обращения 17.07.2021)
9. Беккер Г. Человеческий капитал и распределение времени // Беккер Г. Человеческое поведение: Экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Пер с англ. – М.: ГУ ВШЭ. – 2003. – С. 85–86.
10. Маклакова Е. А. Человеческий капитал: понятие, оценка, учет // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-ponyatie-otsenka-uchet> (дата обращения: 18.10.2020)
11. Капелюшников Р.И. Послесловие. Вклад Г. Беккера с экономической теорию // Человеческое поведение: Экономический подход. Избранные труды по экономической теории. Пер с англ. – М.: ГУ ВШЭ. – 2003. – С. 645–668.

Информация об авторе

Уваров Николай Алексеевич, старший преподаватель, Ставропольский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации».

E-mail: uvaroff.nikolai@yandex.ru

Uvarov N.A.

SKILLS DEVELOPMENT OF UNIVERSITY EMPLOYEES AS A DEVELOPMENT OF THE MAIN COMPONENTS OF THEIR HUMAN CAPITAL

Abstract. In the article the author considers the theoretical and methodological foundations for the study of the professional development of university employees. Human capital theory by G. Becker and social field theory by P. Bourdieu are chosen as the theoretical basis of the study. On their basis the structure and possible criteria for assessing the structure and volume of human capital of university employees are defined. General and specific components of human capital; cultural, social and symbolic capitals are singled out as essential differentiating characteristics. The capitals, specificity of their functioning and conversion are considered in the academic field formed by the intersection of social fields of science and education. The perspective of empirical study of human capital building strategies taking into account social characteristics of employees (age, gender, specialty, length of service, status in academic structure), characteristics of organization (type of university), wide social context is set.

Keywords: skill development, human capital, social field, cultural capital, social capital, symbolic capital.

Literature

1. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. – N.Y., 1968, vol. 6.
2. Becker G. Economic Analysis to Human Behavior // Becker G. Human Behavior: An Economic Approach. Selected works in economic theory. – Moscow. STATE UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS. – 2003. – P. 27–48.
3. Becker G. Nobel Lecture // Becker G. Human Behavior: An Economic Approach. Selected Works in Economics. – Moscow. STATE UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS. – 2003. – P. 581–606.
4. Coleman, J. Social Capital: A Multifaceted Perspective // Social Sciences and Modernity. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
5. Bourdieu P. Forms of Capital // Economic Sociology. – Vol. 6. – №3. – May 2005. – С. 60–74.
6. Kravchenko S.A. The formation of network human capital: the methodological contours of the concept // Bulletin of MGIMO-University. – 2010. – № 6 (15). – С. 15–25.
7. Bourdieu P. Some Properties of Fields URL <http://bourdieu.name/content/nekotorye-svoystva-polej> (accessed 17.07.2021)
8. Bourdieu P. The Field of Science URL <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki> (accessed 17.07.2021)
9. Becker G. A Theory of the Allocation of Time // Becker G. Human Behavior: An Economic Approach. Selected works in economic theory. English translation. – Moscow. STATE UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS. – 2003. – С. 49–196.
10. Maklakova E. A. Human capital: concept, evaluation, accounting // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. – 2010. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-ponyatie-otsenka-uchet> (date of reference: 18.10.2020)
11. Kapelyushnikov R.I. Afterword. G. Becker's Contribution to Economic Theory // Human Behavior: Economic Approach. Selected Works in Economic Theory. English translation. – Moscow. STATE UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS. – 2003. – С. 645–668.

Author

Uvarov Nikolai Alekseevich, Senior Lecturer, Stavropol branch of the federal public governmental educational establishment of higher education «Krasnodar university of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».

E-mail: uvaroff.nikolai@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОМ ОРГАНИЗАЦИИ КАК РАБОТОДАТЕЛЯ

DOI: 10.26907/2079-5912.2021.4.74-76

Аннотация. Сегодня в условиях глобализации рынков, изменение социально-экономической среды и внедрение инновационных технологий обуславливает обострение конкуренции между компаниями за профессиональных грамотных специалистов. В статье автором предпринята попытка рассмотреть особенности содержания управления образом организации как работодателя с позиций социально-экономического знания. С помощью обращения к научным изысканиям исследователей-современников в области социологии потребления, социологии брендов, экономической социологии проанализированы научные представления о системе управления образом организации как работодателя и показатели ее успешного продвижения на рынке труда.

Анализ исследовательских практик позволяет сделать вывод, что в современных рыночных условиях изучение социально-экономических факторов управления образом организации, способствующих ее кадровому развитию, является актуальной в области изучения социологии, социологии труда, социологии организации и управления, может послужить опорой для дальнейших социологических, социально-экономических исследований особенностей процесса управления образом организации и ее кадровой привлекательности на рынка труда.

Ключевые слова: образ работодателя, организация, рынок труда, управление организацией, показатель, исследования.

Согласно Постановления Правительства РФ от 19.07.1999 N 829 (ред. от 08.08.2003) «О Заявлении Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации об экономической политике в 1999 году [...]» главной целью преобразований сфере рынка труда является его развитие и защита прав работников [1]. В современных социально-экономических условиях данный тезис не потерял своей актуальности, поскольку сегодня для создания конкурентоспособной позиции перед организацией встает необходимость создания и развития «сильного» привлекательного образа на рынке труда. Здесь, представляется справедливым выражение отечественного исследователя в области HR-брендинга Арьковой Т.Ю. о трансформационной сущности рынка труда из «рынка работодателя» в «рынок кандидата» - «...в современном бизнесе происходит жесткая конкурентная борьба между работодателями за настоящих профессионалов, талантливых специалистов, т.е. именно ценные сотрудники оказываются в ситуации выбора места трудоустройства» [2].

В данной связи, актуализируется необходимость всестороннего изучения и поиск направлений оптимизации

процесса управления образом организации как работодателя, формирование управленческой деятельности по организационно-функциональному выражению привлекательности организации на рынке труда, направленной на максимизацию кадровых активов путем синтеза средств и методов внутрорганизационных механизмов.

Известно, что системой управления организации является синергия средств, способов и методов решения организационно-управленческих задач, ориентированных на привлечение сообщества специалистов, которое с позиции социологического знания может быть определено как «специализированная социально-профессиональная группа, основанная на институционализированной форме социальных отношений среди приверженцев образа организации». Интересным представляется видение социологического определения границ и форм феномена позиционирования образа как объекта исследования в рамках исследовательского анализа в работе Костылевой Н.В. [3] на основе теорий в рамках социологии потребления (Ж. Бодрийяр, Т. Веблен и др.) [4,5], где потребительское поведение формирует определённый континуум в пони-

мании исследовательской востребованности (здесь – потребительская ценность предложения организации-работодателя). Так же справедливо утверждение отечественных исследователей, которые формируют исследовательское знание с позиции понимания ядра образа организации на рынке труда как ценностного предложения, с учетом отраслевых особенностей позиционирования работодателей на рынке труда, в целом [6], и, где на уровне макросреды разработка образа работодателя может обеспечить наличие определенной доли на рынке, высокую рентабельность, рост бизнеса, признание среди заинтересованных сторон (в том числе конкурентов), позволить увеличить лояльность к компании со стороны соискателей [7].

С позиций экономического подхода, содержание устойчивого и привлекательного образа работодателя на рынке труда заключается в его отождествлении с, так называемым, нематериальным активом организации, способным приносить существенную выгоду, поскольку для потребителя образ выполняет функцию предоставления ценности в контексте стабильности, перспектив и успеха. В эмпирическом выражении, социологическая интерпретация привлекательного для целевой аудитории – работников, в т.ч. потенциальных (соискателей) образа компании позволяет формулировать способы оптимизационного позиционирования организации на рынке труда с позиции значимости комплекса управления организацией – мероприятий, направленных на увеличение спроса уникального товара - предложения на рынке труда.

Таким образом, эффективное управление привлекательным образом организации как работодателя с пози-

ции социологического анализа на стратегическом уровне должно производиться по сбалансированной системе с учетом развития эмпирических показателей: количество представленных вакансий и качество обратной связи, частота взаимодействия с кадровыми агентствами, службами занятости, число проводимых мероприятий в рамках повышения корпоративной культуры и трансляции корпоративных ценностей, обучающих и стимулирующих мероприятий (тренинги и т.п.), совместных интеграций с вузами (ярмарка вакансий, тематические встречи, открытые занятия, мастер-классы и пр., эмпирические данные результатов анкетирования и кадрового мониторинга (например, на основании данных адаптационных карт молодых специалистов, практикантов, и др.), которые коррелируют с основными кадровыми показателями деятельности организации (увеличения доли запросов на вакансии, уменьшение показателя мобильности кадров, показатели удовлетворенности содержанием труда и др.).

С позиции социально-экономического анализа система управления организации представляется совокупностью факторов, оказывающих влияние и детерминирующих прибыльность компании, устойчивое кадровое положение, и формирующих продуктивность, конкурентоспособность образа организации на рынке труда, что продуцирует интерес к дальнейшему изучению особенностей процесса управления образом организации как работодателя и поиск путей его оптимизации на методологическом и эмпирическом уровне с позиции научного социологического, социально-экономического знания и смежных наук.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Правительства РФ от 19.07.1999 N 829 (ред. от 08.08.2003). Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23897/14aca2a5b67b69534dd4b01a2d17c7fe79b2a1d6/ (дата обращения: 22.11.2021)
2. Арькова Т.Ю. Сущность HR-брендинга как механизма позиционирования организации на рынке труда // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Т. 57. – №. 3. – 2011. – С. 125–129.
3. Костылева Н.В. Бренд как социокультурный феномен (социологический анализ) : дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Екатеринбург, 2006. – 171с.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / Ж.Бодрийяр. – Москва : Республика : Культурная революция, 2006. – 268 с.
5. Веблен Т. Теория праздного класса [Текст] / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – С. 108.
6. Пуляева В.Н. Роль ценностного предложения работодателя в формировании HR-бренда / В.Н. Пуляева // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 659–676.
7. Караваева А.А. Модель построения бренда работодателя / А.А. Караваева, А.А. Ушкова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2012. – № 5 (40). – С. 229–232.

Информация об авторе

Хизбуллина Радмила Радиковна, доцент, Казанский государственный энергетический университет, Институт экономики и информационных технологий, кафедра социологии, политологии и права.

E-mail: mine_post@inbox.ru

**SOCIO-ECONOMIC CONTENT OF THE PROCESS OF MANAGING THE IMAGE
OF THE ORGANIZATION AS AN EMPLOYER**

Abstract. Today, in the context of globalizing markets, changing the socio-economic environment and the introduction of innovative technologies, competition between companies for professional competent specialists has intensified. In the article, the author attempted to consider the features of the management of the organization's image as an employer from the point of view of socio-economic knowledge. With the help of an appeal to the scientific research of contemporary researchers in the field of consumption sociology, brand sociology, economic sociology, scientific ideas about the management system of the organization's image as an employer and indicators of its successful advancement in the labor market were analyzed.

The analysis of research practices allows us to conclude that in modern market conditions, the study of socio-economic factors of management in the way of the organization, which contribute to its personnel development, is relevant in the field of studying sociology, sociology of labor, sociology of organization and management, can serve as a basis for further sociological, socio-economic studies of the features of the management process in the way of the organization and its personnel attractiveness to the labor market.

Keywords: employer image, organization, labour market, organization management, indicator, research.

Literature

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated 19.07.1999 N 829 (ed. From 08.08.2003). Electronic resource. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23897/14aca2a5b67b69534dd4b01a2d17c7fe79b2a1d6/ (case date: 22.11.2021)
2. Arkova T.Yu. The essence of HR branding as a mechanism for positioning an organization on the labor market // Izhvestia Volgograd State Pedagogical University. – T. 57. – № 3. – 2011. – P. 125–129.
3. Kostyleva N.V. Brand as a sociocultural phenomenon (sociological analysis): dis.... Candidate Sociol. sciences: 22.00.06. – Yekaterinburg, 2006. – 171 pages.
4. Bodriyar J. Consumption Society: its myths and structures / J. Bodriyar. – Moscow: Republic: Cultural Revolution, 2006. – 268 p.
5. Veblen T. Idle class theory [Text]/ T. Weblen. – M.: Progress, 1984. – P. 108.
6. Pulyaeva V.N. The role of the employer's value proposition in the formation of the HR brand / V.N. Pulyaeva // Economics, entrepreneurship and law. – 2020. – V. 10. – № 3. – P. 659–676.
7. Karavaeva A.A. Model of building an employer brand / A.A. Karavaeva, A.A. Ushkova. – Text: direct//Young scientist. – 2012. – № 5 (40). – P. 229–232.

Author

Khizbullina Radmila Radikovna, Cand. sociol. Sci., Kazan State power engineering university, Institute of Economics and Information Technologies, The department of Sociology, political science and law, Kazan, Russian Federation.

E-mail: mine_post@inbox.ru

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#4 2021 (4)

Подписано в печать 17.12.2021

Дата выхода в свет 17.12.2021

Формат 60 x 84 1/8

Усл. печ. л. 9,1. Тираж 300 экз. Заказ № ???.

Цена свободная

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета

Адрес издателя: 420008, г. Казань,
ул. Профессора Нужина, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

